Беляев. И.

Судьбы православ
в прибалтийском
крае.

А 251
55
№20

А 251/55

Изданіе П. П. Сойкина.

[N20].

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА РУССКАГО ПАЛОМНИКА

Прот. І. Бѣляевъ.

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Историко - этнографическій очеркъ.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книжный Складъ П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

А 251/55

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ

ВЪ

ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Историко-этнографическій очеркъ

Прот. І. Бѣляева.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Мая 1901 г.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная ул., № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начало XX столѣтія въ исторіи Прибалтійскаго края, безъ сомнѣнія, будетъ ознаменовано торжественными празднествами по случаю 700-лѣтія основанія г. Риги. Объ этомъ въ періодической печати уже было не мало толковъ и слуховъ, хотя еще и не пришли къ согласію по вопросу о томъ, когда именно праздновать 700-лѣтіе такого важнаго событія для Прибалтійскаго края, какъ основаніе г. Риги.

Въ „Ливонской Хроникѣ" Генриха Латышскаго можно находить основанія для празднованія этого событія и въ 1900 г., и въ 1901 г., и въ 1903 г. *). Впрочемъ, когда-бы ни праздновали юбилей событія, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что оно не пройдетъ безслѣдно для этого края. Всѣ народности, населяющія теперь Прибалтійскій край, вспомнятъ стародавнія времена своей исторіи въ этомъ краѣ и въ нихъ будутъ искать руководящихъ началъ для дальнѣйшей дѣятельности будущихъ поколѣній. Нѣмцы, потомки гордыхъ завоевателей Ливоніи, пожалѣютъ о невозвратныхъ прошлыхъ временахъ своего кроваваго и тяжелаго господства надъ природными насельниками края—эстами и латышами. И русскіе съ горечью пройдутъ мыслью по разнымъ

*) «Ливонская хроника» Генриха Латышскаго, глав. V § 15, гл. V, § 1-й. Прибалтійскій Сборникъ, т. I, стр. 86—89.

мѣстамъ этого края, гдѣ древніе русскіе князья и ихъ дружинники насаждали среди населенія Ливоніи начала русской гражданственности и сѣмена православія, почти подавленныя и уничтоженныя впослѣдствіи латинскими и нѣмецкими „просвѣтителями“. А латышамъ, эстамъ и другимъ народностямъ Прибалтійскаго края, пережившимъ многострадальную эпоху латинскаго и нѣмецкаго владычества надъ ними, исторія прошлаго, конечно, дастъ много поучительныхъ уроковъ и указаній относительно того, кто ихъ друзья и кто ихъ враги, чего имъ можно и должно ждать отъ нѣмцевъ и отъ православной Россіи.

Естественно ожидать, что въ юбилейный годъ появится не мало нѣмецкихъ изданій, проникнутыхъ тенденціозной окраской по вопросамъ прошлаго изъ исторіи Ливоніи. По этимъ вопросамъ, чрезвычайно интереснымъ для всякаго русскаго и православнаго человѣка, вполнѣ своевременно имѣть нѣкоторыя историческія справки о различныхъ событіяхъ прошлой исторіи Ливоніи, освѣщаемыхъ съ точки зрѣнія интересовъ Россіи и православія. Хотя отчасти удовлетворить этой назрѣвшей потребности и имѣетъ въ виду предлагаемый историко-этнографическій очеркъ: „Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ“.

I.

Одна изъ окраинъ Русскаго государства.—Прибалтійскій край или древняя Ливонія.—Значеніе ея въ исторіи сѣверныхъ державъ и въ исторіи Россіи.—Латыши, ихъ отношеніе къ литовцамъ.—Латышскіе народцы.—Мѣстожительство латышей.—Отношеніе латышей къ сосѣдямъ—славянскимъ народамъ.

Есть страна, гдѣ между германскимъ и славянскимъ мірами уже много вѣковъ продолжается борьба изъ-за преобладанія. Это нынѣшній Прибалтійскій край, прежде Ливонія. И въ настоящее время здѣсь еще не совсѣмъ окончена борьба между этими мірами, и кто можетъ сказать, когда, кѣмъ и чѣмъ она окончится...

Именемъ Ливоніи обыкновенно называютъ три нынѣшнія губерніи Россійской имперіи: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую съ тремя нынѣшними уѣздами Витебской губерніи: Рѣжицкимъ, Люцинскимъ и Динабургскимъ, имѣвшими у поляковъ общее названіе инфлянтовъ. Весь этотъ край невеликъ пространствомъ: онъ занимаетъ площадь въ 1737 квадр. миль, между 55° 40′ и 58°30′ широты; не знаменитъ онъ какими-либо естественными богатствами или особеннымъ плодородіемъ почвы; никогда не славился онъ богатствомъ или многочисленностью своего населенія, потому что въ этомъ краѣ нынѣ живетъ не болѣе 3 милліоновъ народа, тѣмъ не менѣе въ свое время онъ игралъ немаловажную роль въ исторіи сѣверныхъ державъ, вообще, и въ исторіи русскаго государства въ частности. Тутъ, на этомъ небольшомъ сравнительно клочкѣ

русской государственной области, столкнулся міръ германскій—нѣмцы, шведы, датчане — съ міромъ славянскимъ, русскими и поляками; тутъ изъ за вопроса, кому владѣть гаванями восточнаго побережья Балтійскаго моря, разыгралась драма, преисполненная войнъ и переворотовъ,—драма, прологомъ къ которой послужило появленіе въ Ливонскихъ земляхъ католическаго монаха и эпилогъ которой законченъ русскими государями Петромъ I и Екатериною II, сдѣлавшими, наконецъ, Ливонію тѣмъ, чѣмъ судили быть этой странѣ ея географическія условія, т. е. нераздѣльною частью Россійской имперіи *).

Въ историческихъ судьбахъ Ливоніи весьма важное значеніе имѣли латыши, какъ по численности, такъ и по нѣкоторому своему превосходству въ различныхъ отношеніяхъ въ сравненіи съ другими туземными насельниками Ливоніи. Кто-же эти латыши? къ какому принадлежатъ они племени и когда появились въ предѣлахъ нынѣшняго Прибалтійскаго края? — Латыши принадлежатъ къ литовско-арійскому племени, которое не помнитъ ни имени вождя, который вывелъ его изъ Азіи, ни времени, когда первые литовскіе поселенцы появились на мѣстахъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи мѣстопребываніемъ всѣхъ литовскихъ народцевъ. Мѣста эти находились вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря.

Литовское племя съ глубокой древности раздѣлялось на три главнѣйшія вѣтви: прусскую, принѣманскую и латышскую. Латышскую или летскую вѣтвь литовскаго племени составляли изъ нѣсколькихъ народцевъ: 1) венды, обитавшіе по прибрежью Балтійскаго моря отъ нынѣшняго Мемеля до Виндавы и въ нынѣшнихъ округахъ Пильтенскомъ и Газенпотскомъ; 2)

---

*) Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ I; Рига, 1884 г. стр. 1.

куроны („корсь“ русскихъ лѣтописей), занимавшіе уголъ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ и въ нынѣшнихъ округахъ Пильтенскомъ и Туккумскомъ; 3) семигалы (зимгола русскихъ лѣтописей), жившіе къ юго-востоку отъ куроновъ въ нынѣшнихъ Добленскомъ, Митавскомъ и Баускомъ округахъ; 4) зелы или зелоны, населявшіе земли вдоль лѣваго берега Двины отъ Кокенгузена до нынѣшней Друи; 5) латыши (леты, летгала), занимавшіе земли по правой сторонѣ Двины и нынѣшніе уѣзды: Венденскій, часть Валкскаго, Рѣжицкій, Люцинскій и Динабургскій *).

Времена переселенія народовъ имѣли огромное и рѣшающее вліяніе на судьбы литовско-латышскихъ народовъ. Увлеченные общимъ теченіемъ и волнами переселенія народовъ, они перекочевали изъ Азіи въ Европу. Переселившись изъ глубинъ Азіи къ берегамъ Балтійскаго моря, литовско-арійское племя заняло мѣстности трудно доступныя, болотистыя и лѣсистыя. Кто жилъ въ этихъ мѣстностяхъ до появленія въ нихъ литовцевъ, трудно сказать съ точностью за неимѣніемъ какихъ-либо надежныхъ данныхъ. Кажется, что древнѣйшими насельниками Ливоніи слѣдуетъ признать финское племя — чудь, а затѣмъ литовское племя—латышей.

Таковы были древнѣйшіе жители Ливоніи, съ которыми пришлось сойтись славянскимъ племенамъ, когда съ береговъ Дуная, они, оттѣсненные сильнымъ врагомъ, въ очень отдаленныя времена, принуждены были покинуть свои первобытныя жилища и селиться въ нынѣшней Европейской Россіи.

Всѣ дошедшія до насъ древнія свидѣтельства о бытѣ и чуди и латышей единогласно указываютъ, что эти старинные насельники Ливоніи никогда не составляли никакого государства: каждое племя, каждый родъ жилъ

*) Исторія Ливоніи, стр. 14—15.

отдѣльно подъ управленіемъ родовыхъ старшинъ, а это именно влекло за собою раздѣльность силъ и невозможность устоять противъ вліянія сосѣдей,—племенъ болѣе ихъ сильныхъ, болѣе энергичныхъ и болѣе даровитыхъ, какими на востокѣ для чуди были ильменскіе славяне (новгородцы), и для латышей—кривичи (бѣлоруссы). Чудскіе и латышскіе народцы, ничѣмъ не отдѣленные отъ племенъ славяно-русскихъ, едва только завязались связи между ними, торговыя-ли, дружественныя или враждебныя, не избѣгали этого вліянія, намѣтившаго и опредѣлившаго весь дальнѣйшій ходъ жизни ливонскихъ туземцевъ, ходъ самый естественный и правильный *).

*) Исторія Ливоніи, стр. 19—20.

II.

Латышскій языкъ.—Языческія религіозныя вѣрованія литовцевъ и латышей.—Боги, жрецы, святилище Ромово, верховный жрецъ кривекривейто.—Архіепископъ Чешскій Войтехъ, польскій король Болеславъ Храбрый и разгромъ Ромова.—Вайделоты, вайделотки.—Языческія вѣрованія и преданія латышей послѣ принятія ими христіанства.—Языческіе боги и праздники у древнихъ латышей.

Языкъ нынѣшнихъ латышей — обще-литовскій, нѣсколько уклонившійся отъ своего первообраза: огромныя пространства, занятыя литовскимъ племенемъ, рѣдкія и затруднительныя сношенія между отдѣльными племенами,—все это содѣйствовало образованію уклоненій отъ первоначальнаго языка, общаго всему племени.

Религіозныя воззрѣнія латышей также мало различались отъ воззрѣній обще-литовскихъ. Въ древности латыши, какъ и всѣ литовцы, были язычниками. Они обоготворяли всѣ стихіи; верховнымъ богомъ считали бога-громовника — Перкуна, который по литовски назывался Перкунасъ. Передъ этимъ идоломъ, олицетворявшимъ стихію огня, горѣлъ священный неугасимый огонь—Зничъ.

Солнце, какъ источникъ свѣта и тепла, чтилось подъ именемъ бога Сотвароса (были и другія имена этого бога); богиня мѣсяца называлась Лаймa; богъ дождя былъ Летувинисъ. Былъ особый богъ веселья—Рагутисъ; почитались и славянскія божества Лель и Ладо. Нѣкоторыя божества въ разныхъ мѣстностяхъ носили разныя названія, чѣмъ и объясняется большое количество ли-

товскихъ божествъ, упоминаемыхъ въ древнихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ. Воображеніе литовцевъ, какъ и всюду у язычниковъ, всю видимую природу населяло особыми божествами и геніями—добрыми и злыми, вліявшими на жизнь человѣка, которому вслѣдствіе того приходилось располагать ихъ къ себѣ поклоненіемъ и жертвами. Рядомъ съ божествами почитались нѣкоторыя животныя, птицы и гады, особенно ужи, и рядомъ съ такимъ совершенно уже грубымъ идолопоклонствомъ встрѣчаются признаки индійской тримурти или трехъ высшихъ божествъ греческаго Олимпа. Перкунасъ, подобно Зевсу, повелѣваетъ небомъ; Атримпосъ (Нептунъ) повелѣваетъ водою и Поклусъ (славянскій Пекло, греческій Плутонъ) подземнымъ царствомъ.

Богамъ посвящались особые лѣса и озера, дѣлавшіяся чрезъ то неприкосновенными для народа. Дубъ считался деревомъ Перкунаса, и капища, святилища этого бога, обыкновенно располагались среди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ такихъ святилищъ называлось Ромово; оно находилось гдѣ-то въ Пруссіи. Здѣсь подъ вѣтвями священнаго дуба стояли изображенія Перкунаса, Атримпоса и Поклуса и передъ ними горѣлъ неугасаемый костеръ. Особые жрецы и жрицы должны были смотрѣть за этимъ огнемъ и, если онъ угасалъ, то виновные въ недосмотрѣ сжигались живыми, и огонь добывался снова изъ кремня, который былъ въ рукѣ Перкуна. Подлѣ главнаго святилища въ Ромовѣ жилъ и верховный жрецъ, называвшійся криве-кривейто *). Значеніе его было весьма велико, такъ какъ его религіозная власть распространялась почти на всѣ литовскія племена и на жрецовъ ихъ. Впрочемъ, въ концѣ XI в. и началѣ XII в. значеніе Ромова и криве-кривейто сильно упали. Этому содѣйствовалъ разгромъ Ромова польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ.

*) Исторія Ливоніи, стр. 15—16.

Въ концѣ XI вѣка чешскій архіепископъ Войтехъ (Адальбертъ), покровительствуемый польскимъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ, отправился проповѣдывать евангеліе язычникамъ, обитавшимъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Онъ и его спутники пробрались въ земли пруссовъ и однажды зашли въ священную рощу, куда доступъ чужеземцамъ былъ воспрещенъ. Жрецы умертвили Войтеха, умертвили и другого христіанскаго миссіонера Бруно, когда тотъ, спустя лѣтъ 10 послѣ Войтеха (около 1109 года) явился проповѣдывать христіанство пруссамъ. Въ отмщеніе за смерть миссіонеровъ Болеславъ Храбрый съ большимъ войскомъ вторгся въ глубь Пруссіи и страшно разорилъ эту страну: пережегъ много деревень, разрушилъ главное святилище пруссовъ Ромово, переказнилъ жрецовъ и наложилъ дань на пруссовъ. Съ тѣхъ поръ значеніе жреческаго Ромова и криве-кривейто сильно упали. Столица его вмѣстѣ со святилищемъ перешла къ жмудинамъ на устье Дубиссы, откуда впослѣдствіи перешла на устье Невяжи, потомъ на берега Вилін, наконецъ—въ Вильну *).

Жреческое сословіе было довольно развито среди литовцевъ. Правда, жрецы не составляли особой касты и жрецомъ могъ быть всякій литовецъ, но они составляли сословіе сколько многочисленное, столько же и сильное своимъ значеніемъ въ народѣ. Жрецы, вообще, назывались вайделотами и дѣлились на разныя степени и занятія, ибо они, кромѣ жертвоприношеній, занимались леченіемъ, гаданіемъ, заклинаніемъ отъ злыхъ духовъ, обученіемъ народа въ вѣрѣ. Высшій жрецъ въ данномъ округѣ назывался криве. Онъ надзиралъ за святилищами и вайделотами округа и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ судьею. Криве, достигавшіе извѣстнаго почета и уваженія, получали названіе криве-кривейто. Изъ всѣхъ криве-кривейто самымъ важнымъ былъ тотъ, ко-

*) Исторія Ливоніи, стр. 76.

торый проживалъ въ прусскомъ Ромовѣ. Приказанія прусскаго криве-кривейто, разсылавшіяся съ вайделотами, исполнялись не только въ Пруссіи, но и въ другихъ литовскихъ земляхъ. Ему принадлежала третья часть военной добычи.

Кромѣ жрецовъ у литовцевъ были и жрицы, или вайделотки, поддерживавшія огонь въ капищахъ богинь и занимавшіяся, подобно вайделотамъ, гаданіями, леченіями, прорицаніями и т. п. *).

Религіозныя воззрѣнія литовцевъ естественно повліяли на религіозныя вѣрованія латышей, какъ вслѣдствіе родственности этихъ народовъ, такъ и вслѣдствіе пространственной близости ихъ и частныхъ разнообразныхъ сношеній. Но религія латышей несомнѣнно носила и нѣкоторый своеобразный мѣстный отпечатокъ. Нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы латыши лифляндскіе и курляндскіе признавали надъ собою духовную власть главнаго криве-кривейта, и жреческое сословіе у латышей никогда не было такъ сильно развито, какъ въ литовскихъ вѣтвяхъ прусской и жмудской, хотя общій складъ вѣрованій, поклоненій, жертвоприношеній былъ одинъ и тотъ же **).

Почитаніе деревъ, въ особенности дуба, было общее у всѣхъ литовцевъ. Древніе латыши поклонялись Пер-

---

*) Исторія Ливоніи, стр. 16.

**) Латыши какъ лифляндскіе, такъ и курляндскіе, очень долго— даже послѣ принятія христіанства, сохранили свои языческія преданія и поклоненія. У Крузе приведено нѣсколько свидѣтельствъ. Давидъ Вундереръ въ описаніи своего путешествія въ Россіи, совершеннаго въ 1590 г., говоритъ о латышахъ, что они въ его время поклонялись солнцу, лунѣ, звѣздамъ, деревьямъ, тѣнямъ умершихъ. Курляндскій суперъ-интендентъ Павелъ Эйнгорнъ въ своей Historia Lettina жалуется, что латыши не перестаютъ поклоняться своимъ древнимъ языческимъ божествамъ и деревьямъ. Сохранился протоколъ церковной визитаціи отъ 1613 г., гдѣ сказано, что латыши у Маріенгаузена не имѣютъ ни проповѣдниковъ, ни церквей, но всѣ преданы язычеству: почитаютъ священное дерево, подъ которымъ собираются

купу, какъ и всѣ литовцы, и, подобно имъ, имѣли своихъ мужскихъ и женскихъ божествъ. Такъ богъ Аускутсъ, неумилостивленный жертвами, наводилъ на людей моровое повѣтріе, Гардегасъ былъ богъ вѣтра и бури; Лиго былъ богъ или богиня любви и радости (латыши и нынѣ воспѣваютъ Лиго въ Ивановъ день); Перггрубисъ былъ богъ весны, Пильпитисъ—богъ наводненій и пр. Крузе приводитъ имена и женскихъ божествъ: Брексена, Дида, Лайме и пр. Однимъ словомъ и латыши, подобно всѣмъ своимъ литовскимъ единоплеменникамъ, населяли всю видимую природу особыми божествами и геніями.

Латышскіе праздники: зимній праздникъ чурбана, когда сжигался чурбанъ, изображавшій собою трудъ; весенніе праздники, осенній праздникъ, когда въ жертву божествамъ приносился козелъ или быкъ—все это имѣло много общаго съ литовцами, составляло отзвуки общелитовскихъ вѣрованій и воззрѣній *).

въ извѣстное время и совершаютъ жертвоприношенія. Дубъ былъ у нихъ мужскимъ божествомъ, а липа женскимъ. Самъ Крузе въ сѣверной Курляндіи у Ауцена еще видѣлъ и срисовалъ священную липу и у Эрмеса—другое священное дерево, которое только 13 мая 1836 г. было срублено тамошнимъ пасторомъ Карбломомъ. Тутъ у этого дерева стоялъ четырехугольный камень, на которомъ латыши съ незапамятныхъ временъ клали деньги и др. дары въ видѣ жертвы. Это дерево и алтарный камень находились на холмѣ, густо обросшемъ деревьями. Названный пасторъ разрушилъ и въ другихъ курляндскихъ мѣстностяхъ не мало алтарей и вырубилъ деревъ, которымъ поклонялись латыши.

*) Исторія Ливоніи, стр. 18—19.

III.

Сношенія русскихъ славянъ съ латышами. — Латышскіе народцы, данники полоцкихъ князей. — Свидѣтельство Лаврентьевской лѣтописи и Ливонской хроники. — Кукейносъ и Герсикъ. — Вячко, князь Кукейноса; переходъ Кукейноса въ руки нѣмцевъ. — Всеволодъ или Висевальде, князь Герсикскій. — Разрушеніе Герсика. — Преданіе о бѣглецахъ изъ Герсика.

Есть опредѣленныя историческія указанія, что въ XII в. между латышами и русскими славянами были уже извѣстныя сношенія, завязывавшіяся между ними или путемъ торговыхъ предпріятій, или вслѣдствіе враждебныхъ воинственныхъ набѣговъ. Иначе и быть не могло: не было никакихъ естественныхъ границъ, которыя могли бы отдѣлять латышей отъ поселеній Полоцкаго княжества. Границы Полоцкой земли, можно сказать, терялись въ непроходимыхъ литовскихъ лѣсахъ. Проникая по Двинѣ къ берегамъ Балтійскаго моря, полоцкіе князья налагали дань на литовскіе народцы, и строили городки, въ которыхъ потомъ шла мѣновая торговля съ сосѣдними народцами; отсюда же княжескіе дружинники ходили собирать дань.

Въ лѣтописяхъ не сохранилось извѣстій, когда именно появились въ латышско-ливскихъ земляхъ поселенія полоцкихъ кривичей, когда стали латышскіе народцы платить дань полоцкимъ князьямъ. Но то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что придвинскіе народцы были данниками полоцкаго князя еще до прихода нѣмцевъ въ Ливонію *).

---

*) Таковы свидѣтельства Лаврентьевской лѣтописи, Ливонской хроники Генриха Латыша, и свидѣтельство буллы Папы Климента III.

Лаврентьевская лѣтопись: «А се суть инїи языцы, иже дань даютъ Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Парова, Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странѣхъ полунощныхъ». (Исторія Ливоніи, стр. 22).

Впрочемъ, полоцкіе князья вслѣдствіе слабости княжества, не успѣли укрѣпить за собою устья Двины, хотя и имѣли на Двинѣ два городка—Кукейносъ и Герсикъ. Эти оплоты власти русскихъ князей среди латышско-литовскихъ народцевъ, не устояли предъ напоромъ нѣмцевъ. Изъ лѣтописи Генриха (гл. XI) узнаемъ, что во время епископства Альберта княземъ Кукейноса въ 1207—1208 г. былъ Весцека (искаженное Вячеславъ или Вячко), тотъ самый Вячко, который впослѣдствіи былъ княземъ въ Юрьевѣ; онъ былъ убитъ въ августѣ 1224 г. во время штурма этого города нѣмцами. Древній Кукейносъ былъ окруженъ земляннымъ валомъ; замокъ (княжій дворъ) находился внутри города. Въ 1208 г. русскіе, видя невозможность бороться съ Альбертомъ, сами покинули Кукейносъ. Вячко удалился въ Россію, его дружина и русскіе жители зажгли замокъ (княжій дворъ) и бѣжали, говоритъ Генрихъ, каждый своею дорогою, а жившіе въ Кукейносѣ латыши и зелоны скрылись въ чащѣ лѣсовъ. Рижане преслѣдовали бѣглецовъ, и Кукейносъ запустѣлъ. Въ слѣдующемъ 1209 г. Альбертъ съ войскомъ прибылъ въ Кукейносъ и приказалъ очистить и укрѣпить его вновь. Въ Кукейносѣ былъ построенъ новый прочный замокъ *).

Литовская хроника: «Названный священникъ (Мейнардъ), получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоцескаго Вольдемара, которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ». (Ливонская хроника Генриха Латыша. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Рига, 1876 г.; стр. 74).

Папа Климентъ III (1188—1191) въ своей буллѣ къ Бременскому архіепископу прямо говоритъ, что епископство Икскульское (Икскуль по Двинѣ въ 30 верстахъ отъ Риги) основано въ Россіи. (Исторія Ливоніи, стр. 22).

*) Изъ разсказа Генриха не видно, чтобы въ древнемъ Кукейносѣ была православная церковь; но едва-ли можно допустить, что въ мѣстопребываніи князя не было церкви. По всей вѣроятности она сгорѣла со всѣми зданіями въ 1208 году.

Герсикскимъ княземъ въ началѣ XIII в. былъ Всеволодъ (Висевальдс, какъ его называетъ Генрихъ). Онъ женился на дочери литовскаго князя Даугерута и, по свидѣтельству Генриха, былъ ожесточеннымъ врагомъ латинянъ и нѣмцевъ. „Былъ Герсикъ всегда какъ бы дьявольскою сѣтью для всѣхъ жителей этой стороны Двины, крещеныхъ и некрещеныхъ“, говоритъ Генрихъ. Потому-то епископъ въ октябрѣ 1209 г. и двинулся на Герсикъ. Русскіе выступили на встрѣчу, но не выдержали натиска, бѣжали въ городъ, а за ними въ ворота ворвались и нѣмцы. Всеволодъ бѣжалъ за Двину, нѣмцы же захватили въ плѣнъ его жену и ограбили городъ. „И собрали они,—пишетъ Генрихъ,—много добычи, снося со всѣхъ угловъ города одежду и серебро и пурпуръ и сгоняя скотъ во множествѣ, и взяли изъ церквей колокола и иконы, и деньги и много добра“. Обобравъ Герсикъ и забравъ въ плѣнъ жителей, они зажгли городъ *).

Хотя на этотъ разъ Герсикъ и не опустѣлъ, но въ 1214 г. онъ подвергся новому опустошенію отъ нѣмцевъ.

Герсикскій князь Всеволодъ былъ убитъ и городъ разрушенъ. Съ 1214 г. герсикскій замокъ не былъ возобновляемъ, и самое имя Герсика съ XIV ст. уже нигдѣ не упоминается въ документахъ **).

Вотъ какъ описывается въ Ливонской хроникѣ вторичное опустошеніе Герсика нѣмцами.

„Кукейносскіе рыцари Мейнардъ, Іоганъ, Іорданъ и другіе обвиняли Висевальда, короля Герсикскаго, въ томъ, что онъ не только не является въ теченіе уже многихъ лѣтъ къ епископу, своему отцу, отъ котораго

---

*) Изъ разсказа Генриха о взятіи и сожженіи Герсика имѣемъ полное право заключить, что въ этомъ городѣ были православныя церкви, но одна, а нѣсколько, ибо онъ говоритъ о взятіи колоколовъ и иконъ не изъ одной церкви, а изъ нѣсколькихъ (Исторія Ливоніи, стр. 56—57).

**) Тамъ-же, стр. 58.

онъ получилъ (въ 1209 г.) свое королевство, но помогаетъ летопамъ и совѣтомъ, и дѣломъ, и часто его приглашали и требовали удовлетворенія. Тотъ не слушалъ ихъ и самъ не приходилъ и посла не присылалъ. Тогда рыцари, получивъ согласіе епископа, собрались со своими слугами и леттами и пошли вверхъ по Двинѣ. Приблизившись къ замку Герсика, они схватили одного русскаго и, связавъ его, повлекли почью къ замку. Русскій перелѣзъ чрезъ ровъ, какъ ему было приказано, началъ говорить съ часовымъ, а за русскимъ шли прочіе одинъ за однимъ. И часовой думалъ, что идутъ свои, находившіеся въ отсутствіи. И такъ всѣ по одиночкѣ поднимались вверхъ, пока, наконецъ, взлѣзли на брустверъ укрѣпленія. Тогда всѣ собрались и начали стеречь, чтобы никто изъ русскихъ до свѣта не вышелъ изъ замка. Когда начало свѣтать, то они сошли съ вала и пограбили все, что тамъ было, и взяли многихъ въ плѣнъ и дозволили другимъ спастись бѣгствомъ. Забравъ много добычи и оставивъ замокъ, они воротились домой и раздѣлили между собою то, что принесли съ собою“ *).

*) Сохранилось преданіе, что бѣглецы изъ Герсика переправились на лѣвый берегъ Двины и поселились между курляндскими латышами. Отъ этихъ именно бѣглецовъ и ведетъ свое начало русская слободка, возведенная курляндскимъ герцогомъ Яковомъ въ 1670 г. на степень города съ наименованіемъ его къ честь герцога Якобштадтомъ. Латыши не прерывали связей съ русской слободою, въ которой, конечно, была и церковь. Въ Якобштадтѣ въ 1675 г. была построена деревянная свято-духовная церковь (нынѣ возобновленная стараніями Прибалтійскаго Спасскаго въ Петербургѣ братства). Разсказываютъ, что въ этой церкви еще находилась древняя плащаница, относившаяся къ 1300 или къ 1400 году; но куда она дѣлась и гдѣ находится въ настоящее время неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но лифляндскіе латыши изъ бывшей Герсикской волости, будучи уже лютеранами, являлись въ Якобштадтскую церковь, гдѣ служили молебны, запасались святою водою. Такъ было издавна, и такъ продолжается по нынѣ. (Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 184—5; Исторія Ливоніи, стр. 58).

IV.

Распространеніе православія среди латышей. - Церковь въ Герсикѣ.— Вѣротерпимость русскихъ князей по отношенію къ покореннымъ народцамъ и племенамъ. — Свидѣтельство объ этомъ Генриха Латыша въ Ливонской хроникѣ. — Свидѣтельство Генриха Латыша о распространеніи православія среди латышей русскими изъ Пскова.— Случаи перехода православныхъ латышей въ католичество.

Подобно тому, какъ власть и вліяніе русскихъ полоцкихъ князей утвердились среди латышско-литовскихъ народцевъ значительно раньше прихода въ Ливонію нѣмецкихъ завоевателей, такъ и православіе стало распространяться среди латышей еще до появленія среди нихъ воинственнаго католицизма.

Кукейносъ и Герсикъ служили мѣстопребываніемъ русскихъ князей. Естественно предполагать, что у князей были православные священники, что въ городахъ существовали православныя церкви. Правда, не сохранилось извѣстій о существованіи церквей въ Кукейносѣ; о Герсикѣ-же положительно извѣстно, что тамъ были церкви,—не одна, а даже нѣсколько, какъ это ясно изъ хроники Генриха Латыша, изъ его повѣствованія о разграбленіи Герсика *).

Русскіе князья, при покореніи себѣ разныхъ народцевъ, налагали на нихъ дань, не навязывая имъ христіанства и не принуждая ихъ оружіемъ къ принятію православія.

---

*) Ливонская хроника, стр. 143. См. выше.

Въ своей хроникѣ Генрихъ Латышъ настойчиво указываетъ на вѣротерпимость русскихъ князей. „Таковъ былъ обычай русскихъ королей (князей), что при покореніи народовъ, они подчиняютъ ихъ себѣ не для приведенія въ христіанскую вѣру, а лишь для того, чтобы они платили имъ подати и деньги“ *).

Хотя въ русскихъ лѣтописяхъ не сохранилось извѣстій не только о распространеніи православія среди латышей изъ Герсика и Кукейноса, но и о самомъ Герсикѣ и Кукейносѣ **), все же можно предполагать, что латышско-литовскіе народцы, платившіе дань русскимъ, имѣли хотя смутное познаніе о православной христіанской вѣрѣ. Могли быть и случаи крещенія туземцевъ. Эти предположенія пріобрѣтаютъ еще большую степень вѣроятности, если обратить вниманіе на то, что есть прямыя свидѣтельства у Генриха Латыша о распространеніи среди латышей православія изъ Пскова.

Генрихъ Латышъ въ своей хроникѣ повѣствуетъ:

Въ это ***) время священникъ Алебрандъ былъ посланъ съ нѣкоторыми въ Унгаунію, чтобы похлопотать о возвращеніи купцамъ ихъ товаровъ, которые были однажды у нихъ отобраны.

Такимъ образомъ Алебрандъ, не успѣвъ въ хлопотахъ, возвращался домой, дорогою же проповѣдывалъ слово Божіе и принятіе крещенія летигаламъ, жившимъ по Имерѣ, тѣмъ болѣе, что уже вся земля ливовъ и нѣкоторые изъ летигаловъ приняли слово Божіе. Они возрадовались прибытію священника, ибо много терпѣли отъ нападеній летоповъ и всегда были угнетаемы ливами, почему и надѣялись посредствомъ нѣмцевъ получить и облегченіе и защиту себѣ. Они съ радостію приняли слово Божіе, однако, предварительно бросили

---

*) Ливонская хроника, Г. стр. 171.
**) Исторія Ливоніи, стр. 59.
***) Около 1207 г.

жребій и запросили своихъ боговъ, принять ли имъ крещеніе отъ русскихъ изъ Пскова съ прочими летигалами изъ Толовы, или же подчиниться латинцамъ, ибо русскіе въ это время пришли къ нимъ и крестили летигаловъ изъ Толовы, которые были всегдашними ихъ данниками. И жребій палъ на латинцевъ и они были подчинены съ ливонскою церковію рижанамъ. И крестилъ Алебрандъ нѣкоторыя деревни и возвратился въ Ригу и донесъ обо всемъ епископу. Епископъ, преисполненный радости и ревностный въ заботахъ о церкви, послалъ Генриха, своего ученика, посвященнаго въ духовный санъ, съ тѣмъ же Алебрандомъ назадъ въ ту сторону. И когда крещеніе въ той области совершилось, Алебрандъ воротился домой. Другой же (т. е. Генрихъ), когда была устроена церковь, которую получилъ въ ленъ, жилъ здѣсь между ними и, подвергаясь многимъ опасностямъ, непрерывно проповѣдывалъ блаженство будущей жизни *).

Это свидѣтельство Генриха Латыша весьма важно, какъ несомнѣнное доказательство того, что среди латышей, еще до проповѣди среди нихъ католичества, христіанство уже было извѣстно и даже было распространено въ формѣ православія.

Бывали случаи, когда нѣкоторые латыши изъ за житейскихъ выгодъ оставляли православіе и переходили въ католичество.

Въ Торейдѣ **) пришли къ епископу ***) сыновья Талибальда Толовскаго, Рамеке со своими братьями. Они подчинились власти епископа, съ обѣщаніемъ перемѣнить принятую ими отъ русскихъ христіанскую вѣру на вѣру по латинскому обычаю и ежегодно давать отъ пары лошадей по мѣрѣ зернового хлѣба, съ тѣмъ, чтобы епи-

*) Ливонская хроника Генриха Латыша, стр. 127—128.

**) См. Ливонскую хронику, стр. 184.

***) Къ епископу Филиппу, намѣстнику еп. Альберта; около 1214 г. См. Ливонскую хрон., стр. 184.

скопъ всегда защищалъ ихъ какъ въ мирное такъ и въ военное время; они съ нѣмцами будутъ составлять едино сердце и едину душу и получать всегдашнюю защиту противъ эстовъ и летоновъ. И епископъ принялъ ихъ съ радостію и потомъ послалъ вмѣстѣ съ ними своего священника, который былъ недалеко отъ Имеры, съ тѣмъ чтобы этотъ священникъ исполнялъ имъ таинства вѣры и преподалъ имъ христіанское ученіе“ *).

---

*) Тамъ же, стр. 184.

Говоря о распространеніи русскими православія среди латышей, до прихода въ Ливонію нѣмцевъ и латинскихъ проповѣдниковъ, приходится съ прискорбіемъ отмѣчать то обстоятельство, что свѣдѣній объ этой дѣятельности русскихъ сохранилось очень немного и при томъ почти исключительно въ передачѣ и освѣщеніи иностранныхъ, а не русскихъ авторовъ. Такъ, напр., въ «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія о первоначальномъ распространеніи православія въ Прибалтійскомъ краѣ сообщается слѣдующее: «Въ Лифляндіи, пока страна эта находилась подъ властію князей русскихъ, съ половины XII вѣка существовали по рѣкѣ Двинѣ русскія крѣпости съ православными церквами, и обращено было къ православію нѣсколько коренныхъ жителей, хотя они вскорѣ къ сожалѣнію приняли латинство». Т. III, 2 изд., 1868 г., стр. 38. Впрочемъ, едва-ли можно согласиться съ этимъ заявленіемъ русскаго церковнаго историка о малочисленности обращеній въ православіе коренныхъ жителей Ливоніи въ виду положительнаго свидѣтельства Генриха Латыша

V.

Краткій очеркъ историческихъ судебъ Ливоніи.

Мирно распространялось православіе среди латышско-литовскихъ народцевъ, предрасполагая ихъ этимъ къ подчиненію и къ государственному объединенію съ сосѣдними русскими славянами. Этому содѣйствовали и географическое положеніе Ливоніи, и природныя условія страны, и почти одинаковый образъ жизни населенія, и несомнѣнное превосходство русскихъ славянскихъ племенъ сравнительно съ латышскими народцами и племенами.

Ливонія есть ничто иное какъ продолженіе русской государственной области къ Балтійскому морю, составляетъ лишь частицу этой области, никакими естественными предѣлами не отдѣляющуюся отъ оной. Не подлежитъ сомнѣнію, что ходъ событій въ данной странѣ подчинялся и неизбѣжно подчиняется природнымъ условіямъ ея. Одинаковость природныхъ условій странъ, ничѣмъ не отдѣленныхъ другъ отъ друга, влечетъ за собою одинаковый образъ жизни населенія ихъ, и такія страны, рано или поздно, такъ или иначе, но всегда сливаются въ одну общую государственную область, какъ бы ни было разноплеменно и разнородно первоначальное населеніе ихъ. Такъ было всюду, такъ произошло и съ Ливоніею. Населенія ея, какъ ни отличались языками и происхожденіемъ отъ славянскихъ племенъ, заселившихъ области нынѣшней Россіи, не могли не войти въ сноше-

нія съ этими племенами, такъ какъ ни значительныя горы, ни значительныя воды не отдѣляли ихъ другъ отъ друга, а войдя въ сношенія, не могли не подчиниться ихъ вліянію, потому что славянскія племена были и сильнѣе и даровитѣе племенъ, въ отдаленнѣйшей древности живпшхъ по побережьямъ Балтійскаго моря и усть-двинскимъ мѣстностямъ. Достовѣрная исторія нашего отечества застаетъ уже ливо-латышскія племена находящимися подъ сильнымъ вліяніемъ полочанъ, а Запейпускую чудь подъ вліяніемъ, правда, слабымъ, но все же вліяніемъ энергичныхъ, предпріимчивыхъ и отважныхъ новгородцевъ. Русскіе городки и поселки со временъ уже Ярослава Владиміровича начинаютъ появляться въ Ливоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ вносится къ языческимъ ливонскимъ народцамъ и православіе, никому, впрочемъ, не навязывавшееся силою. Уже съ того времени начинаетъ подготовляться то, чему судили быть природныя условія Ливоніи, т. е. сліяніе ея съ русскою государственною областью, но этотъ естественный ходъ событій былъ задержанъ на нѣсколько столѣтій событіями, бывшими опять-же слѣдствіемъ природныхъ условій эсто-латышскаго края, какъ прилегавшаго къ Балтійскому морю. По ливо-латышскимъ землямъ шелъ второй водный путь въ Византію. Этотъ водный путь, какъ и великій греческій, съиздавна былъ извѣстенъ скандинавскимъ мореходцамъ, направлявшимся въ Кіевъ и въ Византію; по Двинѣ же внизъ полочане входили въ Балтійское море, и торговали въ Готландѣ, какъ по Волхову и Невѣ новгородцы входили въ Финскій заливъ, и ихъ купцы навѣщали и Швецію, и Данію, и Готландъ. Торговали выгодно и бойко, и Готландъ съ средины XII ст. явился центральнымъ пунктомъ всей торговли сѣверныхъ странъ. Торговыя выгоды привлекли на Готландъ множество купцовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Этотъ островъ со своимъ главнымъ городомъ Висби съ теченіемъ времени явился главнымъ посредникомъ русской

торговли съ европейской, при чемъ готландцы извлекали столь значительные барыши, что у бременскихъ купцовъ явилась мысль завести самимъ торговыя сношенія съ русскими безъ всякихъ посредниковъ. Снарядили корабль и съ товарами отправили его къ ливонскимъ берегамъ.

Корабль присталъ къ устью Двины и бременскимъ мореходцамъ удалось завязать торговыя сношенія съ ливами и русскими. Торговля быстро росла, нѣмецкіе купцы построили себѣ амбары, учредили купеческія конторы къ общей выгодѣ — и своей и русскихъ, и оставайся они при своихъ купеческихъ дѣлахъ, Ливонія, конечно, не только бы ничего не проиграла, напротивъ много-бы выиграла. Но этого не произошло: торговыя выгоды пробудили алчность бременскаго архіепископа и вотъ около 1184 г. впервые въ усть-двинской землѣ появился монахъ для проповѣди ливонскимъ язычникамъ христіанства. Съ дозволенія православнаго полоцкаго князя (это очень удивительно, но безусловно вѣрно) началась проповѣдь католичества, а съ нею и измѣненіе хода всѣхъ дѣлъ въ Ливоніи. „Божьи дворяне“ и „честные бискупы“ утвердились среди эсто-латышскихъ народцевъ, силою обратили ихъ въ католичество, вытѣснили русскихъ изъ ихъ ливонскихъ городковъ и поселковъ, и изъ Ливоніи сдѣлали не государство (какое государство могли они основать на клочкѣ русской государственной области?), не монархію и не республику, а просто нѣмецкую колонію, которая бы ихъ кормила и поила.

Утвержденіе въ Ливоніи „божіихъ дворянъ“ и „честныхъ бискуповъ“ извратило естественный ходъ событій въ Ливоніи, задержало на цѣлыя столѣтія то, что должно было совершиться и что ясно намѣчалось уже до ихъ прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ внесло въ Ливонію смуту, раздоръ, войны, кровопролитія. Цѣлая пропасть легла между побѣдителями и побѣжденными, причемъ и тѣ и другіе не знали и не могли знать покоя. Побѣдители

жили подъ вѣчною грозою русскихъ, побѣжденные только и думали, что о сверженіи наложеннаго на нихъ ига и рабства,—а тутъ властители, орденъ и духовенство, изъ за власти, изъ за кормленій, вѣчно ссорились, враждовали между собою. Тѣмъ не менѣе нѣмецкая колонія просуществовала самостоятельно цѣлыхъ 350 лѣтъ, благодаря единственно тому, что вся раздробленная Русь не имѣла еще единовластія, долго не могла окрѣпнуть послѣ татарскаго разгрома. Но вотъ за разгромомъ начинается собираніе русскихъ земель вокругъ Москвы и черезъ 350 лѣтъ послѣ появленія въ Ливоніи католичества случилось то, что ливонскіе властители предвидѣли еще за 100 лѣтъ до Грознаго.

Московскій царь, осиливъ татарскія царства, заявилъ Польшѣ, что вѣчнаго мира съ нею не будетъ, пока исконная русская вотчина, западная Россія, не соединится съ ея восточною половиною, двинулся на Ливонію, чтобы взять обратно то, что было силою отнято узурпаторами у русскихъ. Загорѣлась сильная, двадцать лѣтъ продолжавшаяся война, но въ концѣ-концовъ Іоаннъ долженъ былъ уступить своимъ соперникамъ: ему не подъ силу было бороться одновременно съ тремя державами, имѣвшими свои причины и поводы не допускать русскихъ овладѣть балтійскими гаванями. Онъ уступилъ; его соперники восторжествовали, Ливонія раздѣлилась на три части подъ двумя державами, и испытала тяжкія бѣды за то, что ея властители не пошли на подчиненіе Московскому государю. Поляки разссорились со шведами, начались самыя опустошительныя войны. Шведы осилили, присоединили къ своему государству и Эстляндію и Лифляндію. Но развѣ это соединеніе соотвѣтствовало природнымъ условіямъ Ливоніи, но развѣ шведы, ограбившіе русскихъ „отеческими пристаньми“, какъ выразился Петръ Великій, могли разсчитывать на прочность присоединенія, на возможность удержанія за собою клочка русской госу-

дарственной области? Если и разсчитывали, то сильно ошибались въ своихъ разсчетахъ. Они продержались въ Ливоніи лишь до 1710 г.; ихъ ливонскія пріобрѣтенія шли по своей принадлежности къ русской государственной области, и Петръ Великій совершилъ то, къ чему тщетно стремился его предокъ — Іоаннъ Грозный *).

Видя, какія перемѣны въ государственномъ отношеніи пришлось пережить Ливоніи, съ конца XII в. и по начало XVIII в., нельзя удивляться тому, что и православіе, утвердившееся было среди латышей, съ удаленіемъ русскихъ изъ Ливоніи потеряло свою опору, принуждено было уступить мѣсто католичеству, и, наконецъ, совершенно было вытѣснено католичествомъ, оставивъ по себѣ въ народѣ твердую память въ видѣ различныхъ обычаевъ, обрядовъ, словъ, выраженій и т. п. Прежде, чѣмъ говорить о судьбахъ православія въ Ливоніи среди латышей въ новѣйшія времена, начиная съ XVIII в., остановимся нѣсколько на тѣхъ грустныхъ для русскаго человѣка временахъ, когда русскіе были удалены изъ Ливоніи, а православіе было вытѣснено и замѣнено сначала католичествомъ, и потомъ протестантствомъ. Въ этихъ судьбахъ прошлаго Ливоніи заключаются тяжелые и глубоко-поучительные уроки и для современныхъ народностей Прибалтійскаго края. Прошлое должно научить и вразумить, какъ нужно смотрѣть на настоящее и какъ нужно пользоваться имъ. Ибо кто не вразумляется уроками прошлаго, тѣ, большею частью, бываютъ осуждены на погибель безпощаднымъ приговоромъ безпристрастной исторіи.

---

*) Исторія Ливоніи, стр. II—V.

VI.

Мейнардъ, первый латинскій миссіонеръ въ Ливоніи.—Кто былъ князь Владиміръ, позволившій латинскому миссіонеру проповѣдывать въ Ливоніи?—Чѣмъ можно отчасти объяснить это позволеніе?—Замки въ Икскулѣ и Гольмѣ.—Мейнардъ—епископъ Икскульскій.

О началѣ распространенія католичества въ Ливоніи среди латышей въ Ливонской хроникѣ Генриха Латыша повѣствуется такъ.

„Былъ достопочтенный и посѣдѣвшій въ благочестіи мужъ, по имени Мейнардъ, священникъ ордена святого Августина въ Зигебергской обители. Онъ лишь Христа и только проповѣди ради прибылъ (повидимому предъ 1184 г.) въ землю ливовъ, въ сопровожденіи нѣмецкихъ купцовъ, которые, находясь въ дружбѣ съ ливами, не разъ бывали въ ихъ землѣ и на корабляхъ приставали къ устьямъ Двины.

„Названный священникъ, получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоцекскаго Вольдемара, которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ“ *).

Предъ нами, такимъ образомъ, довольно затруднительное для пониманія историческое явленіе; русскій православный князь, для котораго должны быть весьма дороги интересы его земли, оказывается не на высотѣ

*) Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 74.

пониманія своего долга и позволяетъ латинскому миссіонеру проповѣдывать католичество среди тѣхъ народовъ, которые въ различныхъ отношеніяхъ находились подъ вліяніемъ Полоцкаго князя. Невольно поднимается вопросъ о личности этого князя. Въ виду важности объясненія этого событія, а съ другой стороны въ виду запутанности исторической жизни Полоцкаго княжества въ то время, обратимся за справками по интересующему насъ вопросу къ спеціальному труду по исторіи Прибалтійскаго края, къ „Исторіи Ливоніи“. Въ „Исторіи Ливоніи“ предлагается такое разсужденіе относительно личности князя и тѣхъ побужденій, по которымъ онъ позволилъ латинскому миссіонеру проповѣдь среди латышей. Кто-же былъ этотъ Полоцкій князь Владиміръ, и въ какомъ положеніи находилось его княжество въ концѣ XII столѣтія, когда на низовьяхъ Двины впервые появился католическій миссіонеръ?

Извѣстно, что Равноапостольный князь Владиміръ отдалъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкое княжество, составлявшее волость дѣда его по матери, Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или великимъ княземъ; слѣдовательно потомство его не могло уже двигаться къ старшинству, мѣнять волость, и потому должно уже было ограничиться одною Полоцкою волостью. Князья Полоцкіе явились по отношенію къ прочимъ князьямъ, потомству младшаго сына Владиміра, Ярослава Владиміровича, изгоями. Внукъ Изяслава Полоцкаго, Всеславъ Брячиславичъ, немилостивый на кровопролитье, недовольный своими дядями, Ярославичами, за то, что они не давали ему никакой части въ другихъ областяхъ, ограничивъ его владѣнія одною Полоцкою волостью, задумалъ овладѣть Псковомъ и Новгородомъ, на которые имѣлъ притязанія его отецъ. Въ 1065 г. онъ безуспѣшно осаждалъ Псковъ, а въ слѣдующемъ году страшно ограбилъ Новгородъ. Ярославичи шли на него

войною, нанесли ему сильное пораженіе на берегахъ рѣчки Немизы, а вслѣдъ затѣмъ вѣроломнымъ образомъ захватили Всеслава, отвезли въ Кіевъ и засадили въ порубъ (тюрьму) съ двумя его сыновьями. Въ 1068 г., когда кочевники-половцы разбили Ярославичей на рѣкѣ Альтѣ, кіевляне освободили изъ тюрьмы Всеслава и возвели его на великокняжескій столъ, который онъ занималъ, впрочемъ, не болѣе семи мѣсяцевъ. Будучи не въ силахъ противиться дядямъ, онъ бѣжалъ въ Полоцкъ, былъ выгнанъ оттуда, снова воротился, и успѣлъ-таки удержаться на отцовскомъ столѣ. Воинственный Всеславъ кончилъ свою тревожную, преисполненную приключеній жизнь въ 1101 г., оставивъ послѣ себя семерыхъ сыновей. Всеславичи, не получая доли въ остальныхъ русскихъ земляхъ, постоянно враждовали съ дядями, не хотѣли признавать старшинство кіевскаго князя и всячески старались увеличить свои части на счетъ потомковъ Ярослава. Для обузданія Всеславичей, великій князь Мстиславъ, сынъ знаменитаго Владиміра Мономаха, въ 1127 г., отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Всеславичи смирились, но въ слѣдующемъ же году, вопреки данной присягѣ, отказались идти вмѣстѣ съ великокняжескою дружиною на половцевъ. Въ отмщеніе за отказъ, великій князь рѣшился покончить со Всеславичами: захватилъ (неизвѣстно, впрочемъ, какимъ образомъ) трехъ Всеславичей — Давыда, Ростислава и Святослава вмѣстѣ съ дѣтьми старшаго Всеславича Рогволода и всѣхъ ихъ, съ женами и дѣтьми, отправилъ въ Царьградъ, къ своему родственнику, императору Іоанну Комнену, а Полоцкую волость отдалъ одному изъ своихъ сыновей, Изяславу. Полоцкіе Всеславичи не слишкомъ долго пробыли въ Византіи. Воспользовавшись спорами, возникшими по смерти Мстислава и ослабившими племя Мономахово, они около 1132—1139 г. возвратились въ свою волость и одинъ изъ сыновей Святослава Всесла-

вича, Василько, въ 1132 г. уже княжилъ въ Полоцкѣ. У Василько было три сына: Всеславъ, Владиміръ и Брячиславъ. Очень можетъ быть, что Владиміръ Васильковичъ и есть именно тотъ самый князь полоцкій Владиміръ, который далъ Мейнарду позволеніе крестить ливовъ въ католичество. Нѣтъ данныхъ утверждать это положительно, потому что очень возможно, что слова Генриха Латыша (гл. I, § 3): „accepta itaque licentia a rege Woldemaro de Plosceke“ *) относятся не къ Владиміру Васильковичу, а къ сыну Глѣба Всеславича, князю Володарю Глѣбовичу, враждовавшему съ Васильковичами и успѣвшему на короткое время изгнать ихъ изъ Полоцка.

Какъ бы то ни было, но изгнаніе Всеславичей въ Византію, возвращеніе ихъ, а потомъ неоднократное перемѣщеніе совершенно перепутали родовые счеты между ними. Многочисленные внуки Всеслава вступили въ борьбу между собою изъ за главнаго стола Полоцкаго, но кто и овладѣвалъ Полоцкомъ, тотъ ни мало не пользовался большимъ значеніемъ между своими родичами. Безпрерывныя распри подорвали княжескую власть въ Полоцкѣ и обезсилили, наконецъ, Полоцкое княжество до того, что оно подпало сильному вліянію князей смоленскихъ. Да и не до Ливоніи было Полоцкому князю въ тѣ времена, когда Мейнардъ явился съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на проповѣдь христіанства ливамъ, еще и по слѣдующей причинѣ.

Полоцкія земли на западѣ никакими естественными границами не отдѣлялись отъ поселеній литовскихъ народцевъ. Бѣдность и недостатки всякаго рода побуждали литовцевъ предпринимать набѣги на сосѣдей, болѣе ихъ зажиточныхъ, на Русь и Польшу. Набѣги не оставались безъ отмщеній, и князья русскіе и польскіе, чтобы предохранить свои владѣнія отъ грабежей, начали тѣснить

*) «Итакъ, получивъ позволеніе отъ Полоцкаго князя Владиміра»...

Литву: съ юга начали наступать на Литву польскіе славяне, съ востока славяне русскіе. Напоръ на литовцевъ съ юга польскихъ, а съ востока русскихъ славянъ, произвелъ у литовцевъ сосредоточеніе и объединеніе племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пробужденіе воинственной энергіи. За напоромъ славянъ на литовцевъ послѣдовало усиленіе власти военныхъ вождей ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усиленіе набѣговъ ихъ на сосѣдей. Литовскія дружины, болѣе или менѣе многочисленныя, вооруженныя дубинами, каменными топорами и стрѣлами, на своихъ крѣпкихъ коняхъ чаще и чаще начинаютъ вторгаться въ сосѣднія земли, подвергая все встрѣчное разоренію и опустошенію. Награбленная добыча дала возможность пріобрѣтать желѣзное вооруженіе, а удачи походовъ увеличивали численность дружинъ. Съ половины XII в. литовско-нѣмецкіе (жмудскіе) князьки уже не даютъ покоя сосѣдямъ: дружины ихъ начинаютъ безпрестанно вторгаться въ Полоцкія земли, князья которыхъ, обезсиленные усобицами, не могутъ оказать сильнаго сопротивленія; начинаютъ вторгаться въ придвинскія земли и князьки литовскіе съ своими дружинами, все болѣе и болѣе распространяютъ кругъ своихъ грабежей, доходя иногда до Финскаго залива, до Пскова и Полоцка, а послѣ и до самаго Кіева. „Уже Сула не течетъ свѣтлыми струями къ городу Переяславу, а Двина мутно течетъ у полочанъ подъ грознымъ кликомъ поганой Литвы“, говоритъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ и поясняетъ, что Всеславичи, враждуя другъ съ другомъ, сами неоднократно призывали литву на свою землю и разоряли ее до тла.

Въ концѣ XII столѣтія, ко времени, когда начинается миссіонерская дѣятельность Мейнарда у придвинскихъ ливовъ, набѣги литовскихъ князьковъ происходили въ обширныхъ уже размѣрахъ во всѣ стороны. Полоцкому князю, тѣсимому то своими родичами, то литвою, уже было не до Мейнарда. Позволивъ ему проповѣдь като-

личества подвластнымъ Полоцкому княжеству ливамъ, онъ уже не обращалъ никакого вниманія на католическаго миссіонера, ни на его дѣйствія и стремленія *)".

И такъ слабость Полоцкаго княжества, безсиліе Полоцкихъ князей вслѣдствіе междоусобицъ и споровъ изъ за власти, частые набѣги литовскихъ князей—вотъ тѣ причины, которыя могутъ отчасти объяснить равнодушіе русскаго князя къ латинскому миссіонеру. Впрочемъ, какъ-бы ни объясняли это событіе, само по себѣ оно навсегда останется однимъ изъ печальнѣйшихъ историческихъ памятниковъ того гибельнаго вліянія, которое имѣли въ жизни удѣльнаго періода Россіи междоусобицы князей: въ этомъ событіи со стороны русскаго князя Владиміра обнаружено или безсиліе осуществить свои національно-религіозныя задачи по отношенію къ латышамъ или равнодушіе къ нимъ.

Но обратимся къ дальнѣйшему повѣствованію Ливонской хроники о дѣятельности Мейнарда въ Прибалтійскомъ краѣ.

„Въ слѣдующую зиму (въ началѣ 1185 г.) леттоны (литовцы) опустошили землю ливовъ и очень многихъ изъ нихъ увели въ полонъ. Отъ ярости литовцевъ тотъ священникъ спасся тѣмъ, что съ нѣсколькими скрылся въ лѣсахъ. Когда литовцы удалились, Мейнардъ началъ упрекать ливовъ въ неразуміи, что у нихъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій, и обѣщалъ, что у нихъ будутъ замки, если они рѣшатся сдѣлаться и пребывать дѣтьми Божьими. Ливы приняли предложеніе и поклялись, что примутъ крещеніе.

Потому въ наступившее лѣто (1185 г.) прибыли каменщики изъ Готланда. Между тѣмъ ливы снова завѣрили въ искреннемъ своемъ намѣреніи принять христіанскую вѣру и обѣщали, хотя и ложно, что часть народа крестится предъ началомъ постройки нѣсколь-

*) Исторія Ливоніи, стр. 74—7.

ского замка, а когда замокъ (бургъ) будетъ совсѣмъ готовъ, то крестятся и остальные. Тогда каменщики положили основаніе. Пятая часть замка, воздвигавшаяся на счетъ проповѣдника, составляла его собственность землю-же подъ церковь онъ пріобрѣлъ ранѣе того. Когда, наконецъ, замокъ былъ готовъ, крестившіеся отпали, а некрещеные отказались креститься. Однако, Мейнардъ не отступилъ отъ своего намѣренія.

Въ это время сосѣдніе язычники, семигалы, услышавъ о постройкѣ изъ камня, и не зная, что камни скрѣпляютъ известью, прибыли съ большими корабельными канатами и хотѣли, по неразумію, замокъ стащить въ Двину. Но они были переранены изъ метательныхъ орудій и отступили, ничего не сдѣлавъ.

Подобными-же лживыми обѣщаніями обманули Мейнарда сосѣдніе жители Гольма, и, получивъ замокъ хитростію, достигли хорошаго себѣ успѣха. Шестеро изъ нихъ, неизвѣстно съ какою цѣлію, крестились, именно: Вилиндъ, Ульденаго, Ваде, Вальдеко, Герведеръ, Вицо.

Въ то время, когда строились укрѣпленія въ Икскулѣ и Гольмѣ, архіепископъ бременскій Гартвигъ, видя несомнѣнные успѣхи католичества между ливами, возвелъ Мейнарда въ санъ Икскульскаго епископа. Папа Климентъ III грамотою отъ 25 сентября 1188 г. подчинилъ новоучрежденную Икскульскую епископію главному вѣдѣнію архіепископа бременскаго, а 1 октября того-же года, утвердивъ за архіепископомъ Икскульское епископство, утвердилъ и Мейнарда епископомъ Икскульскимъ.

VII.

Ливы и Мейнардъ.—Помощникъ Мейнарда Теодорихъ.—Покушеніе на его жизнь со стороны язычниковъ.—Бѣдствія Мейнарда.—Разрѣшеніе папою крестоваго похода въ Ливонію. — Епископъ Бертольдъ.—Смерть Бертольда въ сраженіи съ ливами.—Ливы въ водахъ Двины смываютъ съ себя крещеніе и христіанство.—Епископъ Альбертъ.—Приготовленія Альберта къ крестовому походу на Ливонію.—Основаніе Риги.—Учрежденіе рыцарскаго ордена.

Когда строили замки въ Икскулѣ и Гольмѣ, ливы обѣщали принять крещеніе. Но съ окончаніемъ постройки хитрецы забыли клятвы и никто изъ нихъ не принялъ крещенія. Проповѣдникъ скорбѣлъ, конечно, и въ особенности, когда они разграбили его имущество, избили кулаками его людей и рѣшились его самого удалить изъ ихъ земли; крестившіеся въ водѣ думали омовеніемъ въ Двинѣ смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію.

Епископъ Мейнардъ имѣлъ помощникомъ себѣ въ проповѣдываніи Евангелія Теодориха, брата Цистерціенскаго ордена, впослѣдствіи (съ 1211 г.) епископа эстонскаго. Его-то ливы изъ Торейды вознамѣрились принести въ жертву своимъ богамъ, дабы посѣвы на ихъ поляхъ были плодоносѣе и ливы ихъ не терпѣли отъ ливней. Народъ собрался, и чтобы узнать волю боговъ на счетъ жертвоприношенія, бросили жребій: положили копье на землю и повели коня чрезъ него. Конь ступилъ, по волѣ Божьей, чрезъ копье ногою, опредѣленною для жизни. Братъ въ это время молился и рукою

благословлялъ народъ. Кудесникъ утверждалъ, что христіанскій Богъ сидитъ на хребтѣ коня и направляетъ копскія ноги и что потому надобно обмыть хребетъ коня, чтобы сбросить Бога. Когда это сдѣлали и конь снова ступилъ чрезъ копье ногою жизни, брата Теодориха оставили въ живыхъ.

Тотъ-же самый братъ, когда былъ посланъ въ Эстляндію, подвергался смертельной опасности отъ язычниковъ во время солнечнаго затменія, бывшаго въ день Іоанна Крестителя (23 іюня 1191 г.), ибо язычники говорили, что онъ пожираетъ солнце *).

Когда епископъ Мейнардъ увидѣлъ упорство ливовъ и тщетность своихъ трудовъ; онъ собралъ клериковъ и братьевъ и отправился къ купеческимъ кораблямъ, которые хотѣли уѣхать на пасху въ Готландъ съ тѣмъ, чтобы оставить край. Хитрые ливы боялись и подозрѣвали, чтобы къ нимъ не пришло христіанское войско, потому они со слезами и лицемѣріемъ старались отговорить епископа отъ его намѣренія и говорили: „Зачѣмъ, отче, и на кого оставляешь насъ безпомощныхъ? Удаляющійся пастырь подвергаетъ своихъ овецъ опасности отъ пасти волковъ“. И всѣ снова обѣщали ему принять крещеніе. Довѣрчивый епископъ повѣрилъ имъ и, по совѣту купцовъ и полученному вмѣстѣ съ тѣмъ завѣренію, что придетъ войско, возвратился къ ливамъ. По отъѣздѣ купцовъ, гольмскіе ливы привѣтствовали возвращающагося епископа іудинымъ лобзаніемъ, говоря: „Радуйся, равви!“ и спрашивали, почемъ соль въ Готландѣ. Отъ глубокой горести онъ не могъ воздержать слезъ. Онъ переправился въ Икесколу и удалился снова въ свой домъ. Онъ назначилъ день для народнаго собранія, чтобы напомнить объ обѣщаніи креститься, но они не явились и обѣщанія не исполнили.

По совѣту своихъ, Мейнардъ вознамѣрился отпра-

*) Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 75—76.

вится въ Эстляндію съ тѣмъ, чтобы оттуда уѣхать въ Готландъ съ зимовавшими тамъ купцами. Ливы замыслили убить его на дорогѣ. Однако, одинъ торейдецъ, Анно, предупредилъ епископа объ опасности и побудилъ его возвратиться домой. Послѣ многочисленныхъ затрудненій, онъ возвратился къ Икскколу и жилъ тутъ, не имѣя возможности оставить край.

Для того, чтобы получить совѣтъ отъ папы, Мейнардъ скрытно послалъ къ папѣ посломъ брата Теодориха изъ Торейды. Когда послѣдній увидѣлъ, что ему нельзя выйти изъ края, онъ прибѣгъ къ хитрости, чтобы избавиться отъ преслѣдованія ливовъ. Онъ поѣхалъ верхомъ, облаченный въ стулу (церковное облаченіе), съ молитвенникомъ и святою водою, будто для посѣщенія больного и тѣмъ объяснялъ спрашивавшимъ причину своей поѣздки. Такимъ образомъ онъ благополучно пробрался чрезъ земли ливовъ и предсталъ къ святому отцу.

Когда папа услышалъ о числѣ новокрещенныхъ, то нашелъ, что не только не слѣдуетъ дозволять отпаденій, а нужно сильно удерживать въ вѣрѣ, принятой добровольно, и далъ отпущеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ для возстановленія новоучрежденной церкви *).

И такъ, согласно приведенному свидѣтельству Ливонской хроники, Мейнардъ остался среди ливовъ потому, что повѣрилъ, что къ нему на помощь „придетъ войско“; папа, узнавши о числѣ новокрещенныхъ среди ливовъ, рѣшаетъ, что ихъ нужно „силою удерживать въ вѣрѣ“ и благословилъ крестовый походъ на Ливонію. Ясно, что уже на первыхъ порахъ распространенія католичества въ Прибалтійскомъ краѣ проповѣдники его опирались на войско и на вооруженную силу.

Мейнардъ умеръ въ концѣ 1196 г.

---

*) Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 76—77.

Вторымъ ливонскимъ епископомъ былъ Бертольдъ изъ Цистерціенскаго ордена.

Первоначально онъ не хотѣлъ принимать назначенія, однакоже послѣ согласился на просьбы архіепископа и принялъ на себя епископскій санъ.

Сдѣлавшись епископомъ, онъ, поручивъ себя Господу, отправился въ Лифляндію попытать счастья безъ войска, прибылъ въ Икесколу и, вступивъ въ управленіе Церковію, собралъ къ себѣ знатнѣйшихъ ливовъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, и угостивъ ихъ напитками и одаривъ ихъ, сказалъ, что онъ прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ своему предшественнику со всѣми его правами. Ливы первоначально ласково его приняли. Но при освященіи Гольмскаго кладбища начали спорить между собою, сжечь-ли епископа въ церкви, убить-ли его или утопить: они утверждали, что бѣдность побудила его пріѣхать къ нимъ.

Когда епископъ смекнулъ, что затѣвается недоброе, онъ тайно удалился на корабли и возвратился въ Готландъ, откуда пробрался далѣе въ Саксонію и принесъ жалобу на паденіе лифляндской Церкви какъ папѣ, такъ архіепископу и всѣмъ христіанамъ. Поэтому папа обѣщалъ прощеніе грѣховъ всякому, кто возложитъ на себя крестъ и вооружится противъ вѣроломныхъ ливовъ, на что и вручилъ Бертольду (въ 1177 г.), какъ и его предмѣстнику, грамоту (буллу).

Епископъ, такимъ образомъ, собралъ войско, прибылъ съ нимъ въ Лифляндію и двинулся къ Гольмскому замку, стоявшему на островѣ посреди рѣки. Тутъ онъ послалъ гонца въ замокъ спросить о желаніи ливовъ принять крещеніе, а принявшіе—желаютъ-ли не отступать отъ христіанства. Они воскликнули, что не хотятъ ни признавать вѣры, ни держаться ея. Епископъ не могъ имъ ничего сдѣлать, потому что корабли оставилъ позади себя. Потому онъ воротился съ войскомъ

на то мѣсто, гдѣ теперь Рига, и совѣтовался со своими, что дѣлать дальше.

Между тѣмъ ливы собрались и въ готовности къ бою заняли позицію по ту сторону горы Риги. Они однакоже прислали гонца къ епископу спросить, по какой причинѣ онъ привелъ войско. Епископъ отвѣчалъ: изъ-за того, что они изъ христіанства возвращаются къ язычеству. Возражая, ливы говорили: эту причину мы устранимъ, отошли войско и возвращайся въ мирѣ со своими на твое епископство. Тѣхъ, которые приняли вѣру, ты можешь принуждать сохранять ее, по другихъ привлекай къ вѣрѣ любовію, а не побоями. Епископъ для вѣрности потребовалъ, чтобы они дали ему заложниками своихъ сыновей; нѣкоторые отказались наотрѣзъ. Но чтобы, между тѣмъ, собрать часть заложниковъ, они просили и получили перемиріе на короткій срокъ и по обычаю для увѣренія въ мирѣ прислали копья. Во время перемирія они убили многихъ нѣмцевъ, отправившихся на фуражировку. Увидя то, епископъ отослалъ обратно ихъ копья и отказалъ имъ въ мирѣ.

Ливы тогда начали, по языческому обычаю, кричать и вопить, а съ другой стороны саксонскія войска готовились къ бою и внезапно напали на язычниковъ. Ливы бѣжали. Епископъ, увлеченный быстротою своего коня, которымъ дурно правилъ, очутился посреди бѣгущихъ. Двое схватили его, а третій, по имени Имаутъ, пропзилъ его копьемъ въ спину, а другіе разорвали епископа на куски (24 іюля 1198 г.). Ливы, опасаясь преслѣдованія войска, бѣжали дальше. Войско было, конечно, раздражено потерею своего вождя и какъ на конѣ, такъ и съ кораблей, огнемъ и мечомъ, начали опустошать поля ливовъ.

Когда ливы увидѣли это, то, чтобы избѣгнуть еще большихъ потерь, возобновили миръ и, призвавъ къ себѣ

священниковъ, позволили въ первый день въ Гольмѣ окрестить около 50 человѣкъ, а на другой день въ Икесколѣ около 100. Они приняли въ замки къ себѣ священниковъ и положили давать на содержаніе каждаго священника по мѣркѣ зерна съ плуга. Войско, видя это, успокоилось и приготовилось ѣхать домой.

Тогда ливы, потерявшіе своего пастыря, послали, по совѣту клериковъ и братьевъ, посла въ Германію, чтобы тамъ ходатайствовать о преемникѣ ему. И такъ саксонское войско, довѣряя миру, возвратилось домой. Остались священники и остался одинъ купеческій корабль.

Чуть только вѣтеръ надулъ паруса, вѣроломные ливы опять приступили къ своимъ обычнымъ купаньямъ. Они начали погружаться въ Двину и говорили: „Мы теперь смываемъ съ себя воду крещенія и христіанство водою Двины и отрекаемся отъ принятой вѣры, которую и отсылаемъ за удаляющимися саксонцами“. Кто-то изъ удалившихся домой саксонцевъ вырѣзалъ на древесной вѣтви подобіе человѣческой головы; ливы вообразили что то и есть богъ саксонцевъ и думали, что онъ-то и причиняетъ имъ наводненіе и язву. По своему обычаю, они наварили меду, бражничали, и рѣшили отдѣлить голову отъ дерева, привязать ее къ бревну и пустить ее, какъ саксонскаго бога, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою чрезъ море въ Готландъ за тѣми, что уплыли отъ нихъ.

По истеченіи одного мѣсяца, они нарушили миръ, напавъ на братьевъ, мучили ихъ, и воровскимъ и насильственнымъ образомъ расхитили ихъ имущество. А такъ какъ они увели съ собою и лошадей, то поля остались не запаханными, благодаря чему и церковь понесла убытки.

Слѣдующимъ постомъ ливы снова собрались и положили умертвить всякаго духовнаго, который останется на ихъ землѣ послѣ пасхи. Духовные удалились въ Саксонію. Ливы положили также перебить и купцовъ, ко-

торые оставались въ ихъ землѣ, но купцы дали старшинамъ подарки и тѣмъ спасли свою жизнь *).

Свидѣтельство Лив. хроники о дѣятельности епископа Бертольда очень опредѣленно говоритъ о характерѣ его дѣятельности въ цѣляхъ распространенія католичества въ Прибалтійскомъ краѣ. На что указываетъ совѣтъ ливовъ, данный ими епископу Бертольду и выраженный словами: „привлекай къ вѣрѣ любовію, а не побоями“? Конечно, только на то, что католичество насаждалось въ Прибалтійскомъ краѣ насильственно, вооруженною силою. Не удивительно поэтому, что епископъ, будто-бы во имя Іисуса Христа поднявшій мечъ на язычниковъ, по слову-же Спасителя, и погибъ отъ меча *).

Событія въ Ливоніи не могли остаться неизвѣстными архіепископу Бременскому, въ вѣдѣніи котораго находилась Икскульская епископія. Бременскій архіепископъ Гартвигъ, возвратившійся въ свою епархію изъ большого паломничества 8 мая 1198 г., могъ узнать о гибели Бертольда отъ прибывшихъ изъ Ливоніи крестоносцевъ; еще болѣе подробностей о положеніи Икскульскаго епископства могъ узнать отъ бѣжавшихъ изъ Ливоніи клериковъ, и потому не могъ не придти къ убѣжденію, что изъ Икскульскаго епископства ровно ничего не выйдетъ для католичества, если довольствоваться однимъ миссіонерствомъ, однимъ убѣжденіемъ дикарей. Архіепископъ не могъ не видѣть также, что посылать къ ливамъ епископа монаха, подобнаго Мейнарду или Бертольду, не стоитъ, что въ Ливонію надобно послать человѣка, который не очень-бы стѣснялся употребленіемъ силы въ дѣлѣ религіи и который былъ-бы готовъ для достиженія цѣли употребить всякія средства, не обращая вниманія на то, честны онѣ или безчестны. На мѣсто Бертольда требовался человѣкъ энергичный, дѣя-

---

*) Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 80—82.

тельный и затѣмъ человѣкъ дальновидный и обширнаго ума, который бы могъ упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и дикарями.

Условіямъ этимъ вполнѣ удовлетворялъ одинъ изъ членовъ Бременскаго соборнаго капитула, каноникъ Альбертъ *).

Въ 1198 году Альбертъ, бременскій каноникъ, былъ посвященъ въ санъ епископа.

Послѣ посвященія, лѣтомъ, онъ отправился въ Готландъ и здѣсь отличилъ знакомъ креста около 500 человѣкъ къ походу въ Ливонію. Отсюда онъ отправился чрезъ Данію и получилъ подарки отъ короля Канута, герцога Вольдемара и архіепископа Абсолона.

По возвращеніи въ Германію, въ день Рождества Христова въ Магдебургѣ онъ роздалъ многимъ знаки креста, какъ символъ новаго крестоваго похода въ Ливонію.

Во второй годъ своего епископства, Альбертъ отправился съ графомъ Конрадомъ Дортмундскимъ, Гарбертомъ Иборгскимъ и многими пилигримами въ Ливонію; его сопровождало 23 корабля. Войдя въ Двину, онъ, поручивъ себя и всѣхъ Господу Богу, двинулся къ Гольмскому замку, отсюда поплылъ дальше, къ Икесколу. Но ливы напали на епископа по дорогѣ, нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и священника Николая, убили. Епископъ, однако, со своими, хотя и съ трудомъ, присталъ въ Икесколу, гдѣ братія, пребывавшая здѣсь со времени перваго епископа, и другіе приняли его съ радостію **).

Въ третій годъ своего епископства Альбертъ основалъ городъ Ригу (1201 г.). А въ четвертый годъ его епископ-

---

*) Исторія Ливоніи, стр. 89—90.

**) Ливонская хроника Г. Латыша, стр. 84—85.

ства братъ епископа Теофріосъ, предвидя вѣроломство ливовъ и невозможность противиться массѣ язычниковъ, учредилъ рыцарскій орденъ „Братьевъ воинства Христова“, которому папа Иннокентій далъ уставъ Тампліеровъ и знаки для ношенія на одеждѣ, именно мечъ и крестъ, и повелѣлъ ордену быть въ повиновеніи епископу *).

---

*) Тамъ-же, стр. 91.

VIII.

Дѣятельность еп. Альберта въ Ливоніи. — Характеръ и способы распространенія католичества и нѣмецкаго владычества въ Ливоніи. — Отвѣтъ ливовъ еп. Бертольду. — Насажденіе католичества среди латышей. — Отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ крѣпостямъ Кукейносу и Герсику.

Съ первыхъ лѣтъ епископства Альберта въ Ливоніи можно уже было замѣтить, какія цѣли ставили себѣ въ этой странѣ нѣмцы и латышскіе миссіонеры. Порабощеніе туземныхъ народовъ нѣмецкому владычеству и насажденіе среди нихъ католичества, хотя-бы то мечомъ и огнемъ—вотъ тѣ благородныя цѣли, которыя преслѣдовали въ Ливоніи нѣмцы и латинское духовенство.

Вѣрные своей цѣли, они во многихъ мѣстахъ строятъ себѣ замки и крѣпости, и прежде всего ими укрѣпляется Рига. Учрежденіе ордена Меченосцевъ, неоднократный призывъ еп. Альберта и папскихъ буллъ на крестовый походъ въ Ливонію противъ язычниковъ для поддержанія новонасажденной тамъ латинской церкви—привлекли въ Ливонію много искателей приключеній и не мало благочестивыхъ пилигримовъ. Это тѣмъ естественнѣе, что папскія буллы приравнивали значеніе крестоваго похода въ Ливонію къ крестовымъ походамъ въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ финскіе и литовско-латышскіе народцы и племена не оцѣнили по достоинству той опасности, которая грозила имъ со стороны нѣмцевъ пришлецовъ. По прежнему они вели между собою междоусобныя войны и взаимно ослабляли себя кровавыми набѣгами

другъ на друга. Это было на руку хитрымъ и дальновиднымъ завоевателямъ. Они стали вмѣшиваться въ споры разныхъ племенъ и народцевъ, поддерживали ихъ вооруженною силою, участвовали въ ихъ набѣгахъ другъ на друга, стремясь на ихъ взаимномъ ослабленіи основать впослѣдствіи свое могущество. Конечно, побѣда должна была со временемъ склониться на сторону нѣмцевъ, искушенныхъ въ политикѣ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, вооруженныхъ значительно лучше своихъ въ то время дикихъ противниковъ. А предлогъ для враждебныхъ дѣйствій съ финскими и литовско-латышскими племенами у нѣмцевъ былъ прекрасный: имъ нужно было насадить христіанство и искоренить язычество. И епископъ Альбертъ со своими сподвижниками много и и усердно потрудился для достиженія своихъ цѣлей.

Прибывши на второй годъ своего епископства въ Ливонію, гдѣ въ его малой епископіи по Двинѣ было только два замка, Икскульскій и Гольмскій, Альбертъ сталъ энергично дѣйствовать для расширенія предѣловъ своей епископіи и нѣмецкаго владычества, для распространенія католичества среди язычниковъ. Самое прибытіе его съ 23 кораблями, съ пилигримами, предпринявшими, очевидно, крестовый походъ противъ туземцевъ Ливоніи,—не предвѣщало послѣднимъ ничего добраго. Проповѣдь о Христѣ, о мирѣ и любви, епископъ Альбертъ несъ туземнымъ народамъ и племенамъ Ливоніи, опираясь на мечъ, угрожая войной, кровопролитіемъ и насиліями, готовый къ хитростямъ, коварству и вѣроломству.

И со дня его прибытія въ Ливонію, эта страна, съ ея народами и племенами, не знала мира, обагрялась кровью и была свидѣтельницею жестокихъ набѣговъ и свирѣпыхъ подвиговъ христіанъ-католиковъ противъ язычниковъ и обратно язычниковъ противъ христіанъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока нѣмецкое господство не было признано народами Ливоніи и пока католиче-

ство не было принято и тѣми, кто не желалъ его прини мать.

Въ 1207 году послалъ епископъ Альбертъ своихъ гонцовъ по всей Ливоніи и Летигаліи, съ призывомъ всѣхъ, кто принялъ уже христіанскую вѣру, къ военному походу. И когда собралось большое войско, послалъ епископъ аббата Теодориха и Энгельберта пробста (протоіерея), со всею дружиною и пилигримами, а также вмѣстѣ съ ними и братьевъ рыцарства Христова, для покоренія селоновъ. Придя къ Аскраду и перейдя чрезъ Двину, они нашли тѣла убитыхъ передъ тѣмъ летоновъ непогребенными; они давили ихъ по дорогѣ и въ стройномъ порядкѣ подошли къ замку селоновъ. И осадили замокъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ многихъ, находившихся внутри замка, перерашили стрѣлами, а многихъ въ деревняхъ взяли въ плѣнъ, иныхъ убили; нанесли дровъ и разложили большой огонь, день и ночь не давали покоя замку и тѣмъ навели страхъ на селоновъ. Тогда старшины селоновъ тайно обратились къ войску и запросили мира. Но имъ сказали: „Буде вы желаете истиннаго мира, то откажитесь отъ служенія идоламъ и примите истиннаго миропосца, который есть Христосъ, въ свой замокъ, креститесь и немедленно же удалите изъ вашего замка летоновъ (литовцевъ), противниковъ Христова имени“. Эти условія мира были приняты, они обѣщали дать заложниковъ, принять крещеніе, удалить летоновъ и быть во всемъ послушными христіанамъ. По принятіи отъ нихъ мальчиковъ въ заложники, войско прекратило военныя дѣйствія. Аббатъ же и пробстъ и прочее духовенство вошли въ замокъ, гдѣ приготовляли селоновъ къ принятію крещенія, окропили замокъ святою водою и на валу водрузили хоругвь пресвятыя Дѣвы Маріи *).

Итакъ, селонамъ-латышамъ было предложено одно

*) Лив. хроника Г. Латыша, стр. 127.

изъ двухъ: или война или миръ и крещеніе. Послѣ такой побѣды надъ латышами, жившими въ Зельбургѣ *) и въ окрестностяхъ его, нѣмцы сочли благовременнымъ наложить свою проповѣдническую руку и на латышей въ Имерѣ по рѣкѣ Зеддѣ.

Если зельбургскіе латыши приняли христіанство во избѣжаніе дальнѣйшихъ ужасовъ войны отъ нѣмцевъ, то не выше и не чаще побужденія латышей имерскихъ: они возрадовались прибытію священника, ибо много терпѣли отъ нападеній летоновъ и всегда были угнетаемы ливами, почему и надѣялись посредствомъ нѣмцевъ получить и облегченіе и защиту себѣ.

Епископство Альберта было для Ливоніи тяжелымъ временемъ войнъ и временемъ завоеванія ея нѣмцами **).

Такъ среди латышей, принявшихъ православіе, огнемъ и мечемъ насаждено было католичество.

---

*) Зельбургъ—по лѣвой сторонѣ Двины, восточнѣе Кокенгузена. Тамъ-же, стр. 131.

**) Интересны, по своей эпической простотѣ, однообразные эпиграфы, которые ставитъ въ своей хроникѣ Генрихъ Латышъ предъ каждымъ новымъ годомъ епископства Альберта: „Двадцать четвертый годъ епископства пошелъ, а край все мирнаго покоя не нашелъ», «Наступилъ двадцать пятый годъ епископства, и церковь все не имѣла никакого покоя отъ войны». «Годъ двадцать седьмой епископства пошелъ, и лишь тогда ливовъ край спокойствіе нашелъ».

IX.

Туземные народы и племена Лифоніи—католики.—Сохраненіе среди нихъ языческихъ обычаевъ.—Побѣдители и побѣжденные.—Порабощенные туземцы постепенно превращаются въ крѣпостныхъ крестьянъ высшихъ классовъ.—Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Лифоніи.—Роскошь и упадокъ нравовъ среди высшихъ классовъ Лифоніи и ихъ деморализующее вліяніе на крестьянъ.

Пройдемъ молчаніемъ все то время въ исторіи Лифоніи, когда угнетенные и порабощенные народы и племена страны изпывали подъ игомъ различныхъ завоевателей и властителей. Съ начала XIII вѣка, когда русскіе были устранены изъ Лифоніи нѣмцами, и до начала XVIII вѣка, когда значительная часть Лифоніи была присоединена къ Россіи, православія между латышскими племенами, можно сказать, не существовало. Латыши были католиками. Такими, по крайней мѣрѣ, ихъ считали, хотя во многихъ отношеніяхъ они оставались язычниками.

Въ „хроникѣ Рюссова“ можно находить не мало доказательствъ того, что туземцы подъ властью епископовъ и ордена не могли считаться хорошими христіанами. „Язычество“, говоритъ Рюссовъ, оставалось въ силѣ у большой части туземныхъ лифонскихъ жителей изъ тысячи крестьянъ едва-ли можно было найти одного, знавшаго „Отче нашъ“ *). Иначе и быть не могло. Бо-

*) Лифонская хроника или лѣтопись Бальтазара Рюссова. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. II. Рига, 1879. Стр. 164.

гослуженіе для туземцевъ совершалось на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ, проповѣдь произносилась или на латинскомъ, или на нѣмецкомъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ на ихъ родномъ языкѣ. Имъ почти неоткуда было черпать религіозныхъ знаній. При томъ же, со времени покоренія Ливоніи, населеніе ея раздѣлилось на двѣ рѣзко различавшіяся между собою группы: на туземцевъ побѣжденныхъ и пришельцевъ-побѣдителей. Побѣдители позаботились поработить побѣжденныхъ, и между ними выросла пропасть, которую не могло наполнить ни католичество, ни протестантство. Туземцы стали постепенно терять свою самобытность и самостоятельность, превращаясь понемногу въ собственность своимъ господъ поработителей.

Трудно и даже невозможно сказать, съ какого имепно года эсто-латышскія племена, населявшія земли Ливоніи, обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ господъ, потому что это обращеніе совершилось постепенно и было результатомъ той системы землевладѣнія, которую принесли съ собою германскіе пришельцы.

Имѣются неоспоримыя свидѣтельства, что въ первыя времена утвержденія пришельцевъ въ Ливоніи, императоръ Фридрихъ II, папы Иннокентій III, Гонорій III, Григорій IX запрещали ордену порабощать ливонскихъ туземцевъ, грамотами старались обезпечить за ливонскими туземцами личную свободу, право собственности, владѣніе вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они пользовались до обращенія въ христіанство. Но не грамотами и даже не договорами съ туземцами можно было бороться съ силою вещей, съ порядками, возникавшими на почвѣ, въ которой явились двѣ крайности: побѣдители (меньшинство) и побѣжденные (громадное большинство).

Чтобы удержать въ повиновеніи массы побѣжденныхъ, пришлось основать военное братство, пришлось затѣмъ раздавать покоренныя земли въ лены вассаламъ.

Вассалъ, принявъ ленъ, долженъ былъ исполнять

и свои обязанности въ отношеніи къ властителю; обязанъ былъ нести лично военную службу на конѣ и ставить съ лена извѣстное количество ратниковъ, обязанъ былъ также держать въ повиновеніи и туземное населеніе его лена. Но военная служба, но необходимость взиманія податей и сборовъ вызывали ропотъ и волненіе въ туземцахъ, до того времени вольныхъ. За ропотомъ слѣдовали возстанія, за возстаніями слѣдовали укрощенія, за укрощеніями слѣдовали наказанія и лишенія правъ и собственности, за лишеніемъ собственности послѣдовало въ концѣ концовъ то, что туземцы постепенно и мало-по-малу сдѣлались сами собственностью своихъ владѣльцевъ. Крѣпостное состояніе ливонскихъ туземцевъ развивалось съ годами и лишь со второй половины XV столѣтія является во всей силѣ.

Этимъ указаніемъ того, какъ свободные насельники Прибалтійскаго края сдѣлались впослѣдствіи крѣпостными побѣдителей, объясняется и вообще весь характеръ цивилизаторской дѣятельности католиковъ и нѣмцевъ въ Ливоніи. Насажденіе христіанства среди язычниковъ было только благовиднымъ предлогомъ для расширенія нѣмецкаго господства въ Прибалтійскомъ краѣ.

Туземные жители Ливоніи, побѣжденные нѣмецкими пришельцами, впослѣдствіи уже ничего не могли сдѣлать для возстановленія своихъ правъ свободныхъ людей. Не удивительно поэтому, что побѣдители, наложивши на Ливонію свое иго, въ то же время по своему произволу распоряжались и правами побѣжденныхъ.

Послѣ образованія крѣпостного состоянія, къ нему причислялись всѣ люди, происходившіе отъ крѣпостныхъ родителей, всѣ добровольно вступившіе въ крестьянство и, наконецъ, крѣпостнымъ крестьяниномъ признавался всякій бѣглый крестьянинъ, который въ продолженіе тридцати лѣтъ не былъ требуемъ обратно своимъ прежнимъ владѣльцемъ. Закрѣпощеніе крестьянъ происходило постепенно, постепенно-же образовались и фор-

мировались правила, опредѣлявшія какъ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, такъ и крестьянскія права. Правила эти и права были очень немногосложны и не требовали никакихъ толкованій и разъясненій; вотъ сущность ихъ: 1) крестьяне не могли самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому; 2) бѣглыхъ крестьянъ слѣдовало немедленно возвращать законному ихъ владѣльцу; 3) крестьянинъ не могъ владѣть недвижимою собственностью, но одною только движимостью, которая въ случаѣ бездѣтной кончины его доставалась владѣльцу; 4) владѣлецъ могъ налагать на крестьянъ всякія работы и повинности по своему усмотрѣнію; 5) судъ за преступленія крестьянъ принадлежалъ владѣльцамъ *).

Такъ, католики и нѣмцы, желавшіе просвѣтить христіанствомъ язычниковъ Ливоніи, не только не дали имъ „духовной“ свободы, но отняли и ту, которою они прежде пользовались.

Лишившись собственности, сдѣлавшись собственностью властителя и его рабочею силою, ливонскіе туземцы чрезвычайно обѣднѣли, а крайнее обѣдненіе повлекло за собою не только огрубѣніе, но даже одичаніе всей массы туземцевъ, какъ бы въ оправданіе стариннаго изреченія: „Горе побѣжденнымъ!“ **). Бѣдственному положенію ливонскихъ крестьянъ не мало содѣйствовали роскошь и упадокъ нравовъ въ Ливоніи. Въ своей лѣтописи Рюссовъ прекрасно рисуетъ роскошь и упадокъ нравовъ высшихъ классовъ Ливоніи и ихъ деморализующее вліяніе на крестьянъ. Приведемъ одинъ изъ характерныхъ въ этомъ отношеніи отрывковъ его Лѣтописи.

„Послѣ того, какъ Ливонія была пріобрѣтена прежъ-

---

*) Сиверсъ и Арсеньевъ. Сборникъ М., т. I, стр. 473.

**) Къ исторіи крестьянскаго сословія въ Прибалтійскомъ краѣ. Сборникъ Мат., т. II, стр. 527.

ними старыми магистрами, епископами и нѣмцами, покорена и съ самаго начала занята многими нѣмцами, а затѣмъ въ ней было построено много городовъ, мѣстечекъ, замковъ и крѣпостей, для большей безопасности отъ враговъ, а также послѣ того, какъ Вальтеръ ф. Плетенбергъ **) одержалъ побѣду надъ московитами и заключилъ продолжительный миръ, такъ что ливонцамъ на много лѣтъ нечего было бояться войны, тогда, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изо дня въ день, какъ между правителями, такъ и подданными, стали распространяться большая самоувѣренность, праздность, тщеславіе, пышность и хвастовство, сластолюбіе, безмѣрное распутство и безстыдство, такъ что нельзя вдоволь разсказать или описать всего. Нѣкоторые орденскіе магистры, ради добрыхъ праздныхъ дней (изъ праздности), впали въ такой развратъ, что стыдно о томъ и вспоминать. О ихъ наложницахъ нечего и говорить, такъ какъ это не считалось у нихъ стыдомъ. Точно также поступали каноники и аббаты. И когда одинъ ревельскій каноникъ, Іоаннъ Бланкенбергъ, привезъ свою законную жену изъ Германіи въ Ревель, то онъ не осмѣлился признаться епископу и другимъ канонникамъ, что она съ нимъ вѣнчана, но долженъ былъ говорить, что она его наложница и служанка. И когда это узналъ другой человѣкъ, то Іоаннъ Бланкенбергъ далъ ему откормленную свинью, чтобы только тотъ не разглашалъ, что у него законная жена, такъ какъ это считали у святыхъ католическихъ мужей большимъ позоромъ и грѣхомъ.

Если же всѣ орденскіе сановники, епископы и каноники, будучи начальствомъ, хранителями душъ и пастырями овецъ, вели такую жизнь и сами играли въ кости, то и ихъ подданные, дворяне и не дворяне,

---

**) Вальтеръ фонъ-Плетенбергъ, сорокъ первый магистръ тевтонскаго ордена въ Ливоніи, съ 1495—1535 г.

могли открыто вести ту же игру; это позволялось у старыхъ и молодыхъ безъ всякаго страха. И этихъ женщинъ всѣ называли не непотребными женщинами, а хозяйками и женщинами, внушающими мужество. Порокъ, наконецъ, сталъ настолько обыденнымъ, что многіе не считали его болѣе грѣхомъ и стыдомъ, и многіе знатные люди тотчасъ-же послѣ смерти своихъ женъ, не горюя долго, брали себѣ новыхъ хозяекъ. Многіе же уважали своихъ наложницъ больше, чѣмъ законныхъ женъ, что причиняло послѣднимъ не мало огорченій.

Многіе церковнослужители мало заботились о поученіяхъ и проповѣдяхъ и ничего больше не дѣлали, какъ только разъѣзжали отъ одного кирхшпильнаго юнкера (приходскаго помѣщика) къ другому, и отъ одного свободнаго жителя къ другому, разъѣзжали между крестьянами, и заставляли хорошенько себя угощать. Который же церковнослужитель былъ веселымъ человѣкомъ, умѣлъ шутить, и умѣлъ устроить веселый пиръ и говорить, какъ имъ нравилось слушать, тотъ былъ настоящимъ проповѣдникомъ для этого народа. Поэтому между ливонскими проповѣдниками были въ то время многіе, которые не осмѣливались обличать грубые пороки. И никогда здѣсь въ странѣ не видѣли или не слышали, чтобы наложничество или нарушеніе супружеской вѣрности было наказываемо орденскими чинами, епископами или дворянствомъ.

Единственное наказаніе разврата встрѣчалось, однако, у братьевъ конюшихъ или слугъ орденскихъ сановниковъ. Если кто-нибудь изъ нихъ подлежалъ наказанію за развратъ, то его сейчасъ же всѣ братья-конюхи съ трубами и барабанами везли изъ замка по всему городу и по площади до воротъ города и затѣмъ во всемъ платьѣ, подвязкахъ и башмакахъ бросали въ колодезь и совершенно мочили, и такимъ образомъ стыдили передъ всѣмъ народомъ. Затѣмъ его вели совершенно мокраго опять при звукахъ трубъ и барабаннымъ боѣ

по тѣмъ же улицамъ и переулкамъ въ замокъ, гдѣ фохтъ копюшихъ братьевъ (одинъ изъ самыхъ старыхъ слугъ) и давалъ ему разрѣшеніе (отпущеніе грѣха).

Если же правители, епископы и капоники и другіе нѣмцы, которые лучше должны бы были знать, что они дѣлаютъ, погрязли въ упомянутомъ грубомъ порокѣ, то и неразумнымъ туземцамъ не было стыдно погрязать въ подобномъ распутствѣ, вести содомскій и эпикурейскій образъ жизни, хуже котораго не встрѣчалось ни у какого народа во всемъ христіанствѣ. Большая часть туземныхъ крестьянъ ничего не знала о брачной жизни. Ибо если у крестьянина жена была больна, или состарилась, или больше не нравилась, то онъ могъ прогнать отъ себя эту женщину и взять вмѣсто нея другую. И если кто-либо спрашивалъ у крестьянъ или укорялъ ихъ, зачѣмъ они не живутъ въ супружествѣ, то они отвѣчали: „Это старый ливонскій обычай—и отцы наши дѣлали точно то же“. Нѣкоторые говорили, что тѣ, которыхъ не вѣнчали съ ихъ женами передъ алтаремъ, ѣдятъ точно такъ-же, какъ и законные супруги. Нѣкоторые говорили: „Дѣлаютъ же такъ наши господа и дворяне, почему же бы намъ того же не дѣлать?“ Нѣкоторые говорили также, что это не ихъ вина, если они не живутъ въ супружествѣ, а вина помѣщиковъ, которые на это не обращаютъ вниманія для того, чтобы послѣ смерти родителей отстранять отъ отцовскаго наслѣдства незаконнорожденныхъ крестьянскихъ дѣтей и присвоивать себѣ всѣ ихъ имѣнія и движимыя имущества“ *).

---

*) Лѣтопись Рюссова, стр. 319—21, 325—27.

X.

Состояніе просвѣщенія въ Ливоніи, по лѣтописи Рюссова.—Школа въ Трептовѣ.—Кнэпкенъ, распространитель лютеранства въ Ливоніи.—Обстоятельства, содѣйствовавшія успѣху лютеранства.—Отношеніе къ лютеранству эстовъ и латышей.—Распространеніе лютеранства не содѣйствовало возрожденію Ливоніи.—Постепенный переходъ Ливоніи подъ власть Польши, Швеціи и Россіи.

Начало XVI вѣка въ западно-европейскихъ государствахъ было временемъ реформаціонныхъ религіозныхъ движеній. Этотъ періодъ времени не прошелъ безслѣдно и для судебъ Ливоніи.

Распространителемъ лютеранства въ Ливоніи считается Андрей Кнопъ или Кнэпкенъ. Первоначально онъ былъ учителемъ одной школы въ Трептовѣ (городъ въ Померанiи между Кольбергомъ и Каминомъ). Впослѣдствіи, по стеченіи различныхъ обстоятельствъ, ему пришлось выступить проповѣдникамъ лютеранства въ Ливоніи.

Многіе богатые жители Ливоніи въ это время преимущественно отдавали своихъ дѣтей въ школу въ г. Трептовъ. Это будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что писалъ Рюссовъ въ своей лѣтописи о состояніи просвѣщенія въ Ливоніи. „Въ Ливоніи не было ни одной хорошей школы, которая давала бы простыхъ священниковъ, знающихъ мѣстный не нѣмецкій языкъ, нѣкоторые посылали своихъ дѣтей въ высшія школы и княжескіе дворы далеко въ Германію и открыто гово-

рили, что никому не совѣтуютъ держать своихъ сыновей долго въ Ливоніи, такъ какъ дома они ничему не учатся, и если бы даже выучились, то дитя, воспитанное дома похоже на быка, хотя бы и было очень способно. Многіе дворяне говорили также, что сколько бы у нихъ ни было сыновей, они ни одного не оставятъ при себѣ, но пошлютъ ихъ къ королевскимъ, курфирстскимъ и княжескимъ дворамъ; такіе дворы составляютъ благородныя воспитательныя школы, гдѣ гофмейстеръ и маршалы назначены, чтобы смотрѣть за придворными людьми; тамъ молодые люди могутъ поучиться дисциплинѣ и почтительности. Здѣсь же въ Ливоніи они научаются только пьянству, роскоши и др. порокамъ“ *).

Кнэпкенъ, одинъ изъ учителей школы въ Трептовѣ, и былъ насадителемъ лютеранства въ Ливоніи. По своимъ научнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ онъ сочувствовалъ дѣятельности Лютера въ Германіи, познакомилъ съ лютеранствомъ своихъ учениковъ, которые позволили себѣ оскорбить католическихъ духовныхъ лицъ въ Трептовѣ. Когда эти послѣднія совершали съ колокольчиками свои обычныя процессіи по улицамъ города, то въ нихъ бросали грязью, а ночью изъ церкви Святаго Духа вытащили статуи и иконы и побросали ихъ въ близь лежавшій колодезь.

Какъ только объ этомъ узналъ Эрасмъ Мантейфель, епископъ каминскій, то тотчасъ принялъ мѣры какъ противъ повторенія такого безчинства, такъ и противъ распространенія лютерова ученія. Кнэпкенъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованія епископа, бѣжалъ изъ Трептова.

При всей своей учености и ревностномъ стремленіи къ истинѣ, Кнэпкенъ былъ скроменъ и тихаго нрава; это былъ человѣкъ, одаренный свѣтлымъ умомъ и проникнутый искренней вѣрой. Привѣтливостью обращенія

---

*) Лѣтопись Рюссова, стр. 331.

онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь къ себѣ своихъ учениковъ, между которыми находились и сыновья рижскихъ гражданъ, потому что, какъ разсказываетъ Арндтъ, многіе изъ рижанъ, видя распущенность своего духовенства, не хотѣли довѣрять воспитаніе юношества монахамъ, посылая своихъ дѣтей учиться въ Трептовскую, въ то время знаменитую школу.

И вотъ, когда Кнэпкенъ бѣжалъ изъ Трептова, то его ученики и Мелапихонъ (ближайшій сподвижникъ Лютера, совѣтовали ему ѣхать въ Ригу, гдѣ его братъ Яковъ Кнэпкенъ былъ соборнымъ капонникомъ.

Въ 1521 году Кнэпкенъ прибылъ въ Ригу, и такъ какъ въ этомъ городѣ лютерово ученіе не имѣло еще столько приверженцевъ, чтобы онъ могъ его распространять гласно, то онъ старался дѣйствовать втихомолку. Скоро онъ нашелъ случай давать частные уроки въ Ригѣ, причемъ не преминулъ знакомить юношество съ чистымъ ученіемъ Евангелія, и между прочимъ объяснилъ посланіе апостола Павла къ римлянамъ (посланіе это съ объясненіями Кнэпкена было напечатано въ 1524 г. въ Виттенбергѣ). Дѣйствія Кнэпкена имѣли счастливый для него успѣхъ, число его слушателей и друзей видимо росло и люди съ большимъ вліяніемъ стали его покровителями.

Никогда бы Кнэпкенъ не получилъ въ Ригѣ частныхъ уроковъ и не снискалъ бы себѣ покровителей въ средѣ правящаго городомъ сословія (магистрата), если бы почва для церковной реформы не была подготовлена въ Ливоніи задолго ранѣе пріѣзда его въ Ригу. Стоитъ только вспомнить отношенія, существовавшія между властителями Ливоніи, епископами и орденомъ, между вассалами и епископами, между Ригой и другими городами и епископами, чтобы съ совершенною точностію объяснить себѣ, почему ученіе Лютера распространилось въ ливонскихъ городахъ и мѣстечкахъ, между нѣмецкими колонистами съ необыкновенною быстротою

Что касается до массы населенія Ливоніи, латышей и эстонцевъ, то для нихъ вопросъ о церковной реформѣ былъ совершенно безразличенъ. Они считались католиками, но въ сущности были тѣми-же язычниками, какими были ихъ предки до прихода колонистовъ. Изъ лѣтописи Генриха латышскаго мы уже видѣли, какъ происходило крещеніе ливонскихъ туземцевъ: окропятъ святою водою, обложатъ данью, зачислятъ въ паписты и кончено.

Зачисленные въ католики, ливонскіе туземцы католиками все-таки не были. Да и трудно было сдѣлаться католиками: священниковъ, знавшихъ мѣстные языки, не было; богослуженіе происходило на языкѣ латинскомъ, не понятномъ не только ливонскимъ туземцамъ, но и огромному большинству самихъ колонистовъ; церковная проповѣдь совершалась на языкѣ нѣмецкомъ, туземцамъ также непонятномъ. Перевода библіи на туземные языки не было, да и на нѣмецкій-то языкъ библію перевелъ только Лютеръ (причемъ допустилъ нѣкоторыя сознательныя и нѣкоторыя безсознательныя уклоненія); школъ также не было; чему-же удивляться, если ливонскіе туземцы къ XVI столѣтію были больше язычниками, чѣмъ христіанами? Ихъ первоначально зачислили въ католичество, а потомъ перечислили въ лютеранство,—ни мало не спрашивая, желаютъ-ли они такого перечисленія. Да и спрашивать было, конечно, не для чего и не зачѣмъ, потому что латинство-ли, лютеранство-ли для ливонскаго туземца было одинаково чужды и непонятны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣху лютеранства въ Ливоніи много способствовало само духовенство. Высшіе члены его, люди наѣзжіе изъ Германіи, только и думали, что о наживѣ, а низшіе члены отличались совершеннымъ невѣжествомъ. Колонисты просто отвернулись отъ нихъ, когда въ Ливоніи проникло новое ученіе, а

туземцы и прежде никогда не чувствовали ни малѣйшей солидарности со своимъ духовенствомъ“ *).

Впрочемъ, и протестанство не обновило ливонскаго общества и не способствовало къ доставленію прочной связи ему. „Что-же касается до туземцевъ, то для нихъ было рѣшительно все равно, считаютъ-ли ихъ католиками или протестантами, потому что они не имѣли ровно никакого понятія о вѣрѣ, которую исповѣдывали. Предковъ ихъ крестили огнемъ и мечемъ, преданія христіанъ для нихъ не свѣтились чѣмъ-нибудь отраднымъ; господа довольствовались тѣмъ, что крестили ихъ, но о наученіи ихъ христіанству никто никогда и не думалъ. Туземцы оставались тѣми же язычниками, какими были ихъ предки: прежній-ли католическій патеръ или новый протестантскій пасторъ, для туземцевъ все равно были чужіе люди: они не знали ихъ языка.

Какъ бы то ни было, но разгульная жизнь колонистовъ требовала и большихъ денегъ. Велики были доходы съ имѣній, но денегъ все же не хватало на роскошь и обжорство, отсюда пошли вымогательства, отсюда произошло и крайнее обѣдненіе крестьянъ. Въ то время, когда у дворянъ и у горожанъ по ихъ празднествамъ разливалось бочками пиво, эсты и латыши питались скуднымъ толокномъ и, въ случаѣ неурожая, грызли древесную кору и коренья травъ.

При такихъ порядкахъ былъ-ли какой расчетъ туземцамъ поддерживать своихъ господъ? Расчета никакого не было, потому-то въ рѣшительную минуту они не только не поддержали колонистовъ, но отвернулись отъ нихъ и выдали ихъ головами московскому войску, точь въ точь какъ въ концѣ XVIII столѣтія простой

---

*) В. Брахманъ. Реформація въ Ливоніи. Прибалтійскій Сборникъ. Т. III. Рига, 1880 г., стр. 17—18.

народъ въ Польшѣ отвернулся отъ своей Рѣчи Посполитой въ рѣшительную для нея минуту и головою выдалъ ее на раздѣлъ сосѣдямъ вмѣстѣ съ самимъ собою, въ надеждѣ, что хуже никакъ не будетъ, а лучше очень быть можетъ *).

Со второй половины XVI столѣтія Ливонія становится яблокомъ раздора между Польшей, Швеціей и Россіей. Переходя изъ рукъ въ руки отъ нѣмцевъ къ полякамъ, отъ поляковъ къ шведамъ, только въ началѣ XVIII вѣка Ливонія соединилась съ Россіею и вновь стала доступною просвѣтительному вліянію православія.

---

*) Лѣтопись Рюссова, стр. 334.

XI.

Дерптское событіе 8 января 1472 года. — Православныя церкви и общины въ г. Дерптѣ. — Договоръ ливонскихъ нѣмцевъ съ великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ въ 1463 г.— Русскій православный священникъ Исидоръ и его дѣятельность въ г. Дерптѣ.—Отношеніе къ нему епископа и городскихъ властей.— Крестный ходъ на водосвятіе 6 января 1472 г.—Заключеніе въ темницу священноіерея Исидора и 72 православныхъ русскихъ.—Судъ надъ ними 8 января 1472 г. и мученическая ихъ кончина.—Основаніе Печерской обители, какъ историческаго памятника мученической кончины „Юрьевскихъ страдальцевъ".

Прежде, чѣмъ говорить о благотворномъ религіозно-нравственномъ и просвѣтительномъ вліяніи Россіи на Ливонію въ XVIII в., необходимо, хотя кратко, остановиться на такъ называемомъ „Дерптскомъ событіи 1472 г.", имѣвшемъ огромное вліяніе на судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣмецкіе пришельцы застали многихъ туземцевъ уже православными, не повсемѣстно, правда, но уже во многихъ мѣстахъ. Такъ, въ Юрьевѣ, основанномъ въ 1030 г., были двѣ православныя церкви; въ 1209 г. многіе эсты въ Оденпэ приняли православіе. Судя по отвѣтамъ Нифонта, архіепископа новгородскаго и псковскаго (съ 1130 по 1156), на вопросы нѣкоего Кирика, имѣемъ право заключить, что обращеніе въ православіе эстонцевъ (чуди) происходило гораздо ранѣе 1130 года. При Нифонтѣ соблюдалось уже правило начинать оглашеніе чудина (т. е. эстонца) за 40 дней до крещенія. По Двинѣ задолго до нѣмецкихъ пришельцевъ существовали уже

чисто-русскія поселенія въ Кокенойсѣ и Герсикѣ; православіе исповѣдывали жители мѣстностей около нынѣшняго Буртюкскаго озера (древнее—Астіерве) въ Вольмарскомъ уѣздѣ, въ Лнтынѣ (Венденскаго уѣзда), въ Трикатіи и Толовѣ въ Валкскомъ уѣздѣ.

Съ паденіемъ Кукенойса въ 1207 г., Герсике въ 1208 г., съ переходомъ изъ православія въ католичество латышскихъ князей Талибальда изъ Толовы и дѣтей его въ 1213 г., съ паденіемъ Юрьева въ 1224 г., православіе почти вовсе исчезаетъ изъ Ливоніи, всѣ туземцы сдѣлались католиками, плохими, правда, но все-таки католиками *).

Кто не знаетъ, какъ относятся католики къ православнымъ? Враждебно было отношеніе католиковъ къ православнымъ и въ Ливоніи. Все-же, несмотря на ненависть католиковъ къ православнымъ-схизматикамъ, было не мало обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ тому, что православіе сохранялось въ Прибалтійскомъ краѣ и дожило, наконецъ, до болѣе благопріятныхъ временъ, до XVIII в.

Одинъ изъ многочисленныхъ изслѣдователей „Дерптскаго событія 8 января 1472 г.“ находитъ слѣдующее объясненіе факту существованія православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Послѣдователи православія, подобно Ригѣ и Ревелю, и въ Дерптѣ искони имѣли свои богослужебныя зданія. Торговля, этотъ сильно связующій различные народы факторъ, привлекла и сюда, въ Дерптъ, на селитву торговыхъ людей изъ сосѣднихъ городовъ по ту сторону Чудскаго озера; старинныя нѣмецкія торговыя и ганзейскія конторы въ Новгородѣ и Псковѣ нашли себѣ международный отголосокъ въ русскихъ колоніяхъ Прибалтійскаго края; сами-же поселенцы находили въ церковной общинѣ и въ отправленіи прародительской своей вѣры выраженіе своей народности, въ

*) Прибалтійскій сборникъ, т. III, стр. 106—107.

противоположность послѣдователямъ латинской церкви. Тремеръ въ историческомъ своемъ изслѣдованіи о двѣнадцати церквахъ древняго Дерпта убѣдительно доказалъ, что древнѣйшая православная церковь, во времена римскихъ епископовъ, стояла недалеко отъ католической церкви св. Іоанна; она освящена была во имя святителя и чудотворца Николая и соединяла въ стѣнахъ своихъ ядро православной городской общины. Другая церковь во имя св. великомученика Георгія находилась, по всей вѣроятности, за городомъ и, можетъ быть, искать ее слѣдуетъ на мѣстѣ нынѣшней пароходной пристани, ибо тутъ находилась ограда богослужебнаго зданія со священническимъ домомъ и садомъ, а, вѣроятно, и кладбище; въ одномъ изъ этихъ домовъ даже въ послѣднія десятилѣтія помѣщалась временная новая георгіевская церковь; во всякомъ-же случаѣ, по историческимъ источникамъ, искони существовали наряду одна съ другою двѣ православныя общины *).

Видѣть-ли причину устойчивости и жизненности православія въ Ливоніи въ томъ, что русскіе торговые люди проживали иногда по своимъ дѣламъ въ главнѣйшихъ городахъ Прибалтійскаго края, или-же находить для этого обстоятельства другія какія-нибудь объясненія,—все-же остается несомнѣннымъ, что православныя общины существовали въ Ливоніи даже и тогда, когда здѣсь все было подвластно католикамъ и нѣмцамъ. Подтвержденіе этому можно видѣть и въ томъ договорѣ, который заключенъ былъ великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ съ ливонскими нѣмцами въ 1463 г. въ г. Псковѣ. Въ этомъ договорѣ, между прочимъ, сказано было, что „епископъ дерптскій обязанъ давать дань великому князю по ста-

*) Прибалтійскій сборникъ, т. III, изъ статьи: «Дерптское событіе 8 января 1472 г. и основаніе Печерскаго монастыря въ предѣлахъ Ливоніи, какъ слѣдствіе того»; чтеніе д-ра Ѳ. Бейте въ эстонскомъ ученомъ обществѣ въ Дерптѣ 17 янв. 1876 г., стр. 466—467.

ринѣ, русскій конецъ въ своемъ городѣ и русскія церкви держать по старинѣ-же, по старымъ грамотамъ, а не обижать“ *).

Весьма вѣроятно, что со времени этого договора русскія колоніи въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ и дерптская, стали умножаться въ количествѣ своихъ членовъ и болѣе безбоязненно, чѣмъ, можетъ быть, прежде, исповѣдывать свою вѣру. Около 1472 г. въ Дерптѣ было два священника—Исидоръ при церкви св. Николая и Іоаннъ при церкви св. великомученика Георгія. Въ это время латинскимъ епископомъ въ Дерптѣ былъ бискупъ Андрей, отличавшійся непримиримою нетерпимостью по отношенію къ православнымъ.

Хотя по договору съ великимъ княземъ московскимъ „ливонскіе нѣмцы были обязаны не стѣснять православія въ г. Дерптѣ, но договора этого они не исполняли; католическое духовенство тогда, какъ и теперь, всѣми мѣрами, гдѣ только представлялась ему возможность, старалось то лестью и ласкательствомъ, то угрозами и насиліемъ отвлекать народъ отъ православія“ **). Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ священникъ Исидоръ, съ особымъ благоговѣніемъ исполнявшій свои священнослужительскія обязанности, открыто и смѣло вступилъ на защиту интересовъ православія, проповѣдывалъ о превосходствѣ православія надъ папствомъ и опровергалъ заблужденія латинянъ. Такая дѣятельность русскаго православнаго священника вызвала сильное неудовольствіе въ одномъ изъ бургомистровъ г. Дерпта. „Описаніе „Страданія Юрьевскихъ мучениковъ“ называетъ его старѣйшиною града того, именемъ Юрія Трясоголова, нѣмчина суща“ ***). Со стороны бурго-

*) Прибалтійскій сборникъ, т. II, лѣтопись Рюссова, стр. 287.

**) Житія Святыхъ, с. Дестунисъ. Январь, стр. 84.

***) Прибалтійскій сборникъ, т. III; изъ книги преосвященнаго Павла, епископа Псковскаго и Порховскаго. «Кое-что изъ прежнихъ занятій» (стр. 38 – 43), стр. 471.

мистра слѣдуетъ доносъ епископу „на православнаго священника дерптской Николаевской церкви Исидора и на всѣхъ, живущихъ въ русскомъ концѣ города, что они публично отправляютъ свое богослуженіе,—въ разговорахъ и съ латинянами и между собою сильно говорятъ противъ латинской вѣры, — опровергаютъ догматъ ея о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, порицаютъ совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ и глумятся надъ главенствомъ Римскаго папы“ *).

Въ бискупѣ и у городскихъ властей возбуждается фанатическая вражда и ненависть къ православному священнику и ко всѣмъ православнымъ жителямъ города. Представители папизма ждутъ удобнаго случая, чтобы публично выразить протестъ противъ усерднаго проповѣдника православія. Такой случай представился 6-го января 1472 г.

6 го января, въ день и праздникъ Богоявленія, всѣ православные города Дерпта, свято соблюдая обычай своей церкви, во главѣ съ священникомъ Исидоромъ пошли съ крестнымъ ходомъ на водосвятіе на рѣку Амовжу. Этотъ крестный ходъ со стороны православныхъ былъ своего рода торжественнымъ исповѣданіемъ вѣры предъ всѣмъ чужеземнымъ и инославнымъ населеніемъ Дерпта. И вотъ на этотъ крестный ходъ вдругъ набрасывается толпа нѣмцевъ, латинянъ, подосланныхъ бискупомъ и бургомистрами города; схватываетъ священника Исидора и съ нимъ 72 человѣка православныхъ мужчинъ и женщинъ, и дѣтей. Остальные въ страхѣ разбѣжались, съ ужасомъ ожидая, чѣмъ кончится это происшествіе.

Схваченныхъ представили къ епископу и къ городскому начальству. Здѣсь новые исповѣдники показали

---

*) Прибалтійскій сборникъ, т. III; изъ книги преосвящ. Павла, епископа Псковскаго и Порховскаго. «Кое-что изъ прежнихъ запятій», стр. 471—472.

всю свою твердость въ православіи, несмотря на всѣ истязанія и понужденія къ латинству. Священникъ Исидоръ съ основательностью опровергъ важнѣйшія уклоненія отъ истины въ латинствѣ, осмѣялъ папъ и въ особенности Евгенія IV съ нововымышленною его уніею (на Флорентинскомъ соборѣ 1439 г.), съ распространителями ся на Руси Исидоромъ и Григоріемъ, и напослѣдокъ увѣщевалъ даже самого епископа и бургомистровъ обратиться къ православію. Разгнѣванный епископъ велѣлъ священника Исидора со всѣми съ нимъ схваченными бросить въ темницу до рѣшенія надъ ними дѣла *).

Находясь въ темницѣ, православные не заблуждались относительно дальнѣйшей своей участи, не обольщали себя надеждою на освобожденіе, а, подобно древнимъ исповѣдникамъ и мученикамъ, приготовлялись на судъ молитвою, пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній и причащеніемъ Св. Таинъ. Въ рукописномъ „Страданіи Юрьевскихъ мучениковъ“ повѣствуется объ этомъ такъ: „Св. исповѣдникъ Христосъ Исидоръ прежде причастися самъ святыхъ и животворящихъ таинъ безсмертныхъ Христовыхъ пречистаго Тѣла и честныя крове Христа Бога нашего. Таже и всѣхъ ту сущихъ—дружину свою, мужей и женъ и дѣтей причастивъ... и быша вси безстрастни и радостію духовною объяти“ **).

Весь день 7 января исповѣдники провели въ заключеніи; на 8 января назначенъ былъ судъ надъ заключенными. „Между тѣмъ бискупъ созвалъ совѣтъ изъ рыцарей Ливонскаго ордена и начальствующихъ лицъ въ городѣ, которые рѣшились принудить Исидора и паству его принять католическое исповѣданіе“ ***).

---

*) Прибалтійскій сборникъ, т. III; изъ книги преосвящ. Павла, епископа Псковскаго и Порховскаго. «Кое-что изъ прежнихъ занятій», стр. 472.

**) Прибалтійскій Сборникъ, т. III; изъ книги преосвящ. Павла: «Кое-что изъ прежнихъ занятій»; стр. 472.

***) Житія Святыхъ, С. Дестуниса; январь, стр. 85.

Не удивительно поэтому, что засѣданіе въ ратушѣ было обставлено возможною торжественностью. Кромѣ епископа въ ратушѣ присутствовали городскіе начальники и „держателе градскіи изъ всѣхъ градовъ окрестныхъ, иже въ ливонской землѣ во области славнаго града Юрьева“ *). На этомъ судѣ надъ православными русскими со стороны латинянъ и нѣмцевъ повторилось почти то-же, что нѣкогда бывало въ языческихъ судахъ надъ христіанскими мучениками. Убѣжденія и уговоры смѣнялись лестью, обѣщаніями и, наконецъ, угрозами: всячески хотѣли латиняне склонить православныхъ къ своей латинской вѣрѣ. „Безбожніи нѣмцы, сирѣчь латиновє, восхотѣша отвратити люди Божія отъ вѣры христіанскія истинныя и въ свою вѣру латинскую привести и опрѣсночному ихъ служенію пріединити съ собою христіанъ всѣхъ. Ласкательными словесы хотя ихъ уловити (глаголаша): нашу вѣру примите, въ нюже вси нѣмцы вѣруютъ. Наша вѣра съ вашею едина, и многому добру нашему и богатству наслѣдницы будете. А восхощете, и вы свою вѣру держите, мы вамъ не возбраняемъ. Только нынѣ повинитеся предъ многими нѣмцы и чудію...“ *).

Всѣ старанія латинянъ остались безплодными. Исидоръ съ новою силою повторилъ прежнее свое опроверженіе латинства и уніи, обличилъ ихъ лесть и—отъ имени своей паствы и себя отвергъ всѣ ихъ угрозы и обѣщанія **). Такой отвѣтъ исповѣдниковъ возбудилъ сильный гнѣвъ епископа, посрамленнаго непреклонностью православныхъ, да еще при всемъ торжественномъ собраніи городскихъ начальниковъ, и „епископъ приказалъ утопить священника Исидора и 72 человѣка, бывшихъ съ нимъ въ рѣкѣ Амовжѣ, въ устроенномъ Юр-

*) Прибалтійскій Сборникъ, т. III; изъ книги преосвящ. Павла: «Кое-что изъ прежнихъ занятій», стр. 473.

**) Прибалтійскій Сборникъ, т. III; изъ книги преосвящ. Павла: «Кое-что изъ прежнихъ занятій», стр. 473.

данѣ. Въ числѣ осужденныхъ были мать съ трехлѣтнимъ ребенкомъ. Когда фанатики бросили молодую женщину въ прорубь, то ребенокъ съ крикомъ потянулся за нею, трижды перекрестился и упалъ въ воду за матерью. Это было 8 января 1472 г.“ *).

Наступила весна и всѣ тѣла мучениковъ, при вскрытіи рѣки, были найдены вполнѣ невредимыми.

Это „Дерптское событіе 1472 г.“ служитъ назидательнымъ историческимъ урокомъ и яркой иллюстраціей того, какъ латинскіе епископы и орденскіе ливонскіе нѣмцы исполняли свои обязательства по отношенію къ православнымъ русскимъ, съ которыми они заключали мирные договоры, клятвенно обѣщаясь свято исполнять ихъ.

Историческимъ памятникомъ этого „Дерптскаго событія 1472 г.“ служитъ Печерскій монастырь, инокъ котораго Варлаамъ составилъ сказаніе о Юрьевскихъ мученикахъ. Возникновеніе этого монастыря такъ тѣсно связано съ вышеописаннымъ событіемъ, что обитель сія представляется уму не иначе, какъ въ связи съ послѣдствіями, сопряженными съ упомянутымъ событіемъ.

Священноіерей Іоаннъ, который, со своими домашними, избѣжалъ въ 1472 году умерщвленія въ Дерптѣ, исходатайствовалъ у тогдашняго митрополита разрѣшенія на основаніе Печерскаго монастыря, воспользовавшись преданіемъ объ отшельникѣ Маркѣ, могила коего доселѣ показывается и который уже въ древности поселился въ этой мѣстности, окруженной таинственно шумящими рощами и освященной разсказами предковъ о чудныхъ событіяхъ **).

---

*) Житія Святыхъ, С. Дестуниса; январь, стр. 85.

**) Прибалтійскій Сборникъ, т. III; изъ статьи: «Дерптское событіе 8 января 1472 г.», чтеніе д-ра О. Бейзе, стр. 467—8.

Впослѣдствіи спасшійся изъ Дерпта пресвитеръ Іоаннъ, по смерти своего подружія, принялъ монашество съ именемъ Іоны и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ.

Исторія этой обители изложена въ монографіяхъ, но еще не исчерпана; повѣствованія ея отчасти хранятся еще въ монастырскомъ архивѣ; сказаніе инока Варлаама составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ ея отдѣловъ, нуждающихся въ разъясненіи. Такимъ образомъ, уже болѣе четырехсотъ лѣтъ сряду въ богослуженіи православной церкви хранится память событія, коего письменное изложеніе, составленное инокомъ Варлаамомъ, связано съ преданіемъ, глубоко укоренившимся въ сознаніи народа.

Ежегодно 8 января происходитъ на литургіи чтеніе, коего историческое основаніе относится ко дню упомянутаго событія.

Рукопись изъ восьми тѣсно исписанныхъ листовъ наполнена молитвословіями, коими, по распоряженію церковной власти, изъ года въ годъ обновляется у вѣрующихъ память св. священномученика Исидора и 72 сострадальцевъ его *).

Въ этой рукописи „Страданіе Юрьевскихъ мучениковъ“ озаглавливается такъ: „Мѣсяца генваря въ 8-й день страданіе святаго священномученика Исидора новаго, и иже съ нимъ пострадавшихъ семьдесятъ и два мученика во градѣ Юрьевѣ въ Ливонской землѣ отъ поганыхъ нѣмцевъ“. Въ концѣ же сего „страданія“: „написано-же бысть сіе страданіе святыхъ новоявленныхъ мучениковъ по благословенію святѣйшаго митрополита Макарія всея Россіи священноинокомъ Варлаамомъ, смиреннымъ мнихомъ“ **).

---

*) Тамъ-же, стр. 470.
**) Прибалт. Сборникъ, т. III, стр. 473.

Такъ, конецъ XV вѣка въ исторіи судебъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ имѣетъ весьма важное значеніе: въ это время Господь воздвигъ сонмъ мучениковъ изъ среды православныхъ русскихъ и на границахъ Ливоніи утвердилъ оплотъ православія—Печерскую обитель.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся къ судьбамъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ въ XVIII вѣкѣ.

XII.

Религіозное вліяніе Россіи на Лифляндію.—Первыя русскія церкви въ Прибалтійскомъ краѣ.—Русскіе въ городахъ и селахъ Прибалтійскаго края.—Отношеніе латышей къ нѣмцамъ, къ католичеству и протестантству.

Какъ до покоренія Лифляндіи нѣмцами, такъ и съ начала XVIII в., православіе распространялось среди латышей мирными путями. Не огнемъ и мечемъ утверждалось оно, какъ нѣкогда католичество, а путемъ естественнаго воздѣйствія на присоединенную окраину со стороны такого могущественнаго государственнаго организма, какова Россія. Лишь только присоединилась Лифляндія къ Россіи, какъ неизбѣжно вмѣстѣ съ русскою властью пришло въ Лифляндію и православіе. Вся Россія, съ ея православіемъ, религіозно-нравственнымъ общественнымъ строемъ, съ ея вѣрованіями и воззрѣніями, была, можно сказать, великимъ миссіонеромъ въ Ливоніи, съ которымъ не могли сравниться ни воинственные католическіе, ни сладкогласливые протестантскіе миссіонеры. Православіе—своего рода духовная атмосфера русскаго человѣка, и оно не могло не появиться въ Лифляндіи, послѣ того, какъ Лифляндія стала русскою окраиною.

Въ Ригѣ, при вступленіи русскихъ войскъ въ 1710 г., не было ни одной православной церкви. По царскому распоряженію, шведская гарнизонная церковь въ цитадели была обращена въ православную церковь и освящена во имя апостоловъ Петра и Павла, а затѣмъ былъ

обращенъ въ православную церковь римско-католическій костелъ св. Магдалины, принадлежавшій нѣкогда бенедиктинкамъ. Отъ этого костела въ то время стояли одни лишь каменныя стѣны. Съ этого времени начинаютъ появляться православныя церкви и въ другихъ городахъ Динаминдѣ, Перновѣ и Дерптѣ.

Съ 1718 по 1725 г. прибалтійскими церквами завѣдывалъ мѣстоблюститель патріаршій. Съ 12 марта 1725 г. всѣ церкви въ Лифляндіи были причислены къ псковской епархіи, а съ 1727 г. въ Ригѣ была учреждена контора духовныхъ дѣлъ *).

При устроеніи церквей правительство не имѣло въ виду миссіонерскихъ цѣлей среди покореннаго края, а только заботилось объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ православныхъ коренного русскаго происхожденія, имѣвшихъ жительство въ городахъ и нерѣдко заходившихъ по своимъ дѣламъ и промысламъ въ латышскія села и деревни.

Все-же присутствіе въ краѣ русскихъ православныхъ церквей и православнаго духовенства было своего рода невольнымъ, хотя, можно сказать, и нѣмымъ миссіонерствомъ среди поселенія края.

Въ народѣ сами собою должны были воскреснуть стародавнія преданія о тѣхъ временахъ, когда латышскіе народцы и племена были свободны отъ нѣмецкаго ига и свободно принимали православную вѣру отъ русскихъ священниковъ новгородскихъ, псковскихъ и полоцкихъ князей. Тогда,—говоритъ народное преданіе,—латыши жили счастливѣе, чѣмъ нынѣ. Тогда все казалось полнымъ жизни и счастія: и небо было яснѣе, и солнце теплѣе, и воздухъ казался благорастворенніе; земля отличалась большимъ плодородіемъ, жатвы были

*) Записки священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенгерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія; Прибалтійскій Сборникъ, т. III, стр 490; предисловіе къ запискамъ отъ издателя.

изобильнѣе, процвѣтали промыслы пчеловодства, скотоводства и т. п.; вся чистая, дѣвственная природа, въ безконечномъ разнообразіи своихъ предметовъ, казалось, простерла тогда къ людямъ свои мирныя и полныя любви объятія. Самъ богъ, въ образѣ древняго старца, ходилъ по землѣ, освящая ее прикосновеніемъ своихъ божественныхъ стопъ; сама богиня счастія (лайме) обитала между людьми, распредѣляя между ними свои дары счастія. Тогда для латышей, въ маломъ образѣ, былъ свой золотой идиллическій вѣкъ *).

Тогда все начиналось и сопровождалось пѣніемъ. Пѣли молодые, пѣли старые; пѣли въ будни и праздники; пѣли за работою и во время отдыха. И пѣсня эта была такъ обширна, что обнимала весь міръ латыша. Не было ни одного предмета въ латышскомъ хозяйственномъ быту, даже въ кругу отвлеченныхъ понятій древняго латыша, который бы не былъ обставленъ поэтическими образами **).

Но прошло то время. Въ свободную прежде землю пришли нѣмецкіе завоеватели, отняли у нихъ земли, лишили ихъ свободы. Назначеніемъ жизни латышей стало отселѣ—исполнять для нихъ велѣнія суровыхъ господъ, ходить для нихъ на войну, строить замки, воздвигать города. Лишивши латышей свободы, нѣмецкіе крестоносцы водворили и католицизмъ среди нихъ, но какимъ путемъ? Не путемъ мирной проповѣди и добровольнаго желанія, а мѣрами жестокости, огнемъ и мечемъ.

Язычники мнимообращенные затаили ненависть къ нимъ, долго выражавшуюся страннымъ обычаемъ класть топоръ въ могилу мертвецу, дабы онъ могъ этимъ орудіемъ мстить въ той жизни нѣмецкимъ угнетателямъ. Легкій переходъ въ протестантизмъ финновъ свидѣтель-

---

*) О латышскихъ народныхъ пѣсняхъ, стр. 57—8.
**) Тамъ-же, стр. 56.

ствуетъ о равнодушіи ихъ къ католицизму. Онъ введенъ по распоряженію владѣльцевъ и почти безъ вѣдома народа, а потому послѣдній не питаетъ ни привязанности къ новому вѣроисповѣданію, ни довѣрія къ его пастырямъ *).

Таково отношеніе латышей къ католицизму и протестантству. Можно-ли удивляться поэтому, что среди латышей появились сначала симпатіи, а потомъ и движеніе въ пользу православія, той самой религіи, которую нѣкогда принимали свободно прежде свободные латыши?

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Прибалтійскій Сборникъ, т. IV, Рига, 1882, стр. 578; изъ статьи: «Мнѣнія и распоряженія прибалтійскаго генералъ-губернатора Головина по дѣламъ присоединенія лютеранъ въ Лифляндіи къ православію».

XIII.

Пути, которыми проникало въ сознаніе латышей убѣжденіе въ превосходствѣ православія надъ другими религіями.—Преданія о старой вѣрѣ.—Вліяніе русскаго православнаго духовенства.—Вліяніе русскаго простонародья на простонародье латышей.

Различными путями проникало православіе въ міръ латышей и внѣдрялось въ сознаніе ихъ, какъ лучшая вѣра, сравнительно съ католичествомъ и протестантствомъ.

Не мало вліянія въ дѣлѣ возбужденія симпатій среди латышей по отношенію къ православію и русскимъ имѣли стародавнія преданія латышей о томъ, что они когда-то были православными, и сохранившіеся среди нихъ православные обычаи.

Въ „Исторіи Ливоніи“ приводятся слѣдующія разсужденія и доказательства въ подтвержденіе этого на основаніи филологическихъ данныхъ и народныхъ обычаевъ эстонцевъ и латышей:

„Обыкновенно думаютъ, что ни между латышами, ни между эстонцами не сохранилось никакого воспоминанія, никакого преданія о томъ, что нѣкогда православіе существовало между ними. Это не совсѣмъ такъ. Въ латышскомъ языкѣ и поныпѣ сохранились слова, заимствованныя очевидно отъ русскихъ и свидѣтельствующія, что латыши съ начатками гражданственности принимали и православіе отъ русскихъ во времена отдаленнѣйшія, столѣтія за два, быть можетъ, до прихода нѣмцевъ.

Латыши и понынѣ церковь называютъ словомъ базница (русское старинное божница), пагане у нихъ значитъ то же самое, что и у русскихъ, поганый, язычникъ; светка, значитъ святки; святіать значитъ святить, праздновать. Вотъ еще слова, очевидно, взятыя отъ русскихъ и оставшіяся съ того времени, когда латыши исповѣдывали православіе: кристіити—крестить; кристіійти цильекъ—крещенный человѣкъ; кристу мостъ — метать крестъ (старинное русское выраженіе, означающее творить на себѣ крестное знаменіе), гавезть, гавани — говѣть, говѣніе. Откуда бы взяться у латышей этому слову, если бы они не были нѣкогда православными, ибо въ католичествѣ даже и понятія о говѣніи не существовало и не существуетъ? Круты—кутья у латышей и понынѣ называется вареная пшеница съ горохомъ, которую они и донынѣ ѣдятъ въ рождественскій сочельникъ. Откуда взяться слову „кутья“ если не отъ кривичей. Праздникъ крещенія (6 января) латыши и понынѣ называютъ словомъ крустайпе—крещеніе, хотя этотъ праздникъ у католиковъ никогда не назывался и не называется этимъ словомъ.

Нынѣшніе латыши-лютеране, обитающіе въ мѣстностяхъ, составлявшихъ нѣкогда Герсикскую волость, а также Толову и Имеру, являются къ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресеніе въ нынѣшнія сельскія православныя церкви и, являясь въ церковь со свѣчами, считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ христосоваться съ самимъ священникомъ. Съѣзды лютеранскихъ латышей къ заутрени бываютъ такъ многочисленны, а христосованье со священникомъ считается такимъ непремѣннымъ долгомъ, что священникъ не начнетъ обѣдни, пока не перехристосуется со всѣми присутствующими, православными или лютеранами, все равно. Вслѣдствіе того богослуженіе, начавшись въ 12 ч. ночи, оканчивается лишь въ 9 часамъ утра. Откуда же бы это было,

если бы латыши Герсика, Толовы и Имеры не сохраняли у себя преданія, что въ ліала діапа (великъ день, такъ они и понынѣ называютъ первый день св. Пасхи) ихъ отдаленнѣйшіе предки являлись въ православныя церкви и христосовались со священникомъ.

Нынѣшніе латыши-лютеране весьма часто въ нынѣшнихъ сельскихъ православныхъ церквахъ служатъ заздравные молебны, панихиды, обращаются къ священникамъ за святою водою, которою окропляютъ свои дома. Откуда же это все, если не видѣть въ томъ остатковъ православія, нѣкогда существовавшаго между ихъ древними предками?

Унганійская чудь и толовскіе латыши искони хаживали и ходятъ понынѣ на богомолье въ Печерскій монастырь подъ Псковомъ. Имъ, лютеранамъ, съ какой бы стати ходить на богомолье въ чуждый ихъ вѣроисповѣданію монастырь, если-бы у нихъ не сохранилось преданіе, что ихъ предки были православными и хаживали на богомолье въ монастырь. Преданіе осталось, сохраняется и исполняется понынѣ.

Съ какой стати тарбадской чуди являться на богомолье въ георгіевскую православную церковь въ Юрьевѣ, когда они принадлежатъ къ лютеранству съ XVI вѣка? А между тѣмъ профессоръ дерптскаго университета, Розенбергъ, положительно, какъ очевидецъ, свидѣтельствуетъ, что въ воскресные и праздничные дни въ 30-хъ еще годахъ текущаго столѣтія эсты приходили въ православную церковь, ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты.

Кривичи и новгородцы никогда не принуждали силою къ православію ливонскихъ туземцевъ, крестили только желающихъ, и, несмотря на то, преданія о древнемъ православіи у латышей и чуди сохранились и понынѣ. Латыши русскихъ называютъ и понынѣ кривичами;

православіе у нихъ называется и поныне старою, строгою вѣрою; — у эстонцевъ-же вене-ойге усть, т. е. русская правая вѣра" *).

Со стороны русскаго духовенства, со времени покоренія Прибалтійскаго края Россіею поселившагося въ разныхъ городахъ и селахъ этой окраины, въ свою очередь оказывалось воздѣйствіе на латышей въ пользу православія.

Впрочемъ, нельзя не сознаться, что православное русское духовенство, ничтожное числомъ, находилось большею частью въ городахъ и, за самыми малыми исключеніями не зная ни по эстонски, ни по-латышски, сравнительно рѣдко и мало могло воздѣйствовать на латышей.

Въ иномъ положеніи было русское простонародье въ этомъ отношеніи.

Латыши „любили разспрашивать русскихъ кирпичниковъ и пильщиковъ, являвшихся по своему промыслу въ деревню, про ихъ житье-бытье. Послѣдніе, видя къ себѣ такое вниманіе, не затруднялись отвѣтами. „Мнѣ часто, говоритъ Страумитъ, случалось слышать отъ нихъ такія рѣчи: Такъ какъ же? По вашему мы значитъ разбойники? Кого-же изъ вашихъ мы убили? Кажется, и не приколотили ни одного изъ васъ.. Когда слыхано, чтобы русскій извозчикъ тронулъ въ дорогѣ латыша? Можетъ, не случится помочь, а ужъ ни за что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже нѣмецъ толкаетъ въ шею изъ лавки или шинка, а русскій самъ зоветъ.. У насъ царь самъ христосуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви..." Не было тутъ ни пропаганды, ни агитаціи, а тутъ вся Россія, какъ справедливо замѣчаетъ Страумитъ, пропагандировала за себя и, такъ сказать, всею своею массою вдвигалась въ сознаніе латышей.

---

*) Исторія Ливоніи, стр. 64—6.

„Трудно уловить,—продолжаетъ Страумитъ,—народную молву. Но вотъ какого рода рѣчи я припоминаю: „Русскій народъ хорошій! Они вовсе не поляки, какъ мы ихъ называли. У поляковъ нѣтъ бороды, а только усы, и всѣ они черные; а у русскихъ борода и всѣ русые; смотри какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ поляками: „я тебѣ такого поляка дамъ, что и своихъ не узнаешь!“ Не нужно ихъ ругать поляками! У нихъ и вѣра не польская, а русская, та самая, какая и у царя. Значитъ ихъ вѣра царская и въ эту вѣру можно перекреститься, когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя... Русскій народъ добрый и вѣра ихъ святая, самая старая и трудная: у нихъ посты...“ *).

Словомъ, когда между русскими, латышами и эстами завязывались какія-либо отношенія на почвѣ религіозно-нравственной, то въ сознаніи латышей невольно возникало убѣжденіе въ превосходствѣ русскихъ и русской православной вѣры предъ латышами и ихъ нѣмецкою вѣрою. Оно покоилось на стародавнихъ преданіяхъ отцевъ о томъ, что предки ихъ были когда-то православными, утверждалось въ соблюденіи нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ православія, распространялось среди латышскаго простонародія простонародіемъ русскимъ во время ихъ задушевныхъ бесѣдъ о вѣрѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ, латышей и нѣмцевъ.

Такъ постепенно выростало среди латышей убѣжденіе въ превосходствѣ православія надъ другими религіями: здѣсь коренились и задатки симпатій латышей къ русской вѣрѣ.

---

*) Предисловіе «отъ издателя» къ «Запискамъ священника Андрея Петровича Полякова объ Эйхенангерскомъ приходѣ Вольмарскаго благочинія». Прибалтійскій Сборникъ, т. III, стр. 489—90.

XIV.

Латыши и протестантизмъ.—Обезпеченіе лютеранскаго духовенства.—Отношеніе полиціи къ протестантству.—Случаи перехода въ православіе.—Краткій историческій очеркъ распространенія гернгутерства въ Прибалтійскомъ краѣ.—Отношеніе гернгутерства къ православію.

Во время присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи, латыши исповѣдывали протестантскую вѣру. Что-же, были-ли они расположены къ протестантству? Знали-ли они свою вѣру? Были-ли убѣжденными протестантами?

На всѣ эти и подобные вопросы можно съ рѣшительностью отвѣтить отрицательно. Латыши были не расположены къ протестантству и не были убѣжденными протестантами, такъ какъ въ большинствѣ не знали своей вѣры. Какъ католичество проповѣдывалось среди латышей на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ, такъ протестантство по преимуществу возвѣщалось на столь-же непонятномъ нѣмецкомъ языкѣ. Даже религія не сродпила побѣдителей и побѣжденныхъ. Латышское простонародье было весьма малосвѣдуще въ истинахъ той религіи, которую исповѣдывало; между высшими и низшими классами населенія царила большая отчужденность; роскошный образъ жизни высшихъ классовъ лежалъ тяжелымъ бременемъ на плечахъ низшаго.

Не малую часть этого бремени составляло содержаніе лютеранскаго духовенства. Хозяйственное поло-

женіе его было весьма подробно разработано и для содержанія духовенства существовали обязательные сборы и повинности. Кромѣ доходовъ случайныхъ (за требы, за экзамены, за конфирмацію и пр.), прихожане обложены были общественными сборами или оброками хлѣбомъ, припасами или деньгами. Вообще, отношенія духовенства къ крестьянамъ были тѣ же самыя, какъ и отношенія землевладѣльцевъ къ бывшимъ ихъ крѣпостнымъ людямъ *).

При рѣшеніи вопроса объ отношеніи латышей къ исповѣдываемому ими протестантству, достойно вниманія то положеніе, которое заняла по отношенію къ лютеранству полиція. Земская полиція, на основаніи полицейскаго устава, вышедшаго одновременно съ крестьянскимъ положеніемъ 1819 года, обязана была наблюдать, чтобы крестьяне не отступали отъ догматовъ аугсбургскаго исповѣданія.

Пасторы, огражденные крестьянскимъ положеніемъ 1819 г. и земскою полиціею, и называемые въ народѣ— церковный баринъ, пользовались хорошими и обезпеченными доходами **).

Можно-ли удивляться поэтому, что латыши-протестанты были недовольны своею религіею; что они искали удовлетворенія своимъ религіознымъ запросамъ вездѣ, гдѣ только могли, и съ радостью отзывались на всякое движеніе, которое обѣщало имъ удовлетвореніе ихъ религіознымъ потребностямъ или свободу отъ обременительныхъ даней въ пользу лютеранскаго духовенства?

Бывали и случаи присоединенія къ православію. Такъ въ 1800 г. цѣлый верхнеустинскій пасторатъ Верроскаго уѣзда (нынѣ того-же названія приходъ псковской епархіи) присоединился къ православію и для нихъ поставленъ былъ священникъ, ими избранный изъ

---

*) Предисловіе къ «Запискамъ свящ. А. Полякова», стр. 484.
**) Тамъ-же, стр. 485.

ихъ среды. Особенно часты были присоединенія къ православію въ окрестностяхъ Чудскаго озера въ началѣ текущаго столѣтія *).

Въ то время, когда одна часть латышей, сравнительно незначительная по числу, находила возможнымъ удовлетворять своимъ духовнымъ запросамъ чрезъ присоединеніе къ православію, большинство недовольныхъ лютеранствомъ уклонилось въ гернгутерство.

Ученіе гернгутеровъ появилось въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. По этому ученію, нынѣшняя протестантская церковь есть лишь преддверіе къ истинной церкви, которая образуется, когда истинные сыны Божіи, жаждущіе благодатнаго возрожденія, сольются во едино и образуютъ изъ себя духовное братство. Къ учрежденію духовныхъ братствъ должны стремиться разрозненные члены будущей истинной церкви, а для этого необходимо предварительное составленіе общинъ.

Въ общину могли вступать послѣдователи всѣхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, причемъ отъ вступившихъ въ общину требовалось, чтобы они не только не отдѣлялись отъ своихъ единовѣрцевъ, но непремѣнно посѣщали свои церкви, исполняли ея предписанія и оказывали ея пастырямъ глубочайшее уваженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ члены общины должны были присутствовать на ея собраніяхъ, участвовать на ея духовныхъ упражненіяхъ и подчиняться безусловно руководству ея наставниковъ, которымъ ввѣряется попеченіе о ихъ душахъ. Община управляется старшиною, который назначается не по выбору, а по жребію. Надъ нѣсколькими общинами по жребію ставился діаконъ, руководившій старшинами и наставниками, діаконы подчинялись пресвитеру, а пресвитеры центральному управленію всей ассоціаціи въ Гернгутѣ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ наставники и старшины

*) Предисловіе къ «Запискамъ свящ. А. Полякова», стр. 487—8.

замѣщались всегда изъ туземцевъ, т. е. изъ латышей и эстонцевъ, діаконы-же и пресвитеры присылались изъ заграницы. Общины имѣютъ собранія; на этихъ собраніяхъ присутствующіе занимаются чтеніемъ, молитвою, пѣніемъ, назидательными бесѣдами, обсужденіемъ разныхъ предметовъ, касающихся нуждъ и пользъ отдѣльныхъ лицъ или всего общества, даже совершаются таинства: крещенія, пріобщенія и полугласной исповѣди съ омовеніемъ ногъ. Къ вопросамъ догматики они относились вполнѣ равнодушно, но старались пробудить лишь въ послѣдователяхъ своего ученія вниманіе къ самому себѣ, потомъ сознаніе своей грѣховности и живую потребность благодатнаго обновленія. Страсти Христовы— основная тема ихъ пѣсенъ, проповѣдей и бесѣдъ.

Ученіе гернгутеровъ проникло въ Прибалтійскій край около 1730 года и встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ.

Въ 1736 г. прибылъ въ Лифляндскую губернію дѣятельный организаторъ гернгутерской церкви графъ Цинцендорфъ; по его иниціативѣ и съ вѣдома мѣстнаго духовенства была открыта семинарія на 130 латышей для подготовленія учителей изъ туземцевъ (извѣстно, что въ XVIII столѣтіи сельское духовенство въ Прибалтійскихъ губерніяхъ пополнялось выходцами изъ Германіи). Быстрые успѣхи гернгутерства, демократическій характеръ общинъ возбудили, наконецъ, подозрѣнія.

Собранія гернгутеровъ были въ 1743 г. закрыты, но втайнѣ продолжались и снова открылись при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ февралѣ 1764 г. гернгутеры получили правительственное разрѣшеніе водвориться въ Россіи съ правомъ безпрепятственно исповѣдывать свою вѣру и отправлять свое богослуженіе подъ условіемъ не привлекать въ свою вѣру христіанъ другихъ исповѣданій.

Съ этихъ поръ гернгутеры получили законное право

проживать въ Россіи, а въ 1817 г. испросили себѣ у императора Александра Павловича жалованную грамоту, въ коей государь, похваляя гернгутеровъ за успѣшное наставленіе словомъ и примѣромъ поселянъ, высочайше разрѣшилъ гернгутерамъ устраивать, учреждать и содержать подъ своимъ присмотромъ, какъ то и доселѣ было, для духовной пользы и назиданія латышей, эстовъ и другихъ желающихъ, молитвенные дома или собранія, по городамъ, селеніямъ и деревнямъ, съ согласія владѣльца земли и съ вѣдома начальства городского, безъ всякаго, впрочемъ, въ томъ препятствія.

Съ этихъ поръ гернгутеры быстро раскинулись по всей Лифляндіи. Хотя гернгутеры нимало не уклонялись отъ лютеранской церкви, оказывали ея служителямъ должное уваженіе, тѣмъ не менѣе борьба была неизбѣжна. Борьба и завязалась одновременно въ области догматики, каноническаго права и гражданскихъ законовъ и велась съ большою горячностью. Правительство для пресѣченія распри сочло нужнымъ всѣ правила устава лютеранской церкви въ Россіи формально примѣнить къ молитвеннымъ домамъ гернгутеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано не открывать безъ разрѣшенія генералъ-губернатора новыхъ молитвенныхъ домовъ, а 24-го марта 1839 г., было запрещено протестантамъ вступать въ общины *).

Многіе изъ народа сочувствовали гернгутерамъ, и тѣмъ не менѣе въ самой средѣ гернгутеровъ было не мало людей, неудовлетворявшихся ихъ ученіемъ и смутно понимавшихъ несостоятельность самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ **).

Тогда въ умахъ народа естественно явилась мысль о старой вѣрѣ, о православіи. Обстоятельства религіоз-

*) Предисловіе къ «Запискамъ свящ. А. Полякова», стр. 485—7.
**) Тамъ-же, стр. 489.

ной жизни, которыя переживали латыши, только укрѣпляли въ ихъ сердцахъ сочувствіе къ православію. И можно безъ особенной натяжки сказать, что гернгутерское движеніе среди латышей, пробудивши въ нихъ религіозную мысль и чувство, открыло имъ глаза на неудовлетворительность для нихъ лютеранства, содѣйствовало укрѣпленію въ ихъ средѣ симпатій къ старой вѣрѣ и подготовило религіозное движеніе латышей, имѣвшее въ виду присоединеніе къ православію.

XV.

Преобразованіе конторы духовныхъ дѣлъ въ Рижское духовное правленіе.—Участіе въ этомъ преобразованіи преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Псковскаго и Рижскаго.—Поводъ къ преобразованію.—Уменьшеніе и возрастаніе православной паствы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Противодѣйствіе православію со стороны раскола.—Старообрядцы въ Ригѣ.—Гребенщиковская богадѣльня.

Въ то время, какъ въ средѣ латышскаго простонародья формировалось движеніе въ пользу православія, православная русская церковь мало-по-малу устроялась въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ Ригѣ, какъ извѣстно, съ 1727 г. для завѣдыванія дѣлами православной паствы учреждена была „Контора духовныхъ дѣлъ". Эта контора была переименована въ 1750 г. въ „Рижское духовное правленіе". Въ свою очередь Рижское духовное правленіе въ 1764 г. было преобразовано архіепископомъ Иннокентіемъ и такъ существовало до самаго учрежденія независимой рижской епархіи въ 1850 г. Въ дѣлахъ Псковской духовной консисторіи сохранились, между прочимъ, слѣдующія подробности относительно преобразованія архіепископомъ Иннокентіемъ Рижскаго духовнаго правленія.

Съ 1764 г. велѣно архіепископу Иннокентію титуловаться псковскимъ и рижскимъ, потому что эстляндскія церкви въ Ревелѣ, Балтійскомъ Портѣ и Нарвѣ отчислены къ петербургской епархіи. Въ указѣ изъ псковской консисторіи отъ 1764 г. августа 13-го дня (№ 1728) написано, между прочимъ: „Въ бытность его преосвященства въ Ригѣ усмотрѣно имъ, что рижское

духовное правленіе состоитъ изъ единой персоны—тамошняго протопопа. А по знатности того мѣста, гдѣ бываютъ многія и трудныя къ рѣшенію дѣла, надлежитъ тамъ быть правленію духовному въ лучшемъ порядкѣ... того ради его преосвященство приказалъ: въ ономъ рижскомъ духовномъ правленіи присутствовать и обще исправлять всѣхъ дѣлъ теченіе тремъ персонамъ".

Благодаря настойчивой дѣятельности духовенства, съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія количество церквей и православныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ постепенно возрастало, хотя на первыхъ порахъ число православныхъ то умножалось, то уменьшалось.

Для православнаго духовенства Прибалтійскаго края въ дѣлѣ устроенія православной церкви не мало затрудненій представляли старообрядцы, въ значительномъ количествѣ проживавшіе въ Ригѣ. Православію приходилось бороться съ раскольниками и охранять православныхъ отъ совращенія въ старообрядчество. Но это-же самое обстоятельство, т. е. процвѣтаніе старообрядчества было одною изъ причинъ, содѣйствовавшихъ учрежденію епископской каѳедры въ Ригѣ.

Къ какому времени относится первое появленіе въ Ригѣ старовѣрческой общины безпоповцевъ, неизвѣстно, но въ 1760 г. они уже имѣли богадѣльню на московскомъ форштатѣ. Къ двадцатымъ годамъ текущаго столѣтія рижская старовѣрческая община имѣла уже богадѣльню и при ней больницу, сиротское отдѣленіе, школу и дачу Гризенбергъ. Въ началѣ 1827 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулучи, затребовалъ отъ рижскихъ старовѣровъ свѣдѣній, кѣмъ именно управляется названная богадѣльня и школа. Старовѣры представили подлинныя статьи отъ 13-го августа 1813 г., составленныя и подписанныя цѣлымъ обществомъ, но никѣмъ не утвержденныя. Маркизъ Паулучи, по разсмотрѣніи этихъ статей, утвердилъ ихъ 20-го февраля 1827 г. Первый отчетъ объ управленіи богадѣль-

нею и состоящимъ при ней пріютомъ и школою былъ данъ за время съ 8-го октября 1826 г. по 1-е ноября 1829 г., и отпечатанъ отдѣльною брошюрою *).

У Рижскихъ старообрядцевъ была не только богадѣльня, но и школа, гдѣ воспитаніе и обученіе велось безъ сомнѣнія, въ духѣ старообрядчества.

На Рижскихъ старообрядцевъ долго не обращали никакого вниманія и лишь съ 1820 г., когда состоялись разныя ограничительныя противъ раскола постановленія, начало обнаруживаться, что въ Ригѣ число безпоповцевъ замѣтно увеличивается и при томъ не столько переселеніями, сколько отпаденіями. Въ 1832 г. была закрыта старообрядческая школа при Гребенщиковской богадѣльнѣ, а затѣмъ явилась мысль принять такую мѣру, которая бы могла противодѣйствовать распространенію раскола. Преосвященный псковскій Наѳанаилъ предположилъ учредить въ Ригѣ викаріатство, но его предположеніе осуществилось лишь 14-го сентября 1836 г.

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 539—40; изъ статьи: «о старовѣрахъ въ Ригѣ и отчетъ о Гребенщиковской богадѣльнѣ» съ 8-го октября 1826 г. по 1-е ноября 1829 г., Прибалт. Сборникъ, т. IV.

XVI.

Предложеніе Государя Императора Николая Павловича св. Синоду относительно еп. каѳедры въ Ригѣ.—Докладъ св. Синода.—Прибытіе преосвященнаго Иринарха въ Ригу.—Открытіе въ Ригѣ единовѣрческаго прихода.

Императоръ Николай Павловичъ, еще въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, думалъ учредить въ Лифляндіи самостоятельную православную церковную каѳедру, признавая неудобнымъ подчиненіе лифляндскихъ и курляндскихъ приходовъ псковскому преосвященному, который за отдаленностью своего мѣстопребыванія не могъ часто навѣдываться въ лифляндскую и курляндскую губерніи и наблюдать въ нихъ за православными приходами. Но предположеніе это покойный государь откладывалъ исполненіемъ частію за недостаткомъ денежныхъ средствъ, а частію и вслѣдствіе того, что неудобства включенія названныхъ двухъ губерній въ составъ псковской епархіи не выяснились еще съ полною очевидностью. Но когда выяснилось, что старовѣры, для пріобрѣтенія гражданскихъ правъ своимъ дѣтямъ, вѣнчаются въ церквахъ, не подчиненныхъ псковскому архіерею, предбрачныхъ росписокъ не даютъ и дѣтей въ православныхъ церквахъ не крестятъ, когда опредѣлилось, что всѣ эти отступленія отъ закона происходятъ отъ того, что псковскій преосвященный, за отдаленностью мѣстопребыванія, не можетъ услѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ рижскихъ православныхъ приходахъ, государь рѣшился на мѣропріятіе, которое

онъ обдумывалъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Онъ повелѣлъ Святѣйшему Синоду обсудить: что полезнѣе для православной церкви въ Лифляндіи и Курляндіи— открытіе-ли самостоятельной церковной каѳедры или-же учрежденіе отдѣльнаго викаріатства псковской епархіи. Святѣйшій Синодъ предпочелъ образовать викаріатство, что и было высочайше утверждено 14-го сентября 1836 г..*).

Первый рижскій епископъ, преосвященный Иринархъ, былъ первымъ викаріемъ въ Ригѣ и первымъ виднымъ борцомъ противъ раскола на пользу единовѣрія. Не мало пришлось ему потрудиться въ дѣлѣ насажденія единовѣрія среди рижскихъ старообрядцевъ. Благодареніе Богу, рижскіе раскольники не оказались непримиримыми врагами православія и единовѣрія, а даже съ своей стороны содѣйствовали учрежденію въ Ригѣ единовѣрческаго прихода и устроенію единовѣрческой церкви. Дѣло это пришло къ благополучному окончанію, благодаря просвѣщенной миссіонерской настойчивости преосвященнаго Иринарха, умѣвшаго вліять и на старообрядцевъ.

Преосвященный Иринархъ прибылъ въ Ригу въ первыхъ числахъ ноября 1836 г.

Чрезъ нѣсколько дней онъ бесѣдовалъ со старшинами Гребенщиковской богадѣльни и заявилъ имъ о необходимости открытія въ Ригѣ единовѣрческаго прихода. Старшины отвѣчали, что они лично единовѣріе принять не согласны, но учрежденію единовѣрческаго прихода не только противиться не будутъ, но готовы пожертвовать подъ единовѣрческую церковь свою молельную, такъ называемую новую, построенную старообрядцемъ Пушновымъ послѣ пожара 1812 г., и открыть

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 545—6; изъ статьи: «Учрежденіе римскаго викаріатства псковской епархіи»; Прибалтійскій Сборникъ, т. IV.

между собою подписку на покрытіе расходовъ на работы по приспособленію этой молельной подъ церковь (впослѣдствіи они дѣйствительно представили преосвященному Иринарху 2,000 р. ассигн., собранныя по подпискѣ, именно на приспособленіе молельной подъ церковь).

Передача новой молельной отъ рижской старовѣрческой общины въ православное духовное вѣдомство совершилась 29 декабря 1836 г. Въ этотъ день предъ новою молельною собралось много простого народа изъ старообрядцевъ, которые думали было воспрепятствовать передачѣ, такъ какъ между ними прошелъ слухъ, будто старосты Гребенщиковской богадѣльни продали новую молельную за деньги, на что именно права не имѣли, ибо зданіе это было подарено старовѣрческой общинѣ Пушиновымъ при совершеніи всѣхъ формальностей, предписанныхъ закономъ по дарственнымъ записямъ. Къ собравшемуся народу прибылъ полиціймейстеръ Вакульскій и выяснилъ ему, что зданія молельной никто не продавалъ и никто не покупалъ, но что открытіе единовѣрческой церкви и учрежденіе въ Ригѣ единовѣрческаго прихода совершается по непремѣнной волѣ Государя Императора. Послѣ такого разъясненія, передача зданія совершилась безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны препятствій. Окончательная передача новой молельной въ духовное вѣдомство совершилась 6 февраля 1837 г. Весною въ этомъ году произвели въ молельной всѣ необходимыя работы, а преосвященный Наѳанаилъ распорядился отправить иконостасъ для новой церкви и послать въ Ригу изъ Загорскаго Ямa единовѣрческаго іеромонаха Михаила для временнаго служенія въ новоустроенной церкви и съ нимъ послать церковные сосуды и древній антиминсъ со святыми мощами.

Послѣ окончанія работъ, доставленія иконостаса и прибытія въ Ригу іеромонаха Михаила, не оставалось уже никакого препятствія къ освященію церкви во имя

Михаила Архангела. Освященіе было совершено 9 іюля 1837 г., при большомъ стеченіи народа, іеромонахомъ Михаиломъ и священникомъ Ѳеодоромъ Макарьевымъ: по освященіи была совершена литургія, какъ по старопечатному уставу положено.

Съ этого времени и существуетъ въ Ригѣ Михаило-Архангельскій единовѣрческій приходъ *).

Такимъ образомъ учрежденіе единовѣрческаго прихода было первымъ миссіонерскимъ дѣломъ преосвященнаго Іринарха во время его пребыванія въ г. Ригѣ.

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 551—553; изъ статьи: «Учрежденіе и открытіе въ Ригѣ Михаило-Архангельскаго единовѣрческаго прихода», Прибалтійскій Сборникъ; т. IV.

XVII.

Голодъ въ Лифляндіи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.—Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.—Надежды латышей на переселеніе въ Россію.—Прошенія латышей о переселеніи, отношенія мѣстныхъ властей къ этимъ прошеніямъ.—Бѣдствія латышей.—Латыши у преосвященнаго Иринарха.—Вліяніе этого пріема на латышей.—Движеніе латышей въ пользу православія.—Отношенія къ этому движенію нѣмецкаго духовенства и интеллигенціи.—Мѣры для прекращенія движенія.

Въ то время, когда преосвященному Иринарху удалось открыть въ Ригѣ единовѣрческій приходъ и этимъ значительно содѣйствовать дѣлу православія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ то самое время началось сильное движеніе среди латышей въ пользу православія. Уже давно въ сознаніи латышей укрѣпилось убѣжденіе въ превосходствѣ православія надъ другими вѣроисповѣданіями. Оставалось проявиться во внѣ этому убѣжденію. Сороковые годы нынѣшняго столѣтія дали возможность обнаружиться стародавнимъ симпатіямъ латышей къ православію и показали, что православіе можетъ найти богатую ниву и обильную жатву среди латышей и эстовъ Прибалтійскаго края.

Обстоятельства, предшествовавшія этому движенію, были таковы.

Въ 1838, 39 и 40 годахъ въ Лифляндской губерніи былъ большой неурожай; общественные магазины съ хлѣбомъ запустѣли и страшное бѣдствіе—голодъ охватилъ всю губернію. Со дня на день бѣдствіе принимало все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры и къ веснѣ 1841 г.

почти всѣ уѣзды Лифляндской губерніи терпѣли безпримѣрный голодъ. Не получая помощи отъ помѣщиковъ, поселяне начали обращаться къ своему ближайшему мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Пришла весна 1841 г. и разрушила всякія надежды на лучшій урожай и списканіе хлѣба. Тогда у многихъ естественно явилось желаніе выселиться туда, гдѣ нѣтъ голода, туда—въ Россію, въ „Ейскую“ землю, въ землю „теплую“, гдѣ и живется не такъ, какъ въ Лифляндіи, а какъ-то иначе, потому что въ „русской землю добра жива“. Толпы поселянъ, безъ паспортовъ, безъ дозволеній, двинулись въ Ригу со всѣхъ сторонъ частію для испрошенія подаянія, а большею частію съ просьбами вывести ихъ изъ Лифляндіи, а иногда и съ жалобами, что ихъ помѣщики не кормятъ, но на жалобы начальство не могло иначе отвѣчать, какъ отказомъ на основаніи закона; о выселеніи же массъ не могло быть и рѣчи *)“.

Въ эти тяжелые годы голода положеніе крестьянъ латышей было ужасно.

Преосвященный Веніаминъ, епископъ Рижскій и Митавскій, сообщаетъ, между прочимъ слѣдующія подробности о положеніи латышей въ эти голодные годы:

Крестьяне умирали съ голоду, распространялись повальныя болѣзни. Мѣстныя власти разсылали медицинскія пособія, но лѣкарства не помогали. Одинъ докторъ разсказывалъ, что родители одного юноши, возвращеннаго имъ къ жизни, вмѣсто благодарности, осыпали его горькими упреками, говоря, что сыну ихъ лучше было умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать голодной смертью.

Многіе крестьяне рѣшались выйти изъ губерніи, и начали просить о переселеніи; мѣстное начальство имъ

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 498—500.

отказывало въ томъ, на основаніи крестьянскаго положенія 1819 г.. Недовольные такимъ дѣйствіемъ крестьяне пошли въ Ригу съ жалобами къ генералъ-губернатору, потому что по тѣмъ же законамъ крестьянинъ не иначе могъ приносить жалобу, какъ отъ своего лица. Такая настойчивость крестьянъ признана была неповиновеніемъ. Въ Ригѣ ихъ били палками, брили головы и отсылали домой *).

Голодъ, повальныя болѣзни, иногда побои и унизительныя оскорбленія... все это выпало на долю бѣдныхъ латышей. Какія чувства должны были зародиться въ ихъ сердцахъ по отношенію къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ, объ этомъ не трудно догадаться. Во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью можно сказать, что эти чувства не были чувствами любви и расположенія къ помѣщикамъ, ихъ бывшимъ владѣльцамъ, которые не оказали голодавшимъ латышамъ самоотверженной братской поддержки и помощи въ тяжелой жизненной невзгодѣ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ нѣсколько латышей, уже высѣченныхъ и обритыхъ, возвращались домой; проходя 9 іюня 1841 г. мимо архіерейскаго дома, имъ вздумалось зайти къ русскому архіепископу за милостыней. Преосвященный Иринархъ принялъ въ нихъ участіе, какое долженъ былъ принять пастырь церкви христіанской. Онъ далъ имъ хлѣба, по нѣсколько копѣекъ и по экземпляру православнаго катехизиса. Это было зерно, брошенное на жадную землю.

Слухъ о данной русскимъ епископомъ милостынѣ

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прав. краѣ, стр. 569; изъ статьи: «Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 г.». Прибалтійскій сборникъ, т. IV. Отношеніе генералъ-губернатора къ министру внутр. дѣлъ 13 іюля 1841 года № 670. Изъ отношенія ген.-губ. къ министру отъ 18 іюля 1841 г. № 701 видно, что въ лифляндскомъ губ. правленіи два латыша наказаны палками, а другимъ обрита часть головы.

быстро распространился между крестьянами. Вскорѣ уже не нѣсколько человѣкъ, а цѣлая толпа явилась у дверей преосвященнаго; но онъ не могъ уже удовлетворить ихъ и съ прискорбіемъ долженъ былъ отказать имъ въ пособіи. Однако крестьяне не расходились, тронутые участіемъ архипастыря, они требовали уже не милости, а присоединенія къ православной церкви. Чтобы успокоить крестьянъ и побудить ихъ разойтись по домамъ, преосвященный переписалъ ихъ имена. Когда эти крестьяне ушли, пришли другіе; каждый день приводилъ къ дверямъ епископскаго дома новыя толпы.

Они подавали просьбы о присоединеніи ихъ къ русской церкви и нерѣдко излагали въ нихъ жалобы на помѣщиковъ. Преосвященный отсылалъ эти просьбы къ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода.

Такимъ образомъ огласилось по всей Лифляндіи и въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ стремленіе лифляндскихъ крестьянъ къ переходу въ православіе *).

Русскій православный архипастырь преосвященный Иринархъ обошелся съ несчастными латышами милостиво, сердечно, по-христіански. Онъ далъ имъ посильную и тѣлесную, и духовную милостыню. Это былъ простой и естественный поступокъ со стороны епископа, а между тѣмъ какое глубокое, неотразимое впечатлѣніе произвелъ онъ на латышей! Латыши не могли не чувствовать и не видѣть всей противоположности между отношеніемъ къ нимъ православнаго епископа и ихъ бывшихъ господъ помѣщиковъ-лютеранъ. Тѣ не оказали помощи латышамъ, прогоняли ихъ, даже подвергали оскорбленіямъ, а у епископа они нашли христіанскій

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Приб. краѣ, стр. 569; изъ статьи: Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 г.». (Изъ бумагъ преосвященнаго Веніамина, епископа Рижскаго и Митавскаго). Прибалтійскій сборникъ, т. IV.

привѣтъ и сердечное участіе. Это было живительной росой на ихъ жаждавшія участія и сочувствія сердца! Это было трогательнѣйшимъ призывомъ латышей къ православію, къ той самой религіи, которой нѣкогда держались ихъ отдаленнѣйшіе предки. Это было малой искрой, зажегшей тѣ пламенныя симпатіи къ православію, которыя издавна накоплялись и горѣли въ сердцахъ латышей.

Стоустая народная молва всюду разнесла вѣсть о поступкѣ православнаго русскаго епископа, и вездѣ отвѣтомъ на него было движеніе въ пользу православія. Впрочемъ, христіанскій поступокъ епископа былъ только толчкомъ, вызвавшимъ къ жизни движеніе въ пользу православія среди латышей; причины-же, обусловившія это движеніе, были не въ этомъ; онѣ глубоко коренились въ преданіяхъ латышей о старой вѣрѣ, въ вѣковой нерасположенности ихъ къ нѣмцамъ завоевателямъ, господамъ, владѣльцамъ помѣщикамъ, въ томъ неотразимомъ притягательномъ воздѣйствіи, которое оказывала на весь Прибалтійскій край великая Россія, съ своимъ религіознымъ, государственнымъ и общественнымъ строемъ жизни.

Среди латышей началось движеніе въ пользу православія. Слухъ объ этомъ быстро распространился по всему Прибалтійскому краю. Лютеранское духовенство и помѣщики были встревожены этимъ движеніемъ, такъ какъ оно одинъ грозило матеріальными убытками, а другимъ непріятнымъ переворотомъ издавна сложившихся привычныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Нѣмецкими культуртрегерами Прибалтійскаго края предпринимаются всевозможныя мѣры къ тому, чтобы пріостановить это опасное для нѣмецкаго преобладанія движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ. И вотъ православное духовенство голосомъ нѣмецкой интеллигенціи обвиняется въ преступной пропагандѣ, а забитые крестьяне-латыши въ возмущеніи. И все это для чего? Чтобы

воспрепятствовать культурно-христіанской миссіи православной Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, чтобы оставить угнетенныхъ латышей въ ихъ прежнемъ бѣдственномъ положеніи, чтобы дать нѣмцамъ лютеранамъ преобладаніе, если не господство, въ русской окраинѣ.

Происки нѣмецкой интеллигенціи лютеранскаго духовенства несомнѣнно оказали могущественнѣйшее воздѣйствіе на характеръ отношеній тогдашняго рижскаго генералъ-губернатора барона Палена къ движенію латышей въ пользу православія, къ православному духовенству и къ самому преосвященному Иринарху.

Вѣсть о пріемѣ, сдѣланномъ преосвященнымъ крестьянской артели, быстро разнеслась между поселянами и толпы ихъ начали чаще и чаще приходить на архіерейское подворье.

Сношенія, завязавшіяся между латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, не были ни для кого тайною. Въ нихъ нѣмецкое общество увидѣло небезопасную для себя пропаганду и въ нѣкоторомъ смыслѣ оно было право. Одинъ изъ нашихъ писателей (Самаринъ, Окраины, III, 83) говоритъ: „Точно это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата-ли была православная Церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ или извозчикъ, виноваты ли они были въ томъ, что благодаря порядку вещей, существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ русскимъ, всякій взглядъ, брошенный на латыша, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ, даже опасныя надежды!“

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 г., по высочайшему повелѣнію, прибыли въ Ригу флигель-адъютанты полковники Бутурлинъ и князь Урусовъ огласить волю Государя Императора какъ относительно переселенія, такъ и присоеди-

нения къ православію *). 17 сентября собраны были въ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ губернское правленіе и здѣсь Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили: „что отнюдь не есть воля Государя Императора переселить лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ, что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять, но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по прежнему покойными". Такое объявленіе было сдѣлано и въ уѣздныхъ городахъ.

Все-же толки о переселеніи по присоединеніи среди латышей не стихали,—но едва ли они могли и стихнуть, потому что 47 человѣкъ, выслушавшихъ высочайшую волю, на всю Лифляндію было слишкомъ мало, а главнѣйше потому, что положеніе крестьянъ не улучшалось **).

---

*) Съ просьбами объ этомъ обращались латыши къ преосвященному Иринарху; епископъ-же препровождалъ эти просьбы г. оберъ-прокурору св. Синода для представленія ихъ чрезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ Государю Императору.

**) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 500—503.

XVIII.

Удаленіе преосвященнаго Иринарха изъ Риги.—Прекращеніе движенія среди латышей.—Преосвященный Филаретъ.—Новое движеніе среди латышей въ пользу православія.—Гернгутеры.—Давидъ Баллодъ.—Донесеніе барона Палена въ министерство внутреннихъ дѣлъ о новомъ движеніи среди латышей.—Высочайшее рѣшеніе этого дѣла.—Присоединеніе гернгутеровъ.—Богослуженіе на латышскомъ языкѣ.—Значеніе для латышей присоединенія къ православію Д. Баллода.—Назначеніе генералъ-губернаторомъ Головина.

Въ дѣлѣ стремленія латышей къ православію были сильно заинтересованы нѣмецкіе помѣщики и лютеранское духовенство. Вслѣдствіе ихъ пристрастнаго участія въ этомъ дѣлѣ православному духовенству пришлось подвергнуться различнымъ пареканіямъ и несправедливымъ обвиненіямъ со стороны рижскаго генералъ-губернатора барона Палена. Больше всѣхъ пришлось пострадать преосвященному Иринарху.

Баронъ Паленъ полагалъ и всячески вездѣ старался доказывать, что происки и подговоръ составляютъ весь источникъ смуты и, хотя ни одного случая присоединенія къ православію въ теченіе 1841 г. не послѣдовало, но онъ все-таки оставался въ увѣренности, что православные священники (всѣхъ священниковъ въ то время было не болѣе 10, знавшихъ же мѣстные языки не болѣе 2) подстрекаютъ народъ переходить въ православіе, и началъ ходатайствовать о перемѣщеніи преосвященнаго Иринарха, дѣйствительно пріобрѣвшаго большое уваженіе въ средѣ поселянъ, изъ Риги. Правительство согласилось на это ходатайство и командировало въ Ригу коллеж-

скаго совѣтника Скрыпицына сопроводить преосвященнаго въ Псковъ *). Скрыпицынъ явился къ преосвященному Иринарху и вручилъ пакетъ отъ Синода. Преосвященный принялъ его молча и по прочтеніи тотчасъ сказалъ: „я готовъ; когда мы выѣзжаемъ?“

— Когда будетъ угодно вашему преосвященству.

— Это зависитъ отъ васъ; когда вы меня повезете?

Слова эти сказаны были имъ съ горечью. Г. Скрыпицынъ замѣтилъ ему, что надѣялся отъ него большаго къ себѣ довѣрія, что онъ не жандармъ, посланный для арестованія чиновника. „А развѣ не все равно,—возразилъ преосвященный,—разница только въ мундирѣ“.

Генералъ-губернаторъ не соглашался выдать подорожную на имя преосвященнаго и приказалъ дать ее на имя чиновника, чтобы чрезъ то яснѣе высказать, что епископъ оставляетъ Ригу не по собственной волѣ. Г. Скрыпицынъ, который старался, для охраненія достоинства святителя, придать высылкѣ его видъ добровольной временной отлучки викарнаго епископа къ своему архіепископу, не принялъ ее и настоялъ на томъ, что подорожная была выдана на имя преосвященнаго Иринарха. Предвидя, что поѣздка епископа чрезъ губернію привлечетъ къ нему крестьянъ за благословеніемъ, а это будетъ представлено въ видѣ новаго возмущенія, г. Скрыпицынъ обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою указать ему путь, по которому преосвященный можетъ безопасно прослѣдовать во Псковъ: баронъ Паленъ назначилъ путь чрезъ Митаву и Вильну **). Преосвященный выѣхалъ 12-го октября 1841 года, въ 10 часовъ вечера, изъ Риги во Псковъ на Митаву, Шавли и Вилкомiръ, — а нѣкоторые священники были

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 503—4.

**) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалт. краѣ, стр. 574, изъ статьи: «Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 г.». Прибал. Сбор., т. IV.

вытребованы въ Петербургъ для объясненій. Изъ Пскова преосвященный на данные ему запросы доказалъ числами, что волненіе въ массѣ лифляндскихъ крестьянъ, приписываемое дѣйствіямъ епархіальнаго начальства, началось гораздо ранѣе первой ихъ встрѣчи съ ними и вызвано было, съ одной стороны, голодомъ и бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи, съ другой—религіозною потребностью, не находившею себѣ удовлетворенія въ протестантствѣ. Затѣмъ, преосвященный до очевидности доказалъ, что всякіе извѣты на православное духовенство въ происках и подговорахъ не имѣютъ и тѣни основанія. Вообще, ни малѣйшему сомнѣнію не подлежитъ тотъ фактъ что въ движеніи 1841 г. православное духовенство оставалось ровно не при чемъ и графъ Протасовъ имѣлъ полнѣйшее право доложить Государю Императору, что „дѣйствіе православнаго духовенства по произведенному изслѣдованію явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ“ *).

Обвинявшіе православное духовенство въ подстрекательствѣ народа къ переходу въ православіе, съ выѣздомъ преосвященнаго Іринарха изъ Риги, должны были убѣдиться, что стремленія латышей къ православію вытекаютъ изъ религіозныхъ потребностей неудовлетворенной души ихъ, а не изъ желанія какихъ-нибудь земныхъ выгодъ, а тѣмъ болѣе не вслѣдствіе подговоровъ.

Хотя преосвященный Іринархъ и выѣхалъ изъ Риги и хотя ни одинъ поселянинъ не присоединился къ православію, тѣмъ не менѣе лифляндскіе поселяне не забыли преосвященнаго и его милостыни и помощи. Въ концѣ 1841 г. два крестьянина съ мызы Вальгутъ, не имѣя средствъ къ существованію, пришли во Псковъ и обра-

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А Полякова, стр. 504.

тились къ преосвященному Иринарху за милостынею и совѣтомъ. Преосвященный, объявивъ имъ, что онъ не можетъ быть имъ полезенъ, отослалъ ихъ для спроса въ псковское губернское правленіе, которое въ свою очередь отослало сказанныхъ крестьянъ въ Ригу. Баронъ Паленъ, поручивъ лифляндскому предводителю дворянства лично отправиться на мызу Вальгутъ и осмотрѣть положеніе крестьянъ, донесъ объ этомъ высшему правительству съ мнѣніемъ, что случай этотъ доказываетъ подговоръ крестьянъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ подробно всѣ обстоятельства этого дѣла, нашелъ, что „генералъ-губернаторъ углубляется въ мелочи и не хочетъ видѣть настоящей причины зла: стѣсненнаго положенія у крестьянъ вообще. Нужно изслѣдовать зачинщиковъ безпорядка, но облегчить крестьянамъ способы продовольствія негласнымъ для нихъ образомъ, и поспѣшить на ландтагѣ принятіемъ хотя временныхъ мѣръ, которыя-бы можно было привести въ исполненіе къ веснѣ“ *).

Несмотря на всѣ происки враговъ преосвященнаго Иринарха, желавшихъ очернить его въ глазахъ Государя Императора, сдѣлать это имъ не удалось. Изслѣдованіе обвиненій доказало совершенную невинность православнаго епископа, и преосвященному Иринарху вскорѣ-же предоставлено было другое мѣсто служенія.

Въ исходѣ октября состоялось высочайшее повелѣніе о назначеніи преосвященнаго Иринарха епископомъ Острогожскимъ, викаріемъ Воронежской епархіи, вскорѣ затѣмъ послѣдовало и назначеніе преосвященнаго Филарета въ Ригу.

29-го октября баронъ Паленъ донесъ, что „спокойствіе въ губерніи вездѣ возстановлено“ **).

Таковы были печальныя и затруднительныя обстоя-

---

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 504.
**) «Отъ издателя» къ Записк. свящ. А. Полякова, стр. 504.

тельства, при которыхъ первымъ рижскимъ православнымъ архипастырямъ пришлось жить и дѣйствовать въ Прибалтійскомъ краѣ во имя высшихъ интересовъ правды и истины, православія и народности.

Усмиривъ крестьянъ наказаніемъ многихъ изъ нихъ розгами, отдачею въ солдаты, ссылкою въ Сибирь, наказаніемъ сквозь строй, генералъ-губернаторъ принялъ всѣ мѣры къ отклоненію ихъ отъ желанія принять православную вѣру. Онъ самъ ѣздилъ въ Дерптъ и Вольмаръ и лично дѣлалъ внушенія крестьянамъ, вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно наблюдать за сообщеніемъ крестьянъ съ Эстляндской и Псковской губерніямъ чрезъ Чудское озеро, распорядился „объ удаленіи зачинщиковъ“ изъ ихъ обществъ, даже требовалъ, чтобы русскимъ крестьянамъ Псковской губерніи, торгующимъ щетиною, было запрещено посѣщать Лифляндію. Между тѣмъ въ Ригу прибылъ преосвященный Филаретъ, назначенный на мѣсто епископа Ириарха викаріемъ псковскаго архіепископа. Получивъ личныя наставленія отъ Государя и имѣя въ глазахъ примѣръ предшественника, онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ отношеніи иновѣрцевъ. Но двое крестьянъ Венденскаго уѣзда лично подали ему просьбу о причисленіи къ православной церкви, на что и имѣли право, такъ какъ высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ 1841 г. флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, разрѣшено было лифляндскимъ крестьянамъ присоединяться съ тѣмъ только, чтобы они не ожидали отъ того никакого улучшенія въ своемъ бытѣ. Пришедшіе крестьяне и не требовали никакихъ мірскихъ выгодъ. Несмотря на это, генералъ-губернаторъ немедленно предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, и послалъ въ Венденъ для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ.

Оказалось, что желающихъ принять православіе было

больше, чѣмъ пришло въ Ригу; всѣ они наказаны розгами отъ 4 до 6 ударовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ приказалъ, однако, напомнить крестьянамъ высочайшую волю, что принимать православную вѣру никому не воспрещается и увѣдомилъ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го ноября за № 1240.

Такъ прекращено было первое движеніе лифляндскихъ крестьянъ къ принятію православія, но не надолго. Оно возобновилось въ мартѣ 1845 г.“ *).

Скорбна эта страница перваго движенія латышей въ пользу православія въ исторіи распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Жестокими, крутыми мѣрами оно было подавлено. Безъ горечи и чувства глубокаго негодованія нельзя вспоминать о тѣхъ мѣрахъ, которыми нѣмецкіе властители Прибалтійскаго края задерживали естественное народное движеніе латышей въ пользу православія. Такъ отдаленнѣйшіе потомки нѣмецкихъ завоевателей Ливоніи, огнемъ и мечемъ насаждавшихъ католичество въ этомъ краѣ, оказались достойными преемниками своихъ предковъ въ дѣлѣ насилія совѣсти ближнихъ въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ, въ вопросахъ религіи. Впрочемъ, движеніе латышей въ пользу православія не было окончательно заглушено. Промыслу угодно было, чтобы оно вновь возродилось при преемникѣ преосвященнаго Иринарха преосв. Филаретѣ.

Высочайшимъ указомъ отъ 7-го октября 1841 года преосвященный Филаретъ назначенъ епископомъ Рижскимъ. Во епископа онъ былъ хиротонисанъ въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ 22-го декабря 1841 года.

„Преосвященный Филаретъ прибылъ въ Ригу 20-го

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Приб. краѣ, стр. 575 — 6; изъ статьи: «Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 года»; Приб. Сб., т. IV.

іюня 1842 г. и первые три года провелъ въ совершенномъ уединеніи, занимаясь своими учеными трудами и дѣлами по епархіи, но съ 1845 г. ему пришлось дѣйствовать на томъ же поприщѣ, которое оказалось столь тернистымъ для его предшественника. Съ 1845 г. начинается огромное движеніе крестьянъ въ Лифляндіи къ православію“ *).

Говоря объ этомъ новомъ движеніи латышей въ пользу православія, необходимо упомянуть о положеніи гернгутерства среди латышей въ это время, такъ какъ само движеніе началось въ средѣ гернгутеровъ, о которыхъ отчасти рѣчь была и выше.

1841 г. миновалъ. Толки о переселеніи кончились, умолкли толки и о присоединеніи къ православію, но гернгутеры отнюдь не умолкали. Ихъ молитвенные дома умножались. „Говорили,—пишетъ очевидецъ гернгутерскихъ собраній латышъ Страумитъ,—больше люди начитанные и опытные, по очереди одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто, говорилъ все на память, и разумѣется, безъ приготовленія. Выраженія, тонъ, мысли и слова,—все было библейское. Никакихъ обличеній, никакихъ отвѣтовъ на брань; такъ глубоко братчики приняли къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами. Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, слишкомъ громко вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали тихую, спокойную рѣчь, пропитанную сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умиленіе“.

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибл. краѣ, стр. 577 — 8, изъ статьи: «Мнѣнія и распоряженія прибалтійскаго генералъ-губернатора Головина, по дѣламъ присоединенія лютеранъ въ Лифляндіи къ православію. Прибалтійскій Сборникъ, т. IV.

Громкою славою въ средѣ гернгутеровъ пользовался Давидъ Баллодъ.

Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ, былъ человѣкъ вспыльчивый и ожесточенный врагъ гернгутеровъ.

Не удивительно поэтому, что во избѣжаніе непріятностей отъ недоброжелателей, Баллодъ перебрался на жительство въ Ригу и здѣсь (въ 1844 г.) открылъ свою гернгутерскую каѳедру.

Сюда собирались по воскресеньямъ отъ 2 до 6 часовъ пополудни для молитвъ и поученій гернгутеры, а впослѣдствіи въ своемъ домѣ по субботамъ начали служить родъ вечерни, по воскресеньямъ родъ утрени и по окончаніи службы собирали деньги на содержаніе молельни.

Когда гернгутеры начали у себя совершать утрени и вечерни, молитвенный домъ ихъ, по распоряженію полиціи, былъ закрытъ въ 1844 г. за недѣлю до Рождества. Тогда Баллодъ и съ нимъ 120 гернгутеровъ 24-го января 1845 г. обратились къ преосвященному Филарету съ просьбою присоединить ихъ къ православію, но съ тѣмъ, чтобы для нихъ была выстроена особая церковь, гдѣ богослуженіе производилось бы на латышскомъ языкѣ, и чтобы въ эту церковь былъ допущенъ органъ, скамьи для сидѣнья и разрѣшено общее пѣніе молитвъ. Преосвященный, убѣдившись, что подавшіе просьбу не разсчитываютъ ни на малѣйшія земныя выгоды, отвѣчалъ, что богослуженіе на латышскомъ языкѣ не запрещается, но, по правиламъ древней православной церкви органа имѣть не позволяется вовсе, скамьи же могутъ быть допущены по сторонамъ для слабыхъ и больныхъ, какъ равно пѣніе молитвъ.

Этотъ отвѣтъ гернгутеры обсуждали цѣлый мѣсяцъ, и, наконецъ, представили подписку въ числѣ 101 человѣка, что они готовы принять православіе, не требуя ни органа, ни скамей. Остальные 11 человѣкъ поручили

отставному солдату Карлу Эрнсту ходатайствовать за нихъ у епископа, что и они желаютъ присоединенія *).

Опять встревожились нѣмецкіе помѣщики и лютеранское духовенство Прибалтійскаго края,—и вновь на защиту нѣмецкаго преобладанія на русской окраинѣ выступилъ баронъ Паленъ. Онъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о томъ, чтобы предприняты были мѣры для прекращенія этого новаго движенія латышей въ пользу православія. Это представленіе барона Палена не имѣло успѣха. Барону Палену разъяснена была неосновательность его ходатайства; просьба-же латышей была удовлетворена.

Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, дабы упомянутымъ просителямъ разрѣшено было немедленно присоединиться къ православію, и чтобы для всѣхъ присоединившихся божественное служеніе отправляемо было въ одной изъ православныхъ церквей на ихъ языкѣ **).

Въ „Запискахъ свящ. А. П. Полякова“ такъ повѣствуется объ этомъ движеніи латышей къ православію. „Отъ этихъ лицъ (Баллода и его товарищей) воспріяло начало св. православіе въ этомъ краѣ (Прибалтійскомъ). Имъ отведена была рижская кладбищенская Покровская церковь мѣстомъ для богослуженія на латышскомъ языкѣ и рукоположенъ первымъ латышскимъ священникомъ бывшій управляющій м. Пебалгъ, крестьянинъ графа Шереметева, Іаковъ Михайловичъ Михайловъ, человѣкъ хорошо знающій латышскій и нѣмецкій языки, а первымъ латышскимъ причетникомъ опредѣленъ былъ къ нему старшина и формшнейдеръ Давидъ Баллодъ.

Чтобы пѣніе православное, одноголосное, соотвѣтствовало тому, къ которому привыкли латыши, преосвященный Филаретъ велѣлъ составить изъ рижскихъ архіерей-

---

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 505—8.

**) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 508.

скихъ пѣвчихъ малый хоръ латышскихъ пѣвцовъ, состоявшихъ изъ четырехъ голосовъ. Пѣніе на латышскомъ языкѣ было стройное и пріятное *).

Присоединеніе Д. Баллода и его товарищей къ православію было только началомъ новаго движенія латышей къ православію, движенія еще болѣе сильнаго и знаменательнаго, чѣмъ какое было подавлено нѣмцами въ 1841 году.

„Слухъ объ этомъ **),—говоритъ современникъ описываемыхъ событій латышъ Индрикъ Страумитъ,—проникъ въ трущобы, въ лѣса и болота, повидимому, совершенно разобщенные съ міромъ. Всѣ заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всѣхъ одно и то-же, отъ корчмарей, отъ пріѣзжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ и многіе нарочно ѣздили въ Ригу, чтобы узнать правду отъ самого Баллода и узнавали, что дѣйствительно присоединился и „крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ, какъ мы, всею рукою, а тремя перстами; и не по нашему, а прежде кладетъ на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ и лампадка горитъ“.

Съ этого именно времени и начинаютъ появляться въ Ригу поселяне съ заявленіями о присоединеніи, въ которыхъ уже не было и рѣчи ни о какихъ земныхъ выгодахъ или расчетахъ, но тутъ правительство признало необходимымъ назначить на мѣсто барона Палена генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края Головнина. Въ маѣ 1845 г. генералъ Головнинъ прибылъ въ Ригу ***).

---

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 516—17.

**) О присоединеніи Д. Баллода и его товарищей къ православію.

***) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр 508.

XIX.

Обвиненіе православнаго духовенства въ происках и подговорах латышей къ движенію въ пользу православія и опроверженіе этого обвиненія преосвящ. Веніаминомъ, еп. Рижскимъ и Митавскимъ.—Препятствія и противодѣйствіе со стороны нѣмцевъ латышскому движенію.—Страдальцы за православіе въ Прибалтійскомъ краѣ.

Извѣстно, что Прибалтійскій генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ движеніе латышей къ православію объяснялъ происками и подговоромъ православнаго духовенства. Вездѣ онъ старался отыскать слѣды этой мнимой преступной дѣятельности духовенства и всячески противодѣйствовалъ вліянію духовенства на простой народъ. Когда-же преосвященный Иннархъ пріобрѣлъ сочувствіе среди простонародья, то генералъ-губернаторъ настоялъ на необходимости удаленія русскаго архипастыря изъ предѣловъ Прибалтійскаго края. А между тѣмъ всѣ эти обвиненія были напрасны.

Въ бумагахъ преосвященнаго Веніамина, епископа Рижскаго и Митавскаго, встрѣчается прекрасное опроверженіе всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя обыкновенно возводились и возводятся на православное духовенство, когда заходитъ рѣчь о движеніи латышей въ пользу православія въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Многіе изъ нѣмцевъ лютеранъ въ прежнее время, а иные и теперь еще, утверждаютъ, что латыши и эсты, начиная съ 1841 г., переходили изъ лютеранской вѣры въ православную не вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что православная церковь есть единая, святая и спаситель-

ная, но что русское духовенство переманиваетъ ихъ въ православіе или раздачею денегъ, или обѣщаніемъ разныхъ льготъ, напр. освобожденія отъ рекрутскихъ наборовъ. Въ настоящее время многіе увѣряютъ еще, будто обѣщаніемъ даровой раздачи хлѣба въ тогдашніе голодные годы русское духовенство переманивало народъ къ православію.

Всѣ эти обвиненія не только несправедливы, но даже недобросовѣстны, прямо сказать, лживы, потому что противорѣчатъ здравому смыслу и фактамъ, которые какъ въ свое время были для всѣхъ очевидны, такъ и теперь всѣмъ и каждому извѣстны, именно:

1. Православные священники въ Лифляндіи въ то время не могли имѣть никакого прямого вліянія на латышей и эстовъ, ибо большая ихъ часть не понимала простонароднаго языка; православныхъ церквей было тогда не много,—только по городамъ; богослуженіе въ нихъ никогда не совершалось на народномъ языкѣ. Каѳедра викарнаго епископа открыта была въ Ригѣ незадолго предъ тѣмъ съ ясно высказанною цѣлью—обращенія рижскихъ старообрядцевъ къ русской церкви. Что первый рижскій викарный епископъ именно такъ и понималъ свое назначеніе и не мало тревожилъ старообрядцевъ, этому много и теперь живыхъ свидѣтелей въ самомъ ихъ обществѣ, — много и письменныхъ свидѣтельствъ въ консисторіи и въ канцеляріи генералъ-губернатора. А чтобы тогдашній рижскій епископъ Иринархъ принималъ какія-либо мѣры къ обращенію лютеранъ въ православіе, на это лютеране никогда не могли, не могутъ и теперь представить никакихъ доказательствъ, потому что этого совсѣмъ не было.

2. Если-бы русское духовенство привлекало латышей и эстовъ къ православію раздачею имъ денегъ, то деньги на это оно получало-бы или отъ правительства, или употребляло-бы свои собственныя. Правительство не только денегъ для подкупа латышей и эстовъ духовен-

ству не отпускало, но, какъ увидимъ ниже, сначала даже допускало мѣстныхъ начальниковъ—нѣмцевъ строго наказывать тѣхъ латышей и эстовъ, которые изъявили свое желаніе перейти въ православіе. Невозможно также предположить, чтобы русское духовенство подкупало народъ своими собственными деньгами. Если-бы оно и возымѣло охоту тратить на то собственныя деньги, оно не могло-бы этого сдѣлать, потому что, какъ всякому извѣстно, доходы русскаго духовенства столь ограничены, что ему едва достаетъ ихъ на собственное содержаніе.

3). Обѣщаніямъ льготъ, по крайней мѣрѣ до 1845 г., если-бы такія обѣщанія и давало духовенство, народъ долженъ былъ-бы скоро перестать вѣрить, потому что дѣйствительность слишкомъ ярко тому противорѣчила. Отъ имени правительства награждали, какъ увидимъ ниже, медалями и деньгами, но не тѣхъ крестьянъ, которые объявили желаніе принять православную вѣру, а тѣхъ, которые ихъ отъ того отговаривали. Остававшіеся твердыми въ намѣреніи присоединиться къ православію не только не получали въ дѣйствительности никакихъ льготъ, но претерпѣвали, напротивъ того, всяческія стѣсненія: ихъ лишали хозяйства, брили имъ лбы, сажали въ тюрьмы, подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Этихъ средствъ, употребленныхъ мѣстною и одобренныхъ высшею администраціею, кажется, достаточно было для вразумленія крестьянъ, что отъ правительства нечего имъ ждать льготъ за присоединеніе къ православію, какъ о томъ отъ имени правительства нѣсколько разъ тогда было публиковано и объявлено въ отдѣльности каждому присоединяющемуся.

4) Раздача хлѣба, какъ всѣмъ было извѣстно, находилась въ рукахъ не духовенства русскаго, а тѣхъ самыхъ властей, которыя такъ сурово преслѣдовали охотниковъ принять православіе. При томъ-же раздавали хлѣбъ хозяевамъ, а православіе принимали большею

частью работники и бобыли,—слѣдовательно, раздавали болѣе лютеранамъ, нежели православнымъ. Если впослѣдствіи и дѣлалось различіе, то оно состояло лишь въ болѣе строгомъ взысканіи съ православныхъ казеннаго долга.

5. Кромѣ исчисленныхъ доводовъ сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ совершенной непричастности русскаго духовенства къ возбужденію латышей и эстовъ отпасть отъ лютеранства и перейти въ православіе служитъ то, что какъ ни важно было для нѣмцевъ представить доказательства возбужденія народа русскимъ духовенствомъ, они, нѣмцы, вызываемые даже къ тому правительствомъ, никогда не могли представить такого доказательства, а довольствовались общими на православное духовенство нареканіями, неопирающимися ни на одно дѣйствительное событіе.

Итакъ, взводимыя лютеранами на русское духовенство обвиненія въ подстрекательствѣ латышей и эстовъ къ отпаденію отъ лютеранства и къ принятію православія противорѣчатъ здравому разсудку и не подтверждены со стороны лютеранъ ни однимъ указаніемъ на какое-нибудь дѣйствительное событіе *).

Обыкновенно нѣмцы лютеране обвиняютъ православное духовенство въ томъ, будто оно происками и подговорами вызвало среди латышей движеніе въ пользу православія. Мы видѣли уже, что эти обвиненія ложны.

Нѣмцы лютеране возводятъ на православныхъ небывалыя вины и при этомъ еще прикрываются благородными фразами, что они ратуютъ за свободу латышей въ дѣлѣ религіи, борются противъ всякихъ насилій въ вопросахъ совѣсти. Дѣйствительно-ли таковы были от-

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 562—564, изъ статьи: «Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 г.» (изъ бумагъ преосвящен. Веніамина, Еписк. рижскаго и митавскаго). Прибалт. Сборн., т. IV.

пошенія нѣмцевъ помѣщиковъ къ латышскому движенію?—Нѣтъ.

Латышамъ, стремившимся присоединиться къ православію, пришлось преодолѣть много противодѣйствій и препятствій, пришлось перенести много притѣсненій и жестокостей со стороны нѣмцевъ.

Такъ, рижское городское начальство объявило латышамъ, что присоединяющіеся изъ числа ихъ къ православію лишался права быть возчиками или занимать другія должности, въ которыхъ находились, состоя въ протестантскомъ исповѣданіи, и даже высылало такихъ изъ города.

Рижская полиція и гражданское начальство домогались отъ рижскаго епископа, чтобы къ принятію православія, записываемы были только тѣ иновѣрцы, которые предъявятъ свои паспорта и чтобы епископъ предварительно извѣщалъ о каждомъ желающемъ присоединиться.

Въ концѣ 1845 г. отъ высочайшаго имени обнародована была и напечатана на туземныхъ нарѣчіяхъ выписка изъ высочайше утвержденной 24 апрѣля того-же года инструкціи генералъ-губернатора.

1) Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійской губерніи начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки.

2) На семъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо понудительныхъ средствъ и чтобы такимъ образомъ, иновѣрцы могли свободно присоединиться къ православію на основаніи установленнаго для сего общаго порядка по собственному желанію.

3) Съ другой стороны, надлежитъ объявить жителямъ, и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣст-

ное начальство не въ правѣ запрещать кому-либо принятія господствующаго въ имперіи исповѣданія; изъявившимъ такое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали-бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и освобождается отъ всѣхъ, лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенства, повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству, сохраняя, однако, во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ.

4) Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ, предоставляя каждому говорить и дѣйствовать непремѣнно за себя лично.

5) Такъ какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственнаго желанія каждаго, то за симъ не допускать жалобы со стороны православнаго духовенства на иновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться, но не исполнившихъ сего, а также и на православное духовенство, подъ предлогомъ неискренности желанія лица, присоединеннаго къ православію.

6) Имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было препятствуемо присутствовать всѣмъ желающимъ, безъ различія вѣроисповѣданій.

7) Не допускать принужденій и насилія со стороны иновѣрцевъ, для удержанія кого-либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ, если онъ пожелаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія, въ особенности-же стараться предупреждать раздоры,

могущіе возникать иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коихъ члены принадлежатъ къ двумъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и, наконецъ, строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишался правъ и преимуществъ, коими по состоянію своему пользовался, находясь въ иновѣрчествѣ, ибо перемѣна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ *).

Несмотря на ясный и опредѣленный смыслъ распоряженій высшей власти объ отношеніи населенія Прибалтійскаго края къ движенію латышей, противодѣйствіе этому движенію все же продолжалось. Во главѣ лицъ, противившихся этимъ распоряженіямъ правительства относительно движенія латышей къ православію, были пасторы, нѣмецкіе представители мѣстной власти, помѣщики, однимъ словомъ, такъ называемая нѣмецкая „интеллигенція“ Прибалтійскаго края.

Пасторы въ проповѣдяхъ позволяли неприличные отзывы о православной церкви и правительствѣ. Помѣщики не допускали водворяться жить православнымъ священникамъ и явно недоброжелательствовали къ перемѣнившимъ вѣру, даже угнетали ихъ барщиной, удаленіемъ отъ усадьбы, невыдачею продовольствія въ неурожайные годы. Замѣчалось пристрастіе нерѣдко при производствѣ мѣстными полиціями слѣдствій по дѣламъ перехода крестьянъ въ православіе, что принуждало генералъ-губернатора наряжать особыя слѣдственныя комиссіи и т. п. **).

Въ виду слуховъ, распространенныхъ нѣмцами о томъ, что движеніе латышей къ православію искусственно, высшею властью издано было нѣсколько распоряженій, чтобы въ корнѣ пресѣчь возможность самыхъ слуховъ ***).

---

*) «Отъ издателя» къ Запискамъ свящ. А. Полякова, стр. 509—570.

**) Отъ издателя къ «Запискамъ» свящ. А. Полякова, стр. 513.

***) Отъ издателя къ «Запискамъ» свящ. А. Полякова, стр. 511.

И все же къ православнымъ священникамъ ежедневно являлись неисчислимыя толпы латышей, умоляя о присоединеніи. По распоряженію правительства, священникамъ воспрещалось не только записывать желающихъ православія, но даже и присоединять къ Церкви, безъ чиновника мѣстной земской полиціи. Потому, каждаго желавшаго православія, по нѣсколько минутъ чиновникъ въ присутствіи священника строго испытывалъ въ желаніи православія, грозя за отступленіе страшнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь на поселеніе.

Ни застращиванія чиновниковъ, ни запрещенія и подъ рукой гоненія и наказанія мѣстныхъ властей не только не могли удержать стремленія къ присоединенію, но, казалось, этимъ еще болѣе способствовали дѣлу присоединенія.

„Недоброжелатели православія и даже доброжелатели, пишетъ священникъ Поляковъ, говорили будто тайными агентами православнаго духовенства была распускаема молва, что за присоединеніе къ православію крестьяне будутъ надѣлены землею, и потому-де и было такое стремленіе. Но я, священникъ Поляковъ, будучи еще свѣтскимъ дѣятелемъ въ семъ дѣлѣ и впослѣдствіи, какъ принадлежащій къ духовенству, никогда о томъ отъ своихъ начальниковъ не слышалъ. Епископъ Филаретъ, отпуская меня въ приходъ и преподавая архипастырское наставленіе, ни одного слова не говорилъ мнѣ, что между крестьянами можно распространять подобный слухъ, или даже терпѣть оный. Но напротивъ, такъ какъ уже тогда ходили о надѣлѣ землею ложные толки, мнѣ приказано было остерегаться пріобщать свое согласіе такимъ толкамъ, а говорить вопрошающимъ „о землѣ: ничего не знаю, а имѣю порученіе присоединять желающихъ“. Въ началѣ 1846 г. правительствомъ былъ объявленъ для присоединенія къ православію шестимѣсячный срокъ, до истеченія котораго строго воспре-

щалось присоединять лютеранъ къ православію. По случаю такого распоряженія присоединеніе должно было на время почти совершенно прекратиться; оно продолжалось непрерывно только надъ дѣтьми, для которыхъ шестимѣсячный срокъ не существовалъ. Въ 1849 г. присоединеніе къ православію латышей и эстовъ по всей Лифляндіи въ сравненіи съ прежнимъ временемъ было уже весьма незначительно" *).

Говоря о противодѣйствіи со стороны нѣмцевъ латышскому движенію, нельзя пройти молчаніемъ тѣ возмутительные случаи противодѣйствія, въ которыхъ главнымъ дѣятелемъ былъ баронъ Паленъ.

Еще при преосвященномъ Иринархѣ, епископѣ рижскомъ, латыши-лютеране, тѣснимые голодомъ, толпами являлись къ рижскому военному губернатору Палену, прося о хлѣбѣ или переселеніи въ южныя губерніи Россіи, которыя они называли теплою землею; неполучивъ желаемаго, латыши обратились съ просьбою о ходатайствѣ за нихъ къ епископу Иринарху. Епископъ Иринархъ, приявъ ихъ милостиво, снабдилъ несчастныхъ голодающихъ деньгами по силѣ средствъ своихъ и обласкалъ ихъ.

Вслѣдствіе этого крестьяне еще въ большемъ прежняго количествѣ начали являться въ Ригу къ епископу Иринарху. Губернаторъ воспретилъ крестьянамъ толпами приходить въ Ригу и зорко наблюдать, чтобы никто не осмѣливался являться къ епископу Иринарху. Одинъ изъ рижскихъ купеческихъ приказчиковъ, по просьбѣ латышей, показалъ имъ домъ епископа, и за то былъ предъ съѣзжимъ домомъ на улицѣ публично раздѣтъ и жестоко наказанъ розгами. Нѣкто Ѳеодоръ Бычковскій, человѣкъ русскій, жившій въ Вендепскомъ уѣздѣ, подъ мызою Райскумъ, корчмаремъ, совѣтовалъ латы-

*) Зап. свящ. А. Полякова, стр. 517—519.

шамъ обращаться къ епископу рижскому съ просьбою принять участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи, и за то былъ схваченъ и по этапу препровожденъ въ Ригу и посаженъ въ тюремный замокъ. Но впослѣдствіи, просидѣвъ въ тюрьмѣ болѣе года, былъ отправленъ въ Сибирь на поселеніе. Къ счастію его, прибылъ епископъ Филаретъ, который, принявъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи Бычковскаго, успѣлъ воротить его съ дороги. Бычковской внезапно былъ возвращенъ въ Ригу, какъ говорятъ, по распоряженію новаго генералъ-губернатора Остзейскаго края, Головина, смотрѣвшаго на движеніе латышей и эстовъ безпристрастно и дѣйствовавшаго справедливо и милостиво, въ духѣ русскомъ *).

Въ исторіи распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ приведенные факты служатъ краснорѣчивымъ показателемъ истинныхъ отношеній нѣмцевъ ко всякому движенію латышей въ пользу православія и, слѣдовательно, въ пользу единой Россіи!

---

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 519—20 О другомъ случаѣ мы уже говорили выше, стр. 103—104.

XX.

Рижская духовная семинарія, ея открытіе; первые годы ея существованія и значеніе ея для прибалтійскаго края.—Преобразованіе Рижскаго викаріатства въ самостоятельную епархію. — Учрежденіе приходской и вспомогательныхъ школъ въ Ейхенангерискомъ приходѣ.

Въ то время, когда движеніе латышей къ православію было строго урегулировано высшею властью, представители православія въ Прибалтійскомъ краѣ позаботились и о будущности православія въ этой окраинѣ. Нужно было приготовить для края опытныхъ священниковъ, хорошо знакомыхъ съ языкомъ и обычаями латышей. Чувствовалась настоятельная потребность дать, хотя малое, удовлетвореніе стремленію народа къ просвѣщенію. Назрѣлъ вопросъ о школѣ для народа, о такомъ учебномъ заведеніи, которое одновременно могло-бы подготовлять и будущихъ пастырей-священниковъ для латышскихъ приходовъ, и будущихъ руководителей и учителей для народныхъ школъ. Образованіе новыхъ приходовъ для латышскаго населенія также указывало на необходимость озаботиться рѣшеніемъ вопроса о подготовленіи достойныхъ дѣятелей и представителей православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Всѣмъ этимъ запросамъ не могло удовлетворить то училище, которое было въ Ригѣ еще до прибытія преосвященнаго Филарета въ Прибалтійскій край.

Преосвященный Филаретъ, по прибытіи въ Ригу, нашелъ здѣсь небольшое духовное училище, помѣщав-

шееся въ бывшей цитадели, въ домѣ, принадлежавшемъ Петропавловскому собору, устроенное для первоначальнаго образованія дѣтей мѣстнаго духовенства. Изъ училища этого воспитанники поступали для дальнѣйшаго образованія въ Псковскую семинарію

Училище это было слишкомъ мало и слишкомъ неудовлетворительно, чтобы соотвѣтствовать нуждамъ даже городского православнаго духовенства; поэтому преосвященный Филаретъ въ 1843 г. учредилъ въ Ригѣ особое духовное училище (оно было извѣстно подъ именемъ архіерейскаго и помѣщалось въ архіерейскомъ домѣ противъ Алексѣевской церкви), по учебной программѣ прочихъ духовныхъ училищъ, для начальнаго образованія дѣтей мѣстнаго духовенства и преимущественно малолѣтнихъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, учрежденнаго по штату 1836 г. Это училище все-таки никакъ не могло замѣнить учебнаго заведенія, какое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, требовалось для нуждъ новоустраиваемой православной ливонской Церкви.

Преосвященный Филаретъ въ 1845 г. составилъ проектъ новаго учебнаго заведенія и представилъ его установленнымъ порядкомъ на Высочайшее утвержденіе. Мысль преосвященнаго была такова: новое духовно-учебное заведеніе должно было подготовлять воспитанниковъ къ занятію священно-служительскихъ мѣстъ въ новоучреждаемыхъ сельскихъ приходахъ Рижскаго викаріатства. Но этого мало: чтобы основать учебное заведеніе со спеціально православно-богословскимъ характеромъ, надобно было поставить это заведеніе такимъ образомъ, чтобы оно служило и для укрѣпленія православія въ новоустроемой Церкви, слѣдовательно необходимо, чтобы воспитанники новаго учебнаго заведенія выходили изъ него людьми, не только получившими хорошее богословское образованіе, но и хорошо знакомыми съ языкомъ, духовнымъ и бытовымъ строемъ тѣхъ племенъ, духовнымъ нуждамъ которыхъ имъ придется служить; для

этого преосвященный призналь необходимымъ открыть доступъ въ учебное заведеніе дѣтямъ коренныхъ латышей и эстонцевъ, принявшихъ православіе. Пусть новое учебное заведеніе служитъ одинаково для молодыхъ русскихъ, латышей и эстонцевъ: взаимное сближеніе разноплеменныхъ воспитанниковъ, при преподавательскомъ языкѣ русскомъ, весьма желательно, лишь бы только учебное и воспитательное дѣло находилось въ хорошихъ рукахъ. Такова была основная мысль преосвященнаго Филарета.

Покойный императоръ Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ предположеніе преосвященнаго и 11 февраля 1846 г. Высочайше повелѣть соизволилъ открыть въ Ригѣ 5-ти классное духовно-учебное заведеніе (съ 2-хъгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ), съ тѣмъ, чтобы учебная часть въ ономъ, не уклоняясь отъ главныхъ основаній духовныхъ семинарій и училищъ, была приспособлена къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ края, а также съ тѣмъ, чтобы въ каждый классъ оной было принято на казенное содержаніе по 10 мальчиковъ изъ дѣтей православно-русскаго духовенства и крестьянскихъ дѣтей православныхъ латышей и эстонцевъ. Полный комплектъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ былъ опредѣленъ такимъ образомъ въ 150 человѣкъ.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, новое учебное заведеніе предположено было такъ, чтобы воспитанники его имѣли возможность восходить отъ самыхъ первоначальныхъ предметовъ до высшаго семинарскаго курса; затѣмъ, исключивъ преподаваніе греческаго, еврейскаго и др. менѣе важныхъ предметовъ, обратить особенное вниманіе на изученіе мѣстныхъ языковъ: эстонскаго и латышскаго. Изъ иностранныхъ языковъ вводился языкъ нѣмецкій.

Новое учебное заведеніе (родоначальникъ нынѣшнихъ духовной семинаріи и духовнаго училища) не могло,

однакоже открыться въ 1846 г.; надобно было, во-1-хъ, отыскать и приспособить зданія для помѣщенія училища, а, во-2-хъ—призвать въ новую школу и учениковъ изъ крестьянскихъ деревень и усадьбъ, учениковъ маломальски грамотныхъ и способныхъ (сельскихъ православныхъ школъ въ тѣ времена почти совсѣмъ не было). Преосвященному, въ его заботахъ объ открытіи училища, много помогъ генералъ Головинъ; дѣятельно помогалъ также ближайшій сотрудникъ преосвященнаго рижскій протоіерей о. Владиміръ Назровскій.

Весь годъ прошелъ въ приготовленіяхъ; къ концу августа 1847 г. всѣ избранныя дѣти для новаго учебнаго заведенія были на лицо (многимъ крестьянскимъ дѣтямъ изъ суммы на содержаніе семинаріи пришлось выдать деньги на проѣздъ въ Ригу и на одежду—до такой степени были бѣдны ихъ родители).

1 сентября 1844 г., въ присутствіи генералъ-губернатора Головина и другихъ лицъ, между которыми видное мѣсто занимали латыши и эстонцы—родные и знакомые избранныхъ въ училище мальчиковъ, торжество началось прочтеніемъ Высочайшаго повелѣнія объ открытіи въ Ригѣ училища; затѣмъ преосвященный Филаретъ лично отслужилъ молебенъ о преуспѣяніи новаго учебнаго заведенія. Съ 1 сентября 1844 г. началея первый учебный годъ новаго заведенія, открытіе котораго произвело сильнѣйшее впечатлѣніе между новоприсоединявшимися къ православію латышами и эстонцами. Для Ригѣ это бѣло неслыханное и невиданное событіе: явилось учебное заведеніе, открытое для крестьянъ, въ которомъ учатъ по-латышски и по-эстонски!

Развитіе дѣла православія въ Прибалтійскомъ краѣ, не остановилось на этомъ. Оно требовало дальнѣйшаго роста, который и проявился въ преобразованіи Рижскаго викаріатства въ самостоятельную епархію, а Рижскаго духовнаго русско-латышско-эстонскаго училища — въ Рижскую духовную семинарію.

Открытіе вновь сельскихъ приходовъ и устройство ихъ, начатое съ 1845 г., продолжалось въ Лифляндской губерніи безостановочно, такъ что къ 1850 г. въ Рижскомъ викаріатствѣ (собственно въ лифляндскомъ и курляндскомъ) явилось уже 10 благочиній съ 108 церквами и 142,266 чел. прихожанъ. Викаріатство сдѣлалось уже столь обширнымъ, что сосредоточеніе въ однихъ рукахъ управленія имъ вмѣстѣ съ обширною Псковскою епархію влекло за собою большія неудобства. Вслѣдствіе этого было рѣшено учредить въ предѣлахъ Лифляндской и Курляндской губерній самостоятельную рижскую епархію. Высочайшее повелѣніе о томъ состоялось 11 марта 1850 г. а 1 іюня того же года, въ Петропавловскомъ соборѣ въ Ригѣ торжественно праздновалось открытіе новой епархіи. Епископъ Платонъ былъ возведенъ, по этому случаю, въ санъ архіепископа Рижскаго и Митавскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ Рижское духовное правленіе было упразднено, вмѣсто него была открыта Рижская духовная консисторія по общему уставу 1840 г. духовныхъ консисторій, Рижское же духовное русско-латышско-эстское училище переименовано въ Рижскую духовную семинарію.

Полное преобразованіе Рижской духовной семинаріи совершилось въ 1870 г Въ этомъ году низшіе классы оной составили особое самостоятельное учебное заведеніе, подъ названіемъ духовнаго училища, а высшіе классы составили нынѣшнюю семинарію; а затѣмъ возобновленъ прекращенный съ 4-го марта 1858 г., пріемъ въ семинарію воспитанниковъ изъ дѣтей крестьянъ латышей и эстовъ *).

Говоря о Рижской духовной семинаріи, какъ весьма важномъ просвѣтительномъ и даже, можно сказать, миссіонерскомъ учрежденіи для края, нельзя не упомянуть

---

*) Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Приб. краѣ стр. 595—8 изъ статьи «учрежденія рижской духовной семинаріи», Прибалтійскій Сборникъ, т. IX.

о почтенной и похвальной дѣятельности нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ въ школьномъ дѣлѣ.

Такъ, напр, въ „Запискахъ свящ. Полякова“ разсказывается слѣдующее объ учрежденіи приходской и вспомогательныхъ школъ въ Ейхенангернскомъ приходѣ.

„Эйхенангернская приходская школа устроена 5-го декабря 1848 г. съ 25-ю учениками, въ ней преподавались слѣдующіе предметы: краткій катихизисъ, свящ. исторія, латышское и русское чтеніе и чистописаніе, ариѳметика, нотное пѣніе по обиходу и пѣніе по наслышкѣ. Изъ учениковъ образовался хоръ пѣвчихъ, которые, подъ регентствомъ усердпаго къ пѣнію причетника Ивана Орлова, пѣли весьма стройно, за что свящ. Поляковъ былъ награжденъ похвалой архипастыря рижскаго Платона.

Для обученія дѣтей служили слѣдующія руководства: начатки христіанскаго ученія и краткая священная исторія, переведенная на латышскій языкъ нѣсколькими изданіями; новый завѣтъ; молитвословъ латышскій, изданный нѣсколько разъ; букварь латышско-русскій, изданный 1845 г. въ Ригѣ; сочиненія преосвященнаго Тихона, епископа воронежскаго; училище благочестія, издававшееся съ 1857 г. при Рижской духовной семинаріи на русскомъ и латышскомъ языкахъ и др. *)

Дай Богъ, чтобы православныя приходскія школы Прибалтійскаго края, во главѣ съ Рижской семинаріей, навсегда остались въ этомъ краѣ истинными и достойными носителями православія!

---

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 523—5.

XXI.

Положеніе латышей, принявшихъ православіе. — Отношеніе къ нимъ нѣмцевъ помѣщиковъ и лютеранскаго духовенства.—Сборы съ православныхъ латышей въ пользу лютеранскаго духовенства.

Тяжело было общественное и экономическое положеніе латышей до принятія православія. Не легче оно стало и послѣ. Для многихъ жеэто событіе принятія православія послужило даже источникомъ матеріальныхъ убытковъ, нравственныхъ оскорбленій и огорченій. Такъ, многіе православные латыши за свое православіе лишились тѣхъ арендныхъ участковъ, которые были заняты ими издавна у помѣщиковъ лютеранъ. Большинство латышей несло различныя повинности въ пользу лютеранскаго духовенства. Если обремененные этими взносами они иногда жаловались на эти несправедливые поборы съ нихъ, то положеніе ихъ отъ этихъ жалобъ рѣдко улучшалось, а иногда даже ухудшалось.

Каково было положеніе латышей православныхъ въ ихъ земельной зависимости отъ помѣщиковъ лютеранъ, нѣкоторою иллюстраціей всего этого можетъ служить разсказъ священника Полякова въ его „Запискахъ“, гдѣ онъ говоритъ между прочимъ о сборахъ съ латышей въ пользу лютеранскаго духовенства въ Эйхенангернскомъ приходѣ.

Въ Эйхенангернскомъ приходѣ число хозяевъ простиралось до 20-ти.

Такъ какъ хозяева были большою частію люди бѣд-

ные и участки земли ихъ были жалкіе, то они имѣли мало завистниковъ, которые бы домогались лишить ихъ участковъ. Впрочемъ, было до 10 случаевъ, когда православные хозяева были изгоняемы изъ своихъ участковъ за православную вѣру, и на ихъ мѣста поселены лютеране. А когда они, изгнанные, искали себѣ гдѣ-либо хозяйства, то ихъ спрашивали, какой они вѣры? И когда узнавали, что православной, то отказывали, говоря: „Нѣтъ у насъ земли для васъ“. Чтобы избавиться отъ такой бѣды, иные соглашались нести всѣ повинности въ пользу лютеранскаго духовенства, кирокъ и школъ, чтобы добыть только хозяйство. Когда обязавшіеся нести повинность въ пользу лютеранскаго духовенства приходили на лютеранскую церковную работу, то лютеране, смѣясь, говорили такъ: „Что вы, русскіе, лѣзете на наши работы, или хотите опять въ лютеранство?“ и всячески насмѣхались надъ ними. Вслѣдствіе донесенія священникомъ Андреемъ Поляковымъ архіепископу Платону о незакопныхъ сборахъ съ православныхъ въ пользу лютеранскаго духовенства и пр., въ 1865 г. 27-го октября былъ командированъ въ приходъ генералъ-губернаторомъ графомъ Шуваловымъ чиновникъ особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Павелъ Николаевичъ Ризенбергъ, нѣмецъ по происхожденію, но человѣкъ безпристрастный. Ему было поручено въ присутствіи мѣстнаго священника изслѣдовать и допросить православныхъ хозяевъ, вносятъ ли они повинности въ пользу лютеранскаго духовенства и пр?. Съ этимъ господиномъ пришлось священнику Полякову, по предписанію своего начальства, объѣздить нѣсколько мызъ прихода. Къ счастію, его донесеніе, подтвердилось: вездѣ хозяева православные показали, что они вносятъ эти повинности, потому что безъ этого не могли получить и хозяйства.

Чиновникъ упрекалъ помѣщиковъ за нарушеніе Высочайшей воли, а они отвѣчали, что ничего и знать не

знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, и всю вину сваливали на волостные суды и на лютеранскихъ формпндеровъ.

Въ Альтъ-Оттенгофѣ и Царнау чиновникъ нашелъ, что даже и въ контрактахъ, заключенныхъ между помѣщикомъ и православными хозяевами, были включены противозаконныя условія относительно несенія повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства, школъ и кирокъ. Эти контракты были чиновникомъ переданы мѣстному приходскому судьѣ, пуйкельнскому помѣщику фонъ-Клоту, утвердившему контракты съ тѣмъ, чтобы противозаконные пункты о налогѣ въ пользу лютеранскаго духовенства были уничтожены. Когда въ церковный домъ были собраны эйхенангерпскіе православные хозяева, для отобранія показанія относительно несенія ими повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства, всѣ, кромѣ одного, показали, что они повинности несутъ, а одинъ, именно цируль (корчмарь), несшій также повинность, отвѣтилъ, что повинности никакой въ пользу лютеранскаго духовенства не несетъ.

По окончаніи слѣдствія въ отсутствіи чиновника: священникъ спросилъ православнаго цируля, зачѣмъ онъ утаилъ о томъ, что несетъ повинности? Тотъ отвѣчалъ: „Повѣрьте, изъ этихъ розысковъ ничего хорошаго не будетъ для православныхъ хозяевъ. Лучше молчать и остаться на своемъ мѣстѣ, нежели показывать и быть выгнаннымъ“ *).

Конечно, можно надѣяться, что современемъ вопросъ объ отношеніи крестьянъ, православныхъ латышей, къ нѣмцамъ помѣщикамъ и протестантскому духовенству будетъ вполнѣ выяснепъ правительственною властію путемъ спеціальнаго законодательства для Прибалтійскаго края, но до этого времени взаимныя не вполнѣ выясненныя отношенія ихъ причиняютъ не мало огорченій бѣднымъ крестьянамъ, прибалтійскимъ латышамъ.

---

*) Зап. свящ. А. Полякова, стр. 526—8.

XXII.

Распоряженіе 1865 г. объ отмѣнѣ подписокъ, даваемыхъ лицами лютеранскаго вѣроисповѣданія, вступающими въ бракъ съ православными.—Пропаганда лютеранства.—Смѣшанные браки. — Священникъ Ананія Декснисъ. – Епископъ Веніаминъ.

Со скорбію и угнетеннымъ сердцемъ приходится продолжать свой разсказъ о судьбѣ православія въ Прибалтійскомъ краѣ; такъ печальны дальнѣйшія страницы этой исторіи.

Въ то время, когда русская власть и православное духовенство ревностно заботились о развитіи православія среди простонародія, не дремали и враги православія. Они воспользовались всѣмъ своимъ вліяніемъ и употребили всѣ средства для того, чтобы по возможности уронить православіе въ глазахъ латышей и эстовъ, возвысить въ ихъ мнѣніи лютеранство и какими бы то ни было путями вызвать среди православныхъ латышей нѣкоторое подобіе обратнаго движенія ихъ въ лютеранство.

Въ 1862 г. архіепископъ Рижскій и Митавскій Платонъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для засѣданій въ св. синодѣ. Тамъ засѣдалъ этотъ архипастырь въ теченіе трехъ лѣтъ. Много ожидало духовенство Рижской епархіи отъ представительства своего архіерея въ Петербургѣ, но ожиданія его не оправдались. Въ 1865 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало предписаніе: по Высочайшему повелѣнію отмѣнено отобраніе подписокъ отъ вступающихъ въ бракъ лютеранъ съ православными, коими

иновѣрцы обязывались крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ православіи *).

Это было сильнымъ ударомъ православію въ Прибалтійскомъ краѣ! Это былъ коварный и скрытный ходъ враговъ православія, подъ благовиднымъ предлогомъ, различными происками и кознями склонившихъ правительствешую власть оказать мнимое снисхожденіе по отношенію къ лютеранамъ и этимъ дать сильное оружіе въ руки враговъ.

Распоряженіемъ объ отмѣнѣ подписокъ воспользовались враги православія и „по всѣмъ волостямъ немедленно созывались ими сходы крестьянъ, которымъ отъ имени мѣстной высшей власти было объявлено, что съ этого времени всякій имѣетъ право крестить дѣтей своихъ въ той вѣрѣ, въ какой самъ пожелаетъ. Латыши, утомленные гоненіями и насмѣшками иновѣрцевъ, воспользовались этою новостію и стали дѣтей своихъ крестить въ лютеранство, не только отъ смѣшанныхъ, но и отъ простыхъ браковъ, гдѣ родители оба принадлежали къ православному исповѣданію“ **).

Теперь пасторы выступаютъ на дѣятельную пропаганду лютеранства среди православныхъ латышей. Для успѣха своего дѣла они ничѣмъ не стѣсняются. Для своихъ цѣлей они пользуются и смѣшаннымъ бракомъ, и причастіемъ, и похоронами. Сначала ведутъ свою пропаганду тайно, потомъ набираются больше и больше смѣлости, и, наконецъ, открыто дѣйствуютъ противъ православія. Нельзя равнодушно читать тѣ строки въ запискахъ Полякова, гдѣ онъ говоритъ о замѣтномъ успѣхѣ лютеранства среди православныхъ латышей послѣ памятной отмѣны подписокъ.

Съ 1865 г., повѣствуетъ о. Поляковъ, пасторы повели свою пропаганду противъ православія. Когда воз-

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 529.
**) Записки свящ. А. Полякова, стр. 529.

растало православіе и желательны были смѣшанные браки, т. е. когда лицо православное вступало въ бракъ съ лютераниномъ, тогда пасторы принимали всѣ мѣры къ недопущенію такого союза и различными стѣсненіями, убѣжденіями и проволочками достигали своей цѣли.

Съ 1865 г. по отношенію къ смѣшаннымъ бракамъ пасторы перемѣнили свою тактику и стали дѣйствовать наоборотъ.

Священники съ своей стороны приняли ту тактику, которою сначала пользовались пасторы: они не хотѣли совершать браковѣнчаній безъ отобранія подписокъ въ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православіи, но были къ этому принуждены высшею властію. Напрасно многіе священники заявляли, что вѣнчать смѣшанные браки, безъ отобранія подписокъ, противно положенію 4-го вселенскаго собора, правила котораго никѣмъ не отмѣнены, но и это не имѣло никаго успѣха. Нѣкоторые священники еще нѣсколько времени уклонялись отъ совершенія такихъ браковъ, но, преслѣдуемые жалобами за неповиненіе Высочайшей волѣ, были вынуждены повиноваться.

Но не всѣ, однакожъ, покорились. Заиисскій священникъ, Ананія Декснисъ, несмотря на многократныя просьбы, прещенія и угрозы, рѣшительно отказался отъ безусловнаго совершенія смѣшанныхъ браковъ. На вопросъ архіепископа, почему онъ отказывается совершать смѣшанные браки, онъ формально отвѣчалъ: что такіе браки противны правиламъ 4-го вселенскаго собора, положенія котораго никѣмъ отмѣняемы не были, и онъ, священникъ, не можетъ, противиться этимъ правиламъ.

Говорятъ, что архіепископъ Платонъ, прочитавъ донесеніе, подалъ его членамъ консисторіи, сказавъ: „судите священника Декснпса за ослушаніе". Члены консисторіи отказались произнести его судъ, предоставляя оный архіепископу, который будто бы отозвался такъ: „я не могу

ого судить". И священникъ Декснисъ, священствуя въ Залисскомъ приходѣ, не совершалъ смѣшанныхъ браковъ.

Между тѣмъ пасторы день отъ дня распространяли свою пропаганду, уловляя православныхъ въ лютеранство. Такъ сначала они начали допускать православныхъ къ пріобщенію. Затѣмъ пасторы стали совершать таинство крещенія надъ младенцами отъ смѣшанныхъ браковъ и записывать о рожденіи въ лютеранствѣ младенцевъ отъ простыхъ браковъ, тѣхъ православныхъ родителей, которые желали крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лютеранствѣ.

Пасторы принимали отступниковъ православія къ причастію, сначала какъ будто по невѣдѣнію, а потомъ принимали къ исповѣди и причастію уже завѣдомо.

Вотъ тѣ послѣдствія отмѣны подписокъ, отбиравшихся отъ лицъ иновѣрныхъ, вступавшихъ въ бракъ лютеранами! О беззаконныхъ дѣйствіяхъ пасторовъ неоднократно было доносимо епархіальному начальству, но все это оставалось только гласомъ вопіющаго въпустынѣ*).

Великое благо—свобода совѣсти, свобода религіи. Но горе тѣмъ, которые злоупотребляютъ этою свободою, пользуются ею для своихъ личныхъ земныхъ цѣлей, соблазняютъ малыхъ сихъ. Горе и тѣмъ, которые соблазняются. Имъ твердо бы нужно помнить слова Духа, сказанныя Ангелу Филадельфійской церкви: „Держи, что имѣешь, чтобы никто не принялъ вѣнца твоего" (Ап. 3,11).

Распоряженіемъ 1865 г. объ отмѣнѣ подписокъ православное духовенство было поставлено въ весьма затруднительное положеніе по вопросу о распространеніи православія среди латышей. Теперь уже приходилось защищать свою паству, которую дерзко расхищали представители лютеранства. Въ это время не малую пользу въ дѣлѣ защиты православной паствы принесло Рижское Петро-павловское братство въ Прибалтійскомъ краѣ

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 529—32.

О противозаконныхъ дѣйствіяхъ пасторовъ православное духовенство доносило епархіальной власти, но это не приносило никакой пользы. Видя, что донесенія остаются безъ послѣдствій, священникъ Поляковъ, спрашивалъ лично въ 1869 г. управлявшаго Рижскою епархіею, епископа Виніамина. Его преосвященство такъ отозвался: „Имѣю до ста пятидесяти дѣлъ по поводу пропаганды пасторовъ; докладывалъ о нихъ, кому слѣдуетъ,прося объявить мнѣ, смотрѣть ли на это, какъ на свободу вѣроисповѣданія, а если свобода вѣроисповѣданій не существуетъ, то просилъ удержать пасторовъ отъ посягательствъ на совращенія православныхъ. На оба эти представленія получены отвѣты высшей власти: „Нельзя". Значитъ нельзя воспретить пропаганду и обнародавать свободу вѣроисповѣданій *).

---

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 532—4.

XXIII.

Князь Суворовъ и его отношеніе къ православію въ Прибалтійскомъ краѣ.—Церкви и кладбище православныхъ латышей.—Кощунства лютеранъ.—Мѣры со стороны хозяевъ лютеранъ къ устраненію дѣтей православныхъ латышей отъ школъ.—Проповѣди лютеранскихъ пасторовъ.

Говоря о противозаконной пропагандѣ лютеранства среди православныхъ латышей со стороны пасторовъ, по долгу справедливости и безпристрастія, нельзя пройти молчаніемъ и того печальнаго обстоятельства, что не малою поддержкою въ ихъ дѣятельности было крайне снисходительное отношеніе къ пасторамъ генералъ-губернатора князя Суворова. Тяжело сознаться, но нельзя и скрыть, что генералъ-губернаторъ относился съ большимъ сочувствіемъ къ лютеранамъ, чѣмъ къ православнымъ.

Смѣна генералъ-губернатора Головина Свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ 1 января 1848 г. послужила сигналомъ ко всеобщему подавленію стремленія латышей и эстовъ къ православію. Самый въѣздъ свѣтлѣйшаго въ Ригу далъ почувствовать, чего надо было ожидать зарождающемуся въ краѣ стремленію къ православію. Прежде всего онъ посѣтилъ домъ-кирку; затѣмъ послѣдовали визиты знатнѣйшимъ дворянамъ, Лифляндскому генералъ-суперинтенденту, пасторамъ, бургомистру, ратсгерамъ, даже купцамъ. О существованіи въ Ригѣ православнаго епископа и православныхъ церквей вспомнилъ Свѣтлѣйшій уже тогда, когда сталъ перебирать въ памяти кому бы еще отдать визиты.

Враждебная русскому государственному строю и православной вѣрѣ партія тотчасъ же поняла, откуда подулъ вѣтеръ. Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ, находившійся въ то время еще въ Ригѣ, пишетъ: „Чтобы дать вамъ понятіе о господствующемъ расположеніи умовъ, я приведу вамъ два отзыва самихъ нѣмцевъ. Въ тотъ день, какъ гражданскій губернаторъ разглашалъ съ торжествомъ первое секретное отношеніе князя Суворова къ епископу Рижскому, въ здѣшнемъ клубѣ нѣмцы, встрѣчаясь, поздравляли другъ друга и весело потирали руками, повторяя: „Русскимъ попамъ генералъ-губернаторъ наклеилъ носъ“ *). Вотъ какою цѣною покупается здѣсь популярность. На-дняхъ я читалъ письмо, полученное изъ одного лифляндскаго уѣзднаго города, въ которомъ сообщается извѣстіе о циркулярномъ предписаніи князя Суворова ко всѣмъ ординпгсгерихтамъ слѣдующаго содержанія: „оказывать епископу во время объѣзда его по епархіи всевозможное уваженіе и содѣйствіе, дабы не дать ему повода жаловаться на мѣстныя власти“ (т. VII, стр, 158). Этимъ князь Суворовъ официально оповѣстилъ весь ввѣренный его управленію край, что православный епископъ находится во враждебномъ ему лагерѣ; съ другой стороны, далъ знать всей интеллигенціи края, что самъ онъ относитъ себя къ нѣмецкому лагерю.

Суворовъ остался вѣренъ себѣ во все время управленія краемъ (до 1861 г.) Естественно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу православія и рускому дѣлу вообще онъ не могъ ужиться съ ревностнымъ поборникомъ православія преосвященнымъ Филаретомъ, и преосвященному Филарету пришлось разстаться съ Рижскою епархіею въ первый же годъ правленія князя Суворова“ **).

---

*) Die russische Geistlichkeit hat von dem Fürsten Ssuworoff auf die Nase bekommen.

**) Изъ исторіи православія въ прибалтійскомъ краѣ Г. А. Пасситъ. Рига, 1892. стр. 59-61.

Пользуясь сочувствіемъ высшей власти въ Прибалтійскомъ краѣ, лютеранское духовенство, нѣмецкіе помѣщики и мызники и всѣ, сочувствовавшіе лютеранству, всею силою своего вліянія и воздѣйствія обрушились на православіе и православныхъ латышей. Враги православія прежде всего позаботились о томъ, чтобы унизить православную вѣру въ глазахъ народа. Помѣщики противились отводу помѣщеній и земли подъ православныя церкви. Только тѣ зданія отводились для церкви, которыя прежде были кабаками и корчмами и приносили слишкомъ мало доходу помѣщикамъ. Помѣщались церкви и въ такихъ зданіяхъ, гдѣ прежде жила мызная прислуга и скотники.

Отводы земель подъ кладбища и церкви не только въ частныхъ имѣніяхъ, но и въ казенныхъ, которыя по большей части были заарендованы прибалтійскими дворянами, тянулись десятками лѣтъ. Арендаторы требовали непомѣрныхъ уступокъ со стороны казны за десятину негодной къ воздѣлыванію земли, или за уступку жилища скотника требовали уступки всей арендной суммы со всего казеннаго имѣнія. Пока велись безконечныя переписки, высылалія чиновниковъ для разбора дѣла, православные священники, испрашивая у пасторовъ разрѣшенія хоронить покойниковъ на лютеранскихъ кладбищахъ, принуждены были при каждомъ случаѣ выслушивать колкія, дерзкія, грубыя оскорбленія. Наконецъ, послѣ безконечныхъ препирательствъ, отводились для православнаго прихода кладбище гдѣ-нибудь въ болотѣ, какъ это было въ казенномъ имѣніи Вольмарскаго уѣзда, въ Русенъ-Торнеѣ. Среди выгона, весною и осенью сплошь заливаемаго водою, возвышалась площадка много-много фута на три. Эта-то площадка, послѣ продолжительныхъ препирательствъ, отведена была подъ православное кладбище. Весною и осенью, послѣ прорытія двухъ футовъ, яму заливало водою, въ эту яму опускались гробы. Въ виду такихъ неудобствъ кладбища и въ надеждѣ по-

лучить лучшее, прихожане не соглашались строить ограду вокругъ кладбища. Весною свиньями отрыто было два гроба, изъ одного гроба вырытъ неразложившійся еще трупъ младенца. Въ томъ же Руенскомъ приходѣ, гдѣ въ одной группѣ находилось три казенныхъ имѣнія, православная церковь первоначально была помѣщена въ бывшемъ кабачкѣ Скудритъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. Прошло года четыре, пока православные добились годнаго кладбища въ другомъ казенномъ имѣніи Руенъ-Раденгофскомъ *).

А что сказать и какими красками и словами описать тѣ кощунства, которыя позволяли себѣ лютеране по отношенію къ православію? Остановимся на одномъ изъ выдающихся случаевъ кощунства.

Въ Вольмарскомъ уѣздѣ, Руенскомъ приходѣ, въ корчмѣ Лепцъ, крестьянинъ Пудеркюльской волости, лютеранскій церковный попечитель, хозяинъ усадьбы Руцка, въ крещеніе, 6 января, когда корчма была наполнена народомъ, возвращавшимся изъ кирки и православной церкви, слѣдующимъ образомъ издѣвался надъ божественною литургіею православной церкви. Накинувъ рогожу на плечи, на подобіе фелони, наливъ пива въ кружку и накрошивъ туда булки, представляя собою православнаго священника, ходилъ кругомъ и ложкою подавалъ присутствовавшимъ; затѣмъ онъ сталъ объяснять побужденія, по которымъ-де священники православные уходятъ въ алтарь,—такими мотивами, которыхъ на бумагѣ и передать невозможно. Староста православной церкви на слѣдующій день послѣ этого кощунства привелъ къ православному священнику нѣсколько человѣкъ свидѣтелей, изъ которыхъ большинство были лютеране. Они подтвердили справедливость вышесказаннаго. Началось судебное разбирательство дѣла. Кончи-

---

*) Пассатъ. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 62—63.

лось оно тѣмъ, что старосту православной церкви присудили къ мѣсячному тюремному заключенію, якобы за ложный доносъ. Спросятъ: какъ это возможно? А очень просто: тянули дѣло лѣтъ шесть, изъ низшихъ судебныхъ инстанцій перенесли дѣло въ высшія инстанціи, требовали тяжущихся и свидѣтелей въ судъ за 150—160 верстъ въ самую горячую рабочую пору, выслушивали и безъ всякаго результата отпускали домой. Свидѣтели измучились, жаловались на разореніе. Управляющій имѣнія Пудерскюль, якобы изъ состраданія, сказалъ свидѣтелямъ: „Дураки вы! ужели вы думаете, что православный когда-либо возьметъ верхъ надъ лютераниномъ?“

— Да что же намъ дѣлать?—отвѣчаютъ свидѣтели.

— Да скажите, что вы ничего не видали и не слыхали.

— Да мы присягали.

— Пустяки, заявите только, что вы ничего не видали и не слыхали, и вамъ ничего не сдѣлаютъ.

И въ самомъ дѣлѣ, измученные свидѣтели стали противорѣчить другъ другу: православные продолжали утверждать, что кощунство дѣйствительно было совершено, а лютеране каялись, что говорили неправду. Показанія свидѣтелей, какъ противорѣчивыя, были отвергнуты, а староста православной церкви за клевету понесъ законную кару. Такихъ процессовъ, хотя менѣе возмутительныхъ, было не мало, исходъ ихъ былъ большею частію вышеописанный. Православные со временемъ стали умнѣе: подавляли горе и негодованіе и молчали. Кощунства совершались обыкновенно въ мѣстахъ большого сборища народа: на помѣщичьихъ сѣнокосахъ и поляхъ и при другихъ огульныхъ работахъ, куда собиралась вся волость *).

---

*) Пасситъ. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 64—66.

Не позабыли враги православія и школъ. Образованіемъ народа они позаботились воспользоваться въ своихъ цѣляхъ: или чтобы изъ дѣтей православныхъ воспитать лютеранъ, или чтобы оставить дѣтей православныхъ безграмотными. Хозяева лютеране, у которыхъ дѣти православныхъ батраковъ находились въ услуженіи, не отпускали ихъ съ другими дѣтьми въ назначенные дни въ школу. Православные священники требовали ихъ къ себѣ на испытаніе, умѣютъ ли они читать и знаютъ ли молитвы, назначая для того воскресные дни; но хозяева, зная, что ихъ властямъ это будетъ пріятно, отвѣчали: „Намъ лѣтомъ и въ воскресенье необходимъ пастухъ,—и въ воскресенье нужно носить хворостъ, зимою согрѣвать воду, поить скотину“. Требованія священниковъ, чтобы волостныя правленія обязывали крестьянъ-хозяевъ отпускать дѣтей на испытаніе и наставленіе, давали мызной полиціи только поводъ издѣваться надъ такими требованіями. Бывали случаи, что священники обращались къ помѣщикамъ лично, прося дать имъ возможность исполнить своей долгъ относительно православныхъ дѣтей. Болѣе деликатные отговаривались, что это не въ ихъ власти, что это дѣло волостныхъ правленій, а волостныя правленія помимо воли помѣщика не дѣлали ничего. Другіе высылали на крыльцо прислугу сказать священнику, что они не могутъ принять русскаго священника. Все это подавляющимъ образомъ дѣйствовало на народъ: заявившіе желаніе перейти въ православіе, изъ опасенія еще большихъ угнетеній, отступились, перешедшіе въ православіе поникли головой *).

Видя, что почва достаточно подготовлена, пасторы и ихъ многочисленные посредники и помощники усилили свою пропаганду. Они стали дѣйствовать смѣлѣе и рѣши-

*) Пассить. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 67—67.

тельнѣе. Ими постоянно говорились проповѣди на темы: „Когда спали пастыри, пришли волки“; „Бойтесь волковъ, приходящихъ къ вамъ въ овечьей шкурѣ“. Къ нимъ прибавилась новая—„О блудномъ сынѣ“. Между тѣмъ православные священники—согласно предписаніямъ—строжайше должны были воздерживаться отъ проповѣдей полемическаго характера *).

Можно ли удивляться поэтому, что въ началѣ 1864 г. свѣтскія власти Лифляндской губерніи въ мнимыхъ заботахъ о нуждахъ народа довели до свѣдѣнія Государя, что православные латыши и эсты Прибалтійскаго края желаютъ возвратиться въ лютеранство, религію отцовъ своихъ и дѣдовъ, и что неудовлетвореніе ихъ желанія можетъ повлечь за собою нежелательное волненіе въ Прибалтійскомъ краѣ.

---

*) Тамъ-же, стр. 69.

XXIV.

Графъ Бобринскій и его ревизія въ Прибалтійскомъ краѣ.—Обозрѣніе Рижской епархіи преосвященнымъ Платономъ, Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ, въ іюнѣ и іюлѣ 1864 г.—Бесѣды преосвященнаго въ Лемзалѣ и Абелитѣ.—Причины неудовольствія православныхъ латышей.

Для провѣрки на мѣстѣ слуховъ о желаніи православныхъ латышей возвратиться въ лютеранство, въ прибалтійскій край посланъ былъ для ревизіи графъ Бобринскій. Враги православія позаботились о томъ, чтобы всему дать желательную окраску и чтобы все выставить въ выгодномъ для нихъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого графъ Бобринскій истиннаго положенія дѣла легко могъ ни увидѣть, ни услышать. „Очевидцы событія свидѣтельствовали, что графъ, какъ и подобало его высокому положенію и важности миссіи, былъ окруженъ всевозможными попеченіями высшаго остзейскаго дворянства: видѣлъ передъ собою тѣхъ, кого дворянству угодно было показать ему, слышалъ то, что дворянству угодно было сказать ему, словомъ, онъ носился на такой высотѣ, съ которой, при всемъ добромъ желаніи, не увидишь и не услышишь роющихся въ землѣ смертныхъ. Крестьянъ по большей части собирали въ помѣщичьихъ дворахъ: кто являлся передъ высокимъ сановникомъ и кто говорилъ, этого, разумѣется, въ должную извѣстность не приводили“ *).

*) Пасить. Изъ исторіи православія въ прибалтійскомъ краѣ, стр. 83.

Каково было истинное положеніе дѣла, объ этомъ легко заключить изъ записокъ о. Полякова, бывшаго спутникомъ и переводчикомъ высокопреосвященнаго Платона, Архіепископа Рижскаго и Митавскаго, при обозрѣніи послѣднимъ епархіи въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1864 года.

„Эстляндскій помѣщикъ, графъ Сиверсъ, сказывалъ мнѣ, повѣствуетъ въ своихъ запискахъ о. Поляковъ, что по пріѣздѣ графа Бобринскаго въ Эстонскій край, онъ встрѣченъ былъ толпами недовольныхъ правительствомъ эстовъ, которые громко заявляли желаніе перейти обратно въ лютеранство. Причиною такого перехода они выставили то, что будто-бы отцы ихъ, изъ-за земныхъ выгодъ, приняли православіе, но что, не получивши оныхъ, они желали бы перейти въ прежнюю вѣру—лютеранство. При этомъ, они будто-бы указывали, что имъ въ православіи надобно нести большія повинности и налоги и терпѣть разныя невыносимыя невзгоды. Таковы были слова графа Сиверса".

При личномъ свиданіи, Эйхенгернскій священникъ Андрей Поляковъ осмѣлился спросить у архіепископа Платона: правда-ли то, что по прибытіи изъ Эстляндіи графа Бобринскаго, былъ учрежденъ совѣтъ, на которомъ присутствовали: самъ Государь Императоръ Александръ II, архіепископъ Платонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и оберъ-прокуроръ св. синода? На совѣтѣ этомъ якобы было положено: уволить недовольныхъ православіемъ латышей и эстовъ въ лютеранство. Всѣ были согласны, но архіепископъ Платонъ будто-бы не изъявилъ на это своего согласія, прося у Государя Императора позволенія отправиться въ свою епархію (архіепископъ присутствовалъ тогда въ святѣйшемъ синодѣ), чтобы лично убѣдиться въ справедливости неудовольствія латышей и эстовъ на православіе. Архіепископъ, несмотря на щекотливый вопросъ священника, отвѣчалъ ему утвердительно. Получивъ дозволеніе, архіепископъ Пла-

тонъ, по пріѣздѣ въ Ригу, отправился по епархіи, посѣтивъ 10 іюня 1864 года г. Лемзаль.

Такъ какъ его преосвященству благоугодно было на другой день, 11-го іюня, совершить литургію въ Лемзальской церкви, то для сослуженія ему вмѣстѣ съ другими, былъ назначенъ и священникъ Поляковъ, которому, кромѣ того, архипастыремъ поручено состоять при немъ переводчикомъ при бесѣдѣ архипастыря съ прихожанами не только въ Лемзальской, но и въ Уббенормской, Залисской и Вольмарской церквахъ, къ которымъ и сопутствовалъ архипастырю свящ. Андрей Петровъ Поляковъ *).

Чрезвычайно интересны, поучительны и драгоцѣнны эти „записки“ малопзвѣстнаго священника А. Полякова, какъ незамѣнимое историческое свидѣтельство очевидца бесѣдъ преосвященнаго Платона съ колебавшимися въ своемъ православіи латышами и эстами.

11-го іюня 1864 г. преосвященный служилъ литургію въ г. Лемзалѣ. По совершеніи литургіи, архипастырь, разоблачившись и надѣвъ мантію, съ жезломъ въ рукахъ вышелъ на амвонъ и въ продолженіе двухъ часовъ бесѣдовалъ съ прихожанами, передавая свои слова чрезъ переводчика.

Много поучительнаго было сказано архипастыремъ Лемзальскимъ прихожанамъ, такъ что „всего сказаннаго я не запомню“, говоритъ о. А. Поляковъ въ своихъ запискахъ.

Бесѣда архипастыря основывалась на томъ, чтобы православные жили по православному. Какъ имъ держать себя въ отношеніи къ иностранцамъ, какъ исповѣдывать и любить свою вѣру; какъ любить Бога и государя, покровителя православной церкви, какъ иногда надобно терпѣть, памятуя о терпѣніи апостоловъ и прочихъ людей первыхъ вѣковъ христіанства, которые были

*) Записки св. А. Полякова, стр. 534—535.

также подобострастные люди, но которые со смиреніемъ и долготерпѣніемъ много терпѣли, потому что въ настоящей жизни страданія неизбѣжны.

Былъ юнымъ я и состарился, такъ говоритъ святый Давидъ, и не видалъ праведника, оставленнаго и просящаго хлѣба. Такъ и васъ, продолжалъ архипастырь, не оставитъ Богъ и правительство; только окажитесь достойными этого попеченія.

Окончивъ свою бесѣду, архипастырь вступилъ съ прихожанами въ разговорную рѣчь.

Послышались въ церкви возгласы: „Отпустите насъ отъ православія, отъ русской вѣры“. Архіепископъ со спокойствіемъ спросилъ, что побуждаетъ ихъ къ отступничеству отъ православія? Иные говорили, что изъ-за православной вѣры не могутъ получить хозяйства; другіе, что ихъ изъ-за православія гонятъ, унижаютъ. Иные, въ небольшомъ количествѣ возражали, что они не жалуются на иновѣрцевъ, изъ-за вѣры ихъ не притѣсняютъ, и сами они православную вѣру не презираютъ, но вѣра эта для нихъ чужда: они не могутъ соблюдать ни постовъ, ни прочихъ обычаевъ этой религіи, что отцы ихъ привели дѣтей своихъ, бывшихъ въ безсознательномъ положеніи, въ эту вѣру и проч.

Такъ какъ шумъ въ церкви увеличивался, иные говорили объ одномъ, другіе объ другомъ, третьи заявляли что охотно желаютъ остаться въ православной вѣрѣ, но просятъ только защиты отъ иновѣрцевъ, иные просили, чтобы ихъ отдѣлили отъ лютеранъ, то архіепископъ дабы прекратить безпорядочный говоръ, исходившій изъ устъ цѣлой тысячи, просилъ прихожанъ успокоиться и не заглушать его рѣчей. Когда тысячеустный говоръ утихъ, архіепископъ предложилъ прихожанамъ успокоиться и избрать изъ среды своей нѣсколько почетныхъ и довѣрія достойныхъ мужей и поручить онымъ, во имя цѣлаго прихода, продолжать разговоръ съ архіепископомъ и заявлять по порядку о своихъ духовныхъ

нуждахъ; тогда, говорилъ архіепископъ, можно будетъ лучше понять дѣло, и что будетъ въ разговорѣ ихъ достойнымъ пріятія и важнымъ, будетъ имъ принято во вниманіе, но что будетъ не достойно, то будетъ отвергнуто.

По сему прошенію предсталъ предъ архіепископомъ Лемзальскій церковный староста, крестьянинъ и латышъ по происхожденію, и заявилъ, что онъ избранъ отъ лица всего прихода бесѣдовать съ архипастыремъ.

Церковный староста, казавшійся по наружности весьма почтеннымъ, обратился къ архіепископу съ слѣдующею рѣчью:

„Высокоуважаемый архіепископъ и нашъ милостивѣйшій отецъ! Я не въ состояніи предъ вашею честью высказать всего, что бы слѣдовало отъ имени лемзальскихъ прихожанъ, поэтому всенижайше прошу ваше высокопреосвященство принять отъ меня сію бумагу, въ которой изложено все то, о чемъ лемзальскій православный приходъ поручилъ мнѣ просить ваше высокопреосвященство". Сказавъ это, староста подалъ бумагу архіепископу. Архіепископъ, принявъ бумагу и раскрывъ оную, сказалъ: „Другъ мой! бумагу эту я приму, и что могу исполнить по вашей просьбѣ, то исполню, по всетаки тебѣ слѣдуетъ во всеуслышаніе, хотя вкратцѣ, въ простыхъ и вѣрныхъ словахъ высказать предо мною: что и чего лемзальскіе православные прихожане просятъ въ сей бумагѣ. Говори смѣло и просто,—продолжалъ архіепископъ,—чего вы желаете?". Обнадеженный кроткими словами архипастыря, церковный староста продолжалъ: „Мы, латыши, вѣрныя дѣти своего государя, за своего царя хотимъ стоять до послѣдней капли крови, какъ и всѣ истинно русскіе люди; это сыны латышей, состоя въ русскихъ полкахъ, искони заявили и нынѣ заявляютъ своими дѣлами, воюя за любезное свое отечество и проливая кровь свою.

„Желая еще крѣпче соединиться съ возлюбленнымъ

императоромъ и людьми русскими, великое множество латышей приняло православную вѣру, въ которой и хотимъ охотно пребывать до скончанія жизни. Но мызники поступаютъ съ нами весьма тяжко за принятіе православной вѣры. Если кто изъ православныхъ пожелаетъ получить крестьянскій участокъ, то ему долго, долго приходится искать этого, до тѣхъ поръ пока совсѣмъ не разорится въ отыскиваніи. Если православный приходитъ въ какую-либо мызу просить объ отдачѣ крестьянскаго участка, то его прежде всего спрашиваютъ, какой вѣры онъ? и когда узнаютъ, что православный, то ему говорятъ: участка получить въ аренду нельзя.

„Итакъ, онъ долго можетъ разъѣзжать и отыскивать, но повсюду получитъ вышеупомянутый отвѣтъ. А если гдѣ и найдетъ милость и получитъ участокъ, то его сейчасъ же спрашиваютъ: обяжется-ли онъ работать и на лютеранскія церкви и школы и нести повинности въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и школмейстеровъ съ прочими лютеранами, и если согласится, то получаетъ участокъ. Желая получить въ аренду участокъ, почти всѣ православные хозяева, поневолѣ, соглашаются исполнять сіи условія. Все это очень тяжко и грустно, и становится еще больнѣе отъ ихъ насмѣшекъ, коими осыпаютъ они насъ по этому поводу.

„Посему просимъ все сіе доложить высшимъ властямъ, что намъ, латышамъ, единовѣрцамъ государя, весьма тяжко“.

На сію жалобу старосты архіепископъ, обратясь къ прихожанамъ, спросилъ: „Правда-ли то, что высказалъ староста отъ имени лемзальскихъ православныхъ прихожанъ?“ На сіе вся церковь громовымъ образомъ отвѣтила: „Воистину, сущая правда! Да, да! Истинно, дѣйствительно, такъ!“ „Все сіе—сказалъ архіепископъ,—что лемзальская церковь чрезъ своего старосту заявила, я сообщу лифляндскому генералъ-губернатору, которому всемилостивѣйшимъ государемъ нашимъ ввѣрено на-

чальство надъ симъ краемъ, и надѣюсь, что впредь съ вами поступать такъ не будутъ. А что иной разъ вы бываете огорчаемы такъ, или инымъ образомъ, то никто не можетъ отвратить этого, потому что между людьми всюду бываютъ огорченія; земля не небо: на небѣ ангелы, тамъ и совершенный миръ".

Пернигельскимъ прихожанамъ, числомъ до 40 человѣкъ, которые заявляли желаніе отступничества отъ православія, говоря, что русская вѣра для нихъ чужда, что въ русской вѣры обряды для нихъ неудобоисполнимы, какъ то: поклоны, посты и пр. и вообще они русской вѣрѣ не научены и ее не понимаютъ, архіепископъ отвѣчалъ: „А лютеранская вѣра знакома вамъ? Скажите же мнѣ ученіе лютеранской вѣры". Нѣкоторые молча думали и, будучи не въ силахъ отвѣтить, сказали: „Не знаемъ". „Сейчасъ же вы сказали, что православной вѣрѣ не научены и не знаете, а лютеранская вамъ знакома; между тѣмъ не знаете ученіе лютеранской вѣры и сами себѣ противорѣчите". А относительно постовъ архіепископъ выразилъ слѣдующее: „Не въ постѣ только состоитъ ученіе вѣры православной. Если у тебя во время поста рѣшительно нѣтъ никакой постной пищи, то тебя не осудитъ церковь, если ты, для утоленія голода, будешь употреблять умѣренно и непостную пищу, хотя бы и мясо, но не ѣшь только мясного. Но если ты во время поста имѣешь и постную пищу, но желаешь ѣсть мясо и прочую, запрещенную въ посту пищу, то не грѣхъ-ли тебѣ быть ослушникомъ святой православной церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, печется о спасеніи твоей души, стараясь сохранить тебя отъ похотѣнія плоти?

— Отцы наши, безъ нашего вѣдома и сознанія ввели насъ въ эту вѣру, сказали нѣкоторые.

— Отцамъ законъ не возбраняетъ вводить дѣтей своихъ въ ту вѣру, которую сами исповѣдуютъ,—возразилъ архіепископъ,—поэтому они вполнѣ законно поступили,

присоединивъ васъ къ той вѣрѣ, которую сами исповѣдаютъ.

Иные въ толпѣ возражали, говоря: „Лютеранская вѣра—наша старая вѣра, вѣра прадѣдовъ нашихъ, поэтому мы останемся въ ней". Архіепископъ отвѣчалъ: „Древняя вѣра прадѣдовъ вашихъ была вѣра языческая, но не та, въ которую вы обратиться желаете. Прапрадѣды ваши были язычники, потомъ сдѣлались католиками, потомъ лютеранами, потомъ православными и опять хотите сдѣлаться лютеранами; скажите, на что это похоже? Прислушайтесь, какъ дико звучитъ даже и для уха такая мѣновая торговля вѣрою". Послѣ этихъ словъ водворилась совершенная тишина. Бесѣду свою въ Лемзальской церкви, продолжавшуюся болѣе двухъ часовъ, утомленный архипастырь заключилъ слѣдующими словами: „Нѣкоторыя изъ жалобъ вашихъ основательны, и какъ заслуживающія вниманія, подлежатъ удовлетворенію, но нѣкоторыя жалобы не только не основательны, но и безнравственны, потому и не могутъ быть удовлетворены" *).

Подобная же знаменательная и памятная бесѣда была ведена преосвященнымъ Платономъ и въ Уббенормской церкви, помѣщавшейся въ крестьянскомъ дворѣ, Позендорфской волости, подъ именемъ Абелитъ.

Это единственное въ своемъ родѣ обозрѣніе епархіи навсегда останется памятнымъ для рижской паствы. Преосвященному Платону, послѣ этого посѣщенія епархіи, были вполнѣ ясны причины неудовольствія латышей. Усмотрѣнныя архіепископомъ Платономъ причины недовольства православныхъ въ Лифляндіи были слѣдующія: безцеремонно-пристрастное отношеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ, мѣстныхъ судовъ и мѣстной полиціи къ перешедшимъ въ православіе крестьянамъ и вышеизложенная утонченная пропаганда лютеранскаго

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 536—540.

духовенства. Тягостнѣе всего было для православныхъ то униженіе, какое они испытывали отъ лютеранъ, ихъ же собратовъ, но—въ силу того, что они лютеране—пользовавшихся житейскимъ благосостояніемъ, преимуществами во всѣхъ отношеніяхъ,—затѣмъ скудость, бѣдность и невзрачность православныхъ храмовъ сравнительно съ грандіозными лютеранскими церквами *).

---

*) Пасситъ. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ, стр. 82—83.

XXV.

Уставъ Рижскаго Петропавловскаго братства.—Изъ поученія при открытіи братства.—Перемѣщеніе архіепископа Платона изъ Рижской въ Донскую епархію.

Во время обозрѣнія Рижской епархіи въ 1864 г. архіепископъ Платонъ не могъ не убѣдиться, что среди перешедшихъ въ православіе латышей и эстовъ дѣйствительно встрѣчается не мало такихъ, которые желаютъ возвращенія въ лютеранство. И причины этого настроенія латышей и эстовъ были ясны для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя. Всевозможныя притѣсненія латышей со стороны нѣмецкой администраціи, полиціи, помѣщиковъ и духовенства, чрезвычайно убогая обстановка православныхъ церквей сравнительно съ нѣмецкими кирками—вотъ главныя причины начинавшагося движенія латышей къ возвращенію въ лютеранство. Для борьбы противъ притѣсненій латышей у православной іерархіи Прибалтійскаго края не было средствъ, для устраненія же неблаголѣпія въ православныхъ церквахъ—изыскать средства представлялась возможность: нужно только было озаботиться учрежденіемъ братства.

Въ 1866 г. архіепископъ Платонъ пригласилъ къ себѣ болѣе вліятельныхъ членовъ православной церкви г. Риги для совѣщанія о составленіи проекта „устава Рижскаго Петропавловскаго Братства“. Составленный

проектъ устава былъ отлитографированъ въ количествѣ 360 экземпляровъ и роздапъ всѣмъ, принимавшимъ участіе въ совѣщаніяхъ, для окончательнаго обсужденія и представленія письменно своихъ соображеній.

Цѣль и задачи предположеннаго къ открытію братства настолько отвѣчали религіозно-нравственнымъ и общественнымъ потребностямъ православныхъ Прибалтійскаго края, что всѣ православные съ нетерпѣніемъ ожидали открытія братства, возлагая на него богатыя надежды. 8-го января 1867 года было назначено общее собраніе лицъ, выразившихъ желаніе поступить въ число братчиковъ, для окончательнаго выслушанія разработаннаго устава. Его Высокопреосвященствомъ Платономъ, архіепископомъ Рижскимъ, Митавскимъ и Ревельскимъ совершена была божественная литургія въ Петропавловскомъ соборномъ храмѣ и молебствіе о преуспѣяніи учреждаемаго братства.

Собраніе одобрило уставъ, и утвержденіе его архіепископомъ Платономъ послѣдовала 25-го января 1867 г. *).

Не долго послѣ этого оставался на Рижской каѳедрѣ высокопреосвященный Платонъ, Архіепископъ Рижскій и Митавскій. Въ мартѣ же послѣдовало его перемѣщеніе въ Донскую епархію. Какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, грусти полны строки записокъ о. Полякова объ этомъ событіи **)!

Съ чувствами глубокой преданности волѣ Божіей, искренней любви къ паствѣ, пастырямъ и пасомымъ прощался преосвященный Платонъ съ своею рижскою паствою. Все, что волновало его душу въ эти минуты, имъ выражено было въ прощальномъ словѣ, которое является своего рода историческимъ документомъ от-

---

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Православнаго Петропавловскаго Братства, стр. 4—10.

**) Записки св. А. Полякова, стр. 546.

носительно характера дѣятельности преосвященнаго Платона. Приводимъ это слово.

„Возлюбленные мои братія и чада! Вамъ извѣстно, что по волѣ благочестивѣйшаго Государя нашего, или, лучше сказать, по распоряженію самого Господа, дѣйствующаго на землѣ чрезъ помазанниковъ своихъ, я переведенъ изъ здѣшней въ другую епархію. Нынѣ я совершилъ въ семъ храмѣ послѣднее служеніе мое и долженъ теперь разстаться съ вами, быть можетъ, на вѣки!..

Болѣе 18 лѣтъ управлялъ я Рижскою епархіею и, могу сказать по совѣсти, старался привести ее въ надлежащее устройство. Сколько при этомъ имѣлъ я заботъ, трудовъ, разныхъ огорченій, считаю лишнимъ объяснять теперь. Но, къ сожалѣнію, мои заботы, труды не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, и я оставлю теперь Рижскую епархію не въ томъ состояніи, въ какомъ хотѣлъ видѣть ее. Молю Господа, чтобы преемникъ мой, будущій архипастырь вашъ, былъ счастливѣе меня и успѣлъ достигнуть того, чего я желалъ для блага православной Церкви и чадъ ея въ здѣшнемъ краѣ.

Во все время управленія моего Рижскою епархіею, вы, братія, оказывали мнѣ любовь и послушаніе, а въ послѣднее время трогательно выразили сожалѣніе ваше о разлукѣ со мною, и теперь я вижу слезы, слышу рыданія ваши. Благодарю васъ, возлюбленные, за такую расположенность ко мнѣ; но скажу вамъ словами Спасителя: не плачьте обо мнѣ. Почти 28 лѣтъ стоялъ я на стражѣ православія въ Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ, и во все это время находился въ нелегкой борьбѣ съ разнороднымъ иновѣріемъ; а теперь довольно устарѣлъ и силы мои стали ослабѣвать отъ лѣтъ и трудовъ. Поэтому бремя управленія такою епархіею, какъ Рижская, и въ такомъ краѣ, какъ здѣшній,—сдѣлалось для меня тягостнымъ; я благодарю Бога и всемилости-

вѣйшаго государя нашего, что они сняли съ меня это бремя и посылаютъ на служеніе въ такую мирную и благорастворенную страну, въ которой могу найти отдыхъ и успокоеніе для утомленнаго моего духа. Не плачьте и о себѣ, разлучаясь со мною; но утѣшайте себя мыслію, что Господь, пекущійся о святой своей церкви, пошлетъ вамъ вмѣсто меня такого архипастыря, который, можетъ быть, будетъ лучше меня и благопотребнѣе для васъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ рижской епархіи. Итакъ, умѣрьте вашу скорбь о разлукѣ со мною и отпустите меня съ миромъ. Братія, я любилъ васъ искренно, отъ души желалъ добра и охотно дѣлалъ оное, по мѣрѣ средствъ моихъ. Не помню, чтобы я кому изъ васъ желалъ чего-нибудь худого, или намѣренно сдѣлалъ кому либо непріятность. Если же я неумышленно оскорбилъ кого словомъ, дѣломъ и мыслію, то смиренно прошу простить меня по-христіански. А если кто изъ васъ, сверхъ чаянія моего, питаетъ непріязнь ко мнѣ, или сдѣлалъ что-нибудь непріятное для меня, то я не только прощаю его, но и молю Господа отпустить ему такой грѣхъ.

Други мои, я не разъ внушалъ вамъ миръ и взаимную любовь: завѣщаю вамъ это и нынѣ при послѣдней моей бесѣдѣ съ вами. Любите другъ друга искренно, какъ Богъ заповѣдалъ, помогайте одинъ другому въ нуждахъ и не ссорьтесь между собою. Вы составляете въ здѣшней странѣ малое стадо, при томъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому живите между собою какъ можно дружнѣе, дѣйствуйте во всемъ единодушно, поддерживайте въ себѣ русскій духъ, будьте тверды въ православіи и старайтесь благоугождать Господу исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей. Это дастъ вамъ такую крѣпость и силу, что вы, при помощи Божіей, будете непобѣдимы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ вашихъ.

А вы, сослужители мои, внимайте, по слову апостола, себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею. Вы знаете, каковы обстоятельства пасомаго вами стада, знаете, какъ нужны вамъ нынѣ благоразуміе и бдительность, твердость духа и самоотверженіе; старайтесь же имѣть такія качества и будьте всегда дѣлателями непостыдными. Вы служили при мнѣ хорошо, я съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этомъ; а теперь, если можно, служите еще лучше, будьте еще внимательнѣе къ вашимъ наставамъ и всемѣрно старайтесь утвердить ихъ въ святой нашей вѣрѣ, которой такъ не благопріятствуютъ обстоятельства здѣшняго края и духъ нынѣшняго времени. Не унывайте, а тѣмъ паче не ослабѣвайте въ исполненіи священныхъ вашихъ обязанностей отъ тѣхъ непріятностей, съ которыми сопряжено ваше служеніе, но укрѣпляйте себя надеждою на помощь Божію и дѣйствуйте на поприщѣ вашемъ мужественно, какъ подобаетъ добрымъ воинамъ Христовымъ. Помните слова Пастыреначальника вашего: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ (Матѳ. 19, 28). Я желалъ бы, возлюбленные, продолжать настоящую бесѣду мою, чтобы продлить удовольствіе послѣдняго свиданія съ вами, но мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, волнующихъ нынѣ мое сердце, и время моего отшествія отъ васъ настало. Итакъ, простите!..

Помяните меня иногда въ вашихъ молитвахъ; а я никогда не забуду васъ и сохраню любовь мою къ вамъ не только до гроба, но возьму ее и во гробъ, предстану съ нею Отцу небесному и буду вѣчно молить Его о вашемъ спасеніи. И нынѣ, взывая къ Нему изъ глубины сердца моего: „Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя!“ Храни его, Господи, подъ кровомъ Твоимъ

въ мирѣ и благоденствіи, озаряй и согрѣвай его лучами благодати Твоей; сотвори его плодоноснымъ на всякое дѣло благое; огради его Твоимъ промысломъ отъ всѣхъ золъ и напастей!

Прощайте, возлюбленные! Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь *).

— — —

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго православнаго Петро-Павловскаго Братства, стр. 13—16.

XXVI.

Наказанія Божіи, постигшія отступниковъ и враговъ православія — Внезапная болѣзнь и неожиданная смерть Марко Гутмана и Меланіи Цельмсъ.

Лютеранскіе пасторы, нѣмецкіе помѣщики и всѣ, сочувствующіе нѣмецкому духу въ Прибалтійскомъ краѣ, добились того, чего желали. Съ 1865 г. со времени „отмѣны подписокъ", для лютеранской пропаганды среди православныхъ латышей открылись широкія двери, и среди прежде бывшихъ православныхъ латышей появились отступники и враги православія. Но Богъ поругаемъ не бываетъ, и въ жизни отступниковъ отъ православія было нѣсколько поразительныхъ случаевъ карающей Десницы Божіей. Въ „Запискахъ" о. Полякова передается о нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ; остановимся на особенно выдающихся.

„Съ 1865 г. начало появляться открытое отступничество отъ православія въ моемъ приходѣ,—повѣствуетъ о. Поляковъ въ своихъ запискахъ.

Опишу здѣсь первый примѣръ наказанія Божія за отступничество отъ православія: мызы Бреслау, двора Кисуль, православный крестьянинъ Маркъ Гутманъ, 41, года, женатый на лютеранкѣ, окрестилъ осенью 1865 г. дитя свое въ лютеранство.

Въ первый день 1866 г. является ко мнѣ мызы Бреслау, двора Кисуль, крестьянинъ Яковъ Гульбисъ, съ

требованіемъ, чтобы одинъ изъ насъ ѣхалъ съ нимъ для пріобщенія умирающаго Марка Гутмана.

Пріѣхавъ въ деревню Кисуль и вошедши въ избу, я увидѣлъ потрясающее зрѣлище. Гутманъ лежалъ въ одной сорочкѣ на полу въ ужасныхъ мученіяхъ, стоная и кидаясь со стороны на сторону; животъ его и нижнія части распухли въ ужасающихъ размѣрахъ, глаза страшно выкатились Увидѣвъ меня, онъ жалобно застоналъ: „Батюшка! батюшка, милый! сжальтесь надо мною, сжальтесь! Посмотрите на мой животъ, я ужасно страдаю... Думалъ, что и не дождусь васъ“.

— Хочешь-ли раскаяться въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться св. тайнъ?—сказалъ я.

Умирающій жалобно простопалъ: „Хочу, хочу! Я тяжко согрѣшилъ противъ своей вѣры, предъ священниками... Сжальтесь надо мною!“

— Хочешь-ли хоть теперь-то присоединить къ православію свое дитя, окрещенное въ лютеранство?—сказалъ я,—и раскаиваешься-ли ты въ этомъ худомъ поступкѣ?

— Хочу,—сказалъ умирающій, „и крѣпко сожалѣю, что такъ худо поступилъ!“

Опасаясь, чтобы больной не умеръ безъ покаянія, я немедленно приступилъ къ совершенію таинствъ, пригласивъ домочадцевъ вмѣстѣ со мною усердно помолиться Богу о помилованіи Гутмана. Всѣ присутствовавшіе пали на колѣни и усердно читали за мною молитву Господню, символъ вѣры и псаломъ 50. По совершеніи таинства покаянія и по причащеніи Гутмана, я сказалъ ему: „Возлюбленный по духу сынъ мой! Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но желаетъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. Поэтому Онъ не хотѣлъ, чтобы ты умеръ какъ нераскаянный великій грѣшникъ и какъ отступникъ, но благоволилъ, чтобы ты скончался истиннымъ христіаниномъ. Да благословитъ же душа твоя Господа, и вся внутренняя твоя имя святое Его. Не забудь тѣхъ благодѣяній, ко-

торыя даровалъ тебѣ Господь. Онъ, милосердый, простилъ тебѣ грѣхи твои, исцѣлилъ смертельныя раны души твоей, украсилъ тебя благодатію покаянія, вселился въ тебя посредствомъ св. причащенія. Теперь, когда ты чистосердечно раскаялся, когда предъ тобою открываются врата небесныя, когда душа твоя готова предстать страшному суду Христову, скажи во услышаніе всѣхъ: желаешь-ли отъ всего сердца, чтобы младенецъ твой, окрещенный въ лютеранство, былъ присоединенъ къ православной вѣрѣ, къ которой принадлежишь ты?"

Умирающій сказалъ: „Да!"

— Слышите-ли предсмертную волю умирающаго?—сказалъ я окружающимъ:—онъ желаетъ, чтобы младенецъ его, окрещенный въ лютеранство, былъ присоединенъ къ православію. „Возрадуемся же", сказалъ я, „со святыми ангелами, которые радуются о единомъ грѣшникѣ, кающемся, болѣе, нежели о девятидесяти праведникахъ, не требующихъ покаянія". Сказавъ это, я прежде осѣнилъ умирающаго крестнымъ знаменіемъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что какое-то неземное спокойствіе осѣнило лицо его, прежде такое страшное: онъ лежалъ спокойно, ужъ болѣе не метался, не стоналъ и не чувствовалъ тошноты. До моего же прибытія всѣ эти симптомы таинственной болѣзни страшно мучили его. „Буду со всею церковью молиться о тебѣ Господу Богу", сказалъ я умирающему, „и пришлю тебѣ сегодня заздравную просфору". Послѣ сего я съ миромъ оставилъ хижину, гдѣ совершилось такое поразительно-чудесное происшествіе, которое никогда не изгладится изъ памяти моей, и поѣхалъ домой. На другой день, 2 января, я получилъ извѣстіе, что Маркъ Гутманъ скончался въ этотъ день въ три часа утра". *).

А вотъ и другой, не менѣе поучительный примѣръ

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 548—551.

наказанія Божія за отступничество. „Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1867 г. приходитъ ко мнѣ бывшій мой прихожанинъ, Егоръ Августиновъ Цельмсъ, проживавшій до апрѣля мѣсяца 1867 г. въ теченіе десяти лѣтъ въ Залпсскомъ приходѣ, и объявляетъ о переходѣ своемъ во ввѣренный мнѣ Эйхенангерскій приходъ.

„При этомъ, Цельмсъ заявилъ мнѣ неохотно, но случайно, (ибо онъ, какъ оказалось, намѣревался совратиться въ лютеранство и скрыть даже принадлежность свою къ православію), что у него родился ребенокъ, котораго жена имѣла намѣреніе окрестить въ лютеранство. Хотя я и увѣщевалъ сего крестьянина крестить дитя свое въ православіе, представляя ему и то, что и жена его Меланія Владимірова, принадлежитъ къ православію, но онъ, на всѣ мои посильныя убѣжденія, отвѣчалъ грубостями, свойственными отступникамъ православія, и остался непреклоннымъ, сваливая всю вину на жену свою. „Если жена твоя виновата въ намѣреніи окрестить дитя въ лютеранство, то Богъ накажетъ ее, буде она не обратится", сказалъ я послѣ продолжительныхъ убѣжденій, и просилъ его передать слышанное отъ меня женѣ его.

„Чрезъ нѣсколько дней, тесть Цельмса и онъ самъ являются ко мнѣ и объявляютъ, что жена Цельмса, Меланія Владимірова, 14-го іюля скончалась отъ кори, и что трупъ ея почернѣлъ такъ, что страшно было и взглянуть. „Вѣрно наказаніе Божіе постигло дочь мою", сказалъ отецъ ея, „за то, что она окрестила дитя свое въ лютеранство, презрѣвъ жалобы и просьбы ваши". На просьбу мою разсказать объ обстоятельствахъ крещенія младенца и смерти матери, отецъ ея, крестьянинъ Владиміръ Оасе разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Дня за два предъ смертію, родила дочь моя младенца, котораго предопредѣлила окрестить въ лютеранство, приготовивъ предварительно все нужное для крещенія: ризки, шапочку, срачицу и проч. Когда ребенокъ

родился, онъ былъ окрещенъ по лютеранскому обряду. Будучи отъ природы весьма крѣпкаго тѣлосложенія, Меланія Владимірова и послѣ родовъ была, по отношенію къ здоровью, въ самомъ благонадежномъ состояніи. Но лишь только совершилось крещеніе младенца, она почувствовала себя дурно и просила послать за своею матерью, но та не успѣла еще и придти къ ней, какъ она была уже мертва. Послѣ смерти появилась на тѣлѣ ея мелкая высыпка, и тѣло покрылось какъ бы черною корою, что и приписываютъ крестьяне — корп, извѣстные симптомы которой надъ умершей предварительно вовсе не существовали, по показанію самихъ же домочадцевъ. Выслушавъ показаніе отца ея, Владиміра Оасе и мужа Цельмса, я, по прилпчномъ внушеніи и убѣжденіи послѣдняго пребывать неуклонно въ православіи, присовокупилъ, что „Богъ поругаемъ не бываетъ“.

„При погребеніи умершей Меланіи Оасе, совершенномъ 17-го іюля 1867 г., я сказалъ поученіе, въ которомъ, изображая поступокъ покойной и горестное его послѣдствіе, со всею христіанскою любовью испрашивалъ у Господа Бога оставленіе грѣховъ усопшей вообще, и грѣха окрещенія въ иновѣріе своего младенца, который былъ мною впослѣдствіи присоединенъ къ православію“ *).

Не оставлены были безъ небеснаго вразумленія и нѣкоторые изъ дѣятелей лютеранской пропаганды среди православныхъ латышей **).

---

*) Записки свящ. А. Полякова, стр. 556—7.

**) Таковъ, напр., случай пожара въ домѣ школмейстера Мишке. Записки свящ. А. Полякова, стр. 552—553.

XXVII.

50-лѣтіе Рижской епископской каѳедры и близость 35-лѣтія Петропавловскаго братства.—Дѣятельность Петропавловскаго братства.—Бѣдственное положеніе церквей въ началѣ дѣятельности преосвященнаго Платона.—Письмо преосвященнаго Платона братству.—Жертвователи на церкви въ Прибалтійскомъ краѣ.—Воззваніе братства.

Прежде чѣмъ закончимъ скорбную повѣсть о тѣхъ бѣдственныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ существовало и насаждалось православіе въ Прибалтійскомъ краѣ, вспомнимъ съ глубокою благодарностью о благотворной и, можно сказать, незабвенной дѣятельности на пользу православія и народности тѣхъ, чьи имена навсегда останутся памятными для исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ: это—Рижское Петропавловское братство и приснопамятные православные епископы, „право-правившіе слово истины“ въ этомъ краѣ. Тѣмъ благовременнѣе сдѣлать это, что 1-го іюня 1900 г. исполнилось уже 50-лѣтіе епископской Рижской каѳедры, а въ 1902 г. исполнится 35-лѣтіе трудовъ братства на пользу православія и народности въ Прибалтійскомъ краѣ.

Рижское Петропавловское братство въ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ имѣло и имѣетъ огромное значеніе. Это значеніе братства основывается на тѣхъ задачахъ и цѣляхъ, которыя поставлены себѣ братствомъ. Сооруженіе и поддержаніе въ возможномъ благолѣпіи православныхъ храмовъ, снабженіе ихъ бого-

служебными принадлежностями, соблюденіе въ нихъ надлежащаго порядка и благочинія во время богослуженія, распространеніе между православными христіанскаго просвѣщенія чрезъ заведеніе и поддержаніе въ православныхъ приходахъ училищъ и библіотекъ, при неослабномъ надзорѣ за преподаваніемъ въ приходскихъ и другихъ православныхъ училищахъ въ духѣ христіанскаго благочестія и любви къ Царю и отечеству; вспомоществованіе православнымъ жителямъ Прибалтійскаго края въ ихъ нуждахъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, — вотъ тѣ религіозно-просвѣтительныя задачи и цѣли, которыя, со времени основанія братства и до настоящаго времени, составляютъ его жизнь и дѣятельность на пользу церкви и отечества.

Въ біографическомъ очеркѣ: „Пятидесятилѣтіе должностной дѣятельности высокопреосвященнаго Платона“ дается слѣдующее описаніе церквей Рижской епархіи, при вступленіи преосвященнаго Платона въ управленіе этою епархіею.

Въ Остзейскомъ краѣ въ 50-хъ годахъ сельскія православныя церкви большею частью имѣли временное помѣщеніе то въ домахъ военныхъ постоевъ, то въ частныхъ строеніяхъ и не рѣдко въ такихъ, куда заглянуть было непріятно, напримѣръ, въ винокурняхъ, кузницахъ, сараяхъ, въ которыхъ рядомъ съ церковью запирался скотъ. Убожество облаченій было страшное; многихъ необходимыхъ церковныхъ вещей вовсе не существовало. Въ иныхъ церквахъ иконостасъ состоялъ изъ простой тесовой перегородки, на которой развѣшивались присланныя изъ другой епархіи, значительно утратившія свой видъ, иконы разной величины. Такое жалкое положеніе церквей естественно отталкивало простой народъ отъ православія и ослабляло привязанность къ нему тѣхъ, которые уже присоединились *).

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго православнаго Петропавловскаго братства, стр. 19.

Дѣла братству предстояло много. А при тѣхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя въ Прибалтійскомъ краѣ постоянно встрѣчали русскіе и православные въ своей дѣятельности, братчикамъ нужно было имѣть много энергіи и вѣры въ свое дѣло, чтобы не ослабѣвать, особенно на первыхъ порахъ. Враги православія и народности въ этомъ краѣ предсказывали братству полный неуспѣхъ и скорое прекращеніе его дѣятельности. Даже среди русскихъ и православныхъ встрѣчались сомнѣвавшіеся въ успѣшной дѣятельности братства. Не удивительно поэтому, что даже въ сердцѣ основателя братства—высокопреосвященнаго Платона являлись иногда мысли о возможной малоуспѣшности братства въ его благихъ цѣляхъ и задачахъ. Нѣкоторымъ доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующее письмо его братству отъ 16-го апрѣля 1869 г.

„Прочитавъ отчетъ Рижскаго Петропавловскаго православнаго братства, я искренно радуюсь, что это братство не только существуетъ, но и проявляетъ свою жизнь разными благотворительными дѣйствіями, по мѣрѣ силъ его. Молю Господа, чтобы надежда, выраженная братствомъ въ концѣ его отчета, вполнѣ осуществилась. Теперь, какъ видно изъ газетъ, въ Прибалтійскомъ краѣ повѣялъ иной вѣтеръ, благопріятный для русскихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пробудился русскій духъ и заговорило русское слово. Поэтому можно надѣяться, что дѣла православія и русскаго православнаго братства примутъ теперь въ этомъ краѣ другой ходъ, тѣмъ паче, что въ сердцѣ Россіи возбудилось сочувствіе къ нимъ. Утѣшая себя такою надеждою, призываю благословеніе Божіе на всѣхъ членовъ Рижскаго Петропавловскаго братства и совѣтую имъ дѣйствовать на ихъ поприщѣ благодушно, памятуя слова Спасителя: „Не бойся, малое стадо“ *).

---

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго православнаго Петропавловскаго братства, стр. 11—12.

Религіозно-патріотическое дѣло просвѣщенія эстовъ и латышей свѣтомъ православія нашло себѣ откликъ въ сердцахъ многихъ истинно-русскихъ и православныхъ людей. Отчеты Петропавловскаго братства за прошлые годы испещрены именами и фамиліями жертвователей, во главѣ которыхъ стоятъ Высочайшія Особы. Съ чувствомъ благоговѣйной благодарности вспоминаются эти жертвователи, эти созидатели „русскаго дѣла“ въ Прибалтійскомъ краѣ. На нужды православныхъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ жертвовали: Государь Императоръ Александръ II Николаевичъ *), Государыня Императрица Марія Александровна **), Государь Наслѣдникъ, впослѣдствіи Императоръ Александръ III Александровичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ Кромѣ этихъ пожертвованій отъ Высочайшихъ Особъ. на имя братства поступали самыя разнообразныя пожертвованія отъ разныхъ лицъ и учрежденій. Видное мѣсто среди этихъ жертвователей принадлежитъ: основателю братства — высокопреосвященному Платону, пожертвовавшему 1,000 рублей, и другимъ почетнымъ предсѣдателямъ братства — преосвященнымъ рижскимъ и митавскимъ—Веніамину, Серафиму, Филарету, Донату, Арсенію. Изъ свѣтскихъ лицъ выдающимися жертвователями были—Ю. Ѳ. Самаринъ, графъ А. Е. Комаровскій, петербургскій купецъ П. П. Четвериковъ, В. В. Перцевъ, П. П. Веденисовъ, В. П. Макшеевъ, Г. С. Ломоносовъ и множество другихъ лицъ разныхъ званій и состояній; среди нихъ было не мало пожелавшихъ остаться неизвѣстными.

Для умноженія своихъ средствъ Петропавловское братство иногда обращалось съ воззваніями къ разнымъ благотворителямъ. Такъ, напримѣръ, совѣтъ братства, радѣя о приращеніи своихъ средствъ, въ 1887 г., съ

---

*) Тамъ-же, стр. 29, 63.
**) Тамъ-же, стр. 30, 73.

благословенія и разрѣшенія преосвященнаго Доната, епископа рижскаго и митавскаго, рѣшился обратиться съ воззваніемъ къ ревнителямъ православія и благолѣпія храмовъ Божіихъ о пожертвованіяхъ въ пользу православныхъ сельскихъ храмовъ Прибалтійскаго края. Для этой цѣли было напечатано и разослано тысяча экземпляровъ устава братства, отчета за 1886 г. и воззваніе слѣдующаго содержанія:

„Просвѣщаемые свѣтомъ истины латыши и эсты на прибалтійской окраинѣ нашей радостно вступаютъ въ лоно православной Церкви. Въ послѣднія пять лѣтъ новообращенные образовали семнадцать новыхъ приходовъ, а всѣхъ православныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ насчитывается до 216,000. Правительство строитъ храмы и учреждаетъ причты для новыхъ чадъ нашей церкви. Но поддержаніе благолѣпія храмовъ и доставленіе вновь обращеннымъ утверждающаго въ вѣрѣ чтенія составляетъ дѣло прихожанъ.

При бѣдности этихъ послѣднихъ общество православныхъ должно прійдти къ нимъ на помощь. Ради этой помощи двадцать лѣтъ тому назадъ основано въ Ригѣ его высокопреосвященствомъ, бывшимъ архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ, Платономъ, православное Петропавловское братство.

Всегда памятные радѣтели православія и русскаго дѣла дали первыя средства братству: Юрій Ѳ. Самаринъ пожертвовалъ 10,000 руб. и графъ А. Е. Комаровскій—10,000 руб.

Съ Божіею помощью братство въ теченіе 20 лѣтъ исполняло посильно свою задачу. Оно служило посредникомъ между ревнителями благолѣпія православныхъ храмовъ и печальниками о просвѣщеніи народа въ духѣ православія съ одной стороны и нуждающимися въ помощи бѣдными приходами—съ другой.

Къ сожалѣнію, особенно въ послѣдніе годы средства братства оказались далеко недостаточными для удовле-

творенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ новообращенныхъ, число которыхъ увеличивается постоянно.

Братству остается возложить свои надежды на доброхотныя пожертвованія русскихъ людей. Примѣръ такихъ приношеній подань съ высоты престола: въ теченіе истекшаго года нѣсколько храмовъ Прибалтійскаго края получили отъ щедротъ Ихъ Императорскихъ Величествъ облаченія и утварь. Да не останется этотъ высокій примѣръ безъ подражанія! Нужды велики и средства къ ихъ удовлетворенію требуются значительныя; но изъ малыхъ взносовъ можетъ образоваться помощь, которая утѣшитъ новообращенныхъ и будетъ свидѣтельствовать о братской любви къ нимъ великаго православнаго народа.

Поэтому Рижское Петропавловское братство съ благословенія его преосвященства, епископа рижскаго и митавскаго, обращается къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою по мѣрѣ возможности подать руку помощи — деньгами или церковною утварью — нуждающейся православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ, равно и словомъ убѣжденія вліять на близкихъ вамъ ревнителей благочестія и благолѣпія храма Господня" *).

И, благодареніе Богу, голосъ братства, искавшій себѣ отклика у православныхъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно находилъ его у различныхъ ревнителей православія и благолѣпія храмовъ Божіихъ.

---

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Православнаго братства, стр. 41—43.

XXVIII.

Заботы братства о школахъ.—Братскій домъ, библіотека.—Изданіе проповѣдей. — Самаринскій капиталъ. — Патріотическій характеръ дѣятельности братства.

Дѣятельность Рижскаго Петропавловскаго братства, согласно его уставу, имѣла въ виду, кромѣ благоукрашенія православныхъ храмовъ, и религіозно-нравственное просвѣщеніе принявшихъ православіе латышей и эстовъ. Поэтому заботы братства о насажденіи и процвѣтаніи православныхъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ вытекали изъ насущныхъ потребностей жизни православія въ этомъ краѣ и по возможности удовлетворяли ихъ. Это и не удивительно, если принять во вниманіе положеніе церковно-школьнаго дѣла въ этомъ краѣ въ началѣ дѣятельности братства. Въ „Очеркѣ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго православнаго Петропавловскаго братства“ даются слѣдующія краткія и обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу.

Въ началѣ православія, всѣ мѣстныя правительственныя и общественныя учрежденія въ Прибалтійскомъ краѣ, а также матеріальныя средства исключительно находились въ рукахъ лютеранъ. Высшее православное духовенство понимало, что со стороны мѣстнаго общества православное населеніе въ дѣлѣ образованія ничего ожидать не можетъ. Поэтому, вмѣстѣ съ учрежденіемъ православныхъ приходовъ, постановлено было, чтобы каждый православный причтъ принималъ

крестьянскихъ дѣтей и обучалъ ихъ грамотѣ, письму, священной исторіи, первымъ началамъ ариѳметики. Предполагалось, наряду съ приходскими школами, открыть вспомогательныя по волостямъ, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей по одной на 500 душъ мужского населенія. Въ приходскихъ школахъ безвозмездное обученіе возлагалось на священниковъ и причетниковъ, а въ вспомогательныхъ—на сельскихъ учителей по выбору мірскихъ обществъ, которыя должны были выдавать учителямъ и содержаніе; утвержденіе же и увольненіе учителей полагалось предоставить епископу. Этотъ вопросъ, какъ и все, касавшееся православія, затягивался то въ Петербургѣ, то въ Ригѣ, и, наконецъ, въ 1850 г. при преосвященномъ Платонѣ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Приходскія школы кое-какъ помѣщались въ домахъ священнослужителей; для школъ же вспомогательныхъ или вовсе не находилось помѣщенія или онѣ должны были помѣщаться въ строеніяхъ, напятыхъ за высокую, если не баснословную цѣну, при томъ въ такихъ, которыя далеко не соотвѣтствовали своему назначенію. Въ 1855 г. по ходатайству преосвященнаго Платона, Высочайше повелѣно было пріобрѣтать мѣста для школъ принудительнымъ выкупомъ и назначать вознагражденіе за нихъ административнымъ порядкомъ.

— Въ такомъ положеніи находились сельскія православныя школы. Въ какомъ же положеніи было дѣло въ городахъ?—Въ протоколѣ братства за 1867 г. значится, что „во всемъ городѣ Ригѣ не оказалось ни одного православнаго церковнаго училища“ *).

Съ первыхъ же лѣтъ своего существованія, братство обращаетъ самое серьезное вниманіе на „воспитаніе православныхъ мальчиковъ въ духѣ православной

*). Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Петропавловскаго братства, стр. 54—55.

церкви и всѣхъ, вообще, дѣтей въ духѣ русской народности, любви къ царю и отечеству" *).

Открытіе „воскресной школы" при рижской духовной семинаріи, церковной приходской школы преимущественно для бѣднаго русско-латышскаго населенія, учрежденія братскаго русско-эсто-латышскаго училища, пріобрѣтеніе братскаго дома для нуждъ школы, учрежденіе „Совѣта по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ", устройство русской общественной библіотеки, изданіе братствомъ учебныхъ руководствъ и книгъ для школъ эстовъ и латышей—вотъ краткій перечень и указаніе того, въ чемъ проявлялась религіозно-просвѣтительная дѣятельность братства и каковъ былъ характеръ этой дѣятельности. И въ этомъ школьно-просвѣтительномъ дѣлѣ много помогали братству христолюбивые жертвователи, среди которыхъ первыя мѣста принадлежатъ—Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, съ 1871 по 1881 г. ежегодно жертвовавшей на труды русско-эсто-латышскаго училища по 200 р., Государю Императору Александру III Александровичу, изволившему пожертвовать 2.000 р. на это же училище, московскому благотворителю В. П. Перцеву, на пожертвованія котораго иногда содержалось братское русско-эсто-латышское училище и извѣстному патріоту Ю. Ѳ. Самарину, завѣщавшему на нужды братства цѣлый капиталъ въ 10,000 р.

Пожертвованіе Ю. Ѳ. Самарина, съ присоединеніемъ къ нему 500 р., пожертвованныхъ С. Ю. Самариной, и 900 р., пожертвованныхъ Д. Ѳ. Самаринымъ, составило неприкосновенный капиталъ въ 11,400 р.

Вышеозначенный капиталъ завѣщанъ въ распоряженіе Рижскаго Петропавловскаго братства съ тѣмъ, чтобы проценты съ него получали опредѣленное назначеніе: употреблялись исключительно на образованіе православныхъ латышей.

*) Тамъ-же, стр. 75.

Согласно волѣ завѣщателя, братство признало наиболѣе цѣлесообразнымъ расходовать проценты съ пожертвованной суммы: 1) на дополнительное жалованье учителямъ, содержаніе которыхъ не можетъ быть оплачиваемо изъ средствъ мѣстныхъ обществъ; 2) на пособія тѣмъ обществамъ, собственныя средства которыхъ оказываются недостаточными на учрежденіе новыхъ начальныхъ православныхъ народныхъ училищъ въ мѣстностяхъ, обращающихъ на себя особое вниманіе. Въ силу этихъ общихъ положеній, братство выработало въ пяти пунктахъ „Положеніе о Самаринскомъ капиталѣ".

1. Капиталъ въ 10,000 р., завѣщанный Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ Рижскому Петропавловскому братству, остается навсегда неприкосновеннымъ и обращается въ 5% билетъ Государственнаго банка и другія правительственныя бумаги.

2. Въ память Юрія Ѳедоровича Самарина завѣщанному имъ капиталу присвоивается наименованіе „Самаринскаго", и въ день кончины Юрія Ѳедоровича, 19 марта, совершается по немъ молитвенное поминовеніе какъ братствомъ, такъ и школами, которыя будутъ получать пособіе изъ процентовъ означеннаго капитала.

3. Проценты съ „Самаринскаго капитала" должны быть, согласно волѣ завѣщателя, употребляемы исключительно на образованіе православныхъ латышей. Поэтому они могутъ быть назначаемы: a) на поддержаніе существующихъ православныхъ латышскихъ школъ; b) на учрежденіе новыхъ латышскихъ школъ; c) на стипендіи для обученія православныхъ латышей въ начальныхъ школахъ, учрежденныхъ не исключительно для православныхъ латышей; d) на стипендіи для дальнѣйшаго образованія православныхъ латышей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

4. Самаринскому капиталу, въ виду спеціальнаго назначенія его, ведется особая отчетность, а на приходъ по суммамъ братства записываются только проценты съ

этого капитала, съ обозначеніемъ, на какой предметъ они отпущены. Прибыль, могущая образоваться при покупкѣ процентныхъ бумагъ, равнымъ образомъ и неизрасходованные въ теченіе года проценты должны быть причисляемы къ капиталу.

5. Суммы, которыя будутъ жертвуемы на образованіе православныхъ латышей, могутъ быть, съ согласія жертвователей, присоединяемы къ Самаринскому капиталу *).

Не оставило братство безъ вниманія и безъ удовлетворенія нуждъ и потребностей православныхъ эстовъ и латышей въ книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія. До 1870 года на латышскій и эстонскій языки были переведены только нѣкоторыя богослужебныя книги и весьма немного краткихъ произведеній для первоначальнаго наставленія въ православіи (пространный и краткій катехизисы, пастырскія посланія архіепископа Платона, краткія брошюры протоіерея Поспѣлова, краткое изъясненіе православнаго богослуженія Михайловскаго, переведенное священникомъ Окновымъ), но не было ни церковной, ни государственной русской исторіи, ни сборника проповѣдей, ни руководствъ къ изученію русскаго языка латышами и эстонцами, ни русской географіи, — въ чемъ чувствовалась неотложная потребность. Братство приняло это близко къ сердцу и обратило на этотъ предметъ серьезное вниманіе. Въ мартѣ 1870 г. братство образовало издательскій комитетъ. На изданіе разныхъ полезныхъ книгъ оно отдѣлило на первый разъ 1000 р. **).

Среди книгъ религіозно-нравственнаго содержанія особенно ощутительно было для священнослужителей отсутствіе сборника проповѣдей на латышскомъ и эс-

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Петропавловскаго братства, стр. 68—70.

**) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Петропавловскаго братства, стр. 59.

тонскомъ языкахъ. Для удовлетворенія этой духовной нужды предположено было издать „Сборникъ проповѣдей“ на этихъ языкахъ. Нашлись и средства для этого благодаря преосвященному Веніамину, епископу Рижскому и Митавскому, изъявившему желаніе пожертвовать на это дѣло братству 1,500 р.

Въ этихъ видахъ совѣтъ братства обратился ко всѣмъ священникамъ латышскихъ и эстонскихъ приходовъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Православные эсты и латыши до сихъ поръ не имѣютъ никакихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для домашняго чтенія, а любовь къ чтенію подобныхъ книгъ, какъ вамъ извѣстно, въ нихъ развита. Совѣтъ Рижскаго Петропавловскаго братства, желая удовлетворить этой потребности православныхъ эстовъ и латышей, намѣревается на первыхъ порахъ издать „Сборникъ проповѣдей“ на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ, по возможности на всѣ воскресные дни. Вслѣдствіе сего Совѣтъ братства покорно проситъ ваше преподобіе оказать этому его предпріятію ваше посильное содѣйствіе высылкою вашихъ лучшихъ проповѣдей, оригинальныхъ или переводныхъ, въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ сего года. Проповѣди, кои, по мнѣнію Совѣта братства, не могутъ войти въ составъ предполагаемаго сборника, будутъ вамъ возвращены въ цѣлости, для чего подъ каждою вашею проповѣдью благоволите выставить ваше имя и фамилію. Совѣтъ братства питаетъ твердую надежду, что ваше преподобіе не откажетесь принять участіе въ этомъ благомъ его предпріятіи. Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ братства имѣетъ честь заявить вашему преподобію, что онъ имѣетъ средства какъ для напечатанія сборника проповѣдей, такъ и для вознагражденія васъ за самыя проповѣди, въ размѣрѣ 25 р. за печатный листъ оригинальныхъ проповѣдей и 10 р. за печатный листъ переводныхъ“.

При этомъ Совѣтъ братства заявляетъ, что печата-

ніемъ проповѣдей братство не будетъ вызвано на чрезвычайные расходы, такъ какъ для изданія проповѣдей и другихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія оно заручилось сочувствіемъ этому дѣлу почетнаго предсѣдателя братства, преосвященнаго Веніамина, епископа Рижскаго и Митавскаго, изъявившаго готовность передать въ распоряженіе братства на это дѣло 1,500 р. *).

Вообще, дѣятельность братства имѣла и имѣетъ въ виду по возможности внѣдрить въ мѣстное населеніе чувства любви и признательности къ Царю и Отечеству вмѣстѣ съ глубокою преданностью православію. Такой характеръ дѣятельности братства особенно замѣтенъ въ дни національныхъ торжествъ и праздниковъ: таковы были напр. праздникъ 900-лѣтія крещенія Руси 15 іюля 1888 г. и день 17 октября 1888 г., день спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей семьи отъ грозившей имъ погибели **).

---

*) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Петропавловскаго братства, стр. 65—67.

**) Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности Рижскаго Петропавловскаго братства, стр. 45—48.

XXIX.

Дѣятельность архипастырей въ Прибалтійскомъ краѣ.—Рижскіе епископы-викаріи: преосвященные Иринархъ и Филаретъ.—Епископы Рижскіе и Митавскіе—преосвященные: Платонъ, Веніаминъ, Серафимъ, Филаретъ, Донатъ, Арсеній и Агаѳангелъ.

Вспомнимъ, хотя кратко, и тѣхъ епископовъ православныхъ, которые неослабно трудились, насаждая и утверждая православіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Память ихъ съ похвалами, и достойны ублаженія труды ихъ: не вотще они трудились, они твердо держали свѣтильникъ свой, и свѣтъ ихъ ярко свѣтилъ среди тьмы религіозныхъ заблужденій Прибалтійскаго края, которыми онъ изобилуетъ, къ сожалѣнію, и понынѣ.

Первымъ епископомъ Рижскимъ, викаріемъ Псковской епархіи, былъ преосвященный Иринархъ, 15 сентября 1836 г. перемѣщенный въ Ригу изъ епископовъ Старицкихъ, викаріевъ Тверской епархіи. По своему образованію и по своимъ выдающимся нравственнымъ качествамъ преосвященный Иринархъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Онъ былъ отличнымъ богословомъ, замѣчательнымъ языковѣдомъ, неутомимымъ и ревностнымъ проповѣдникомъ; жизнь его была образцомъ умѣренности, безкорыстія и кротости, и служеніе Иринарха (до епископства) при нашихъ заграничныхъ церквахъ въ Миланѣ, Флоренціи и Греціи развило въ немъ замѣчательное умѣнье обращаться съ людьми и въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя

съ достоинствомъ. Эти-то качества особенно и требовались при служеніи въ Ригѣ.

Пять лѣтъ преосвященный Иринархъ трудился въ Ригѣ на пользу православной церкви *).

О трудахъ его по обращенію раскольниковъ къ единовѣрію, о пареканіяхъ, которыя онъ перенесъ безвинно по дѣлу относительно перехода латышей изъ лютеранства въ православіе и объ удаленіи его изъ Риги (12 октября 1841 г.) уже достаточно говорилось. Этотъ первый епископъ Рижскій скончался 25 сентября 1877 г. на покоѣ въ Троицкомъ Рязанскомъ монастырѣ. Да воздастъ ему Господь за труды его, за терпѣніе и за страданія его!

Преемникомъ преосвященнаго Иринарха былъ преосвященный Филаретъ (Гумилевскій), извѣстный богословъ, историкъ и проповѣдникъ. Семь лѣтъ трудился онъ въ Ригѣ на пользу православія **). Въ концѣ своего пребыванія въ Ригѣ, отягченный интригами враговъ, изнемогъ и этотъ борецъ за православіе, и просилъ себѣ или перевода изъ Риги или увольненія на покой. „Семи лѣтъ муки,—писалъ онъ преосвященному Иннокентію Херсонскому,—довольно. Интриги за интригами, клевета за клеветой. Истерзали. Дайте умереть спокойно“ ***).

6 ноября 1848 г. онъ переведенъ былъ въ Харьковъ. Но и на Харьковской каѳедрѣ онъ не забывалъ о Прибалтійской Церкви и о нуждахъ ея. Изъ Харькова преосвященный Филаретъ писалъ знаменитому іерарху русской церкви преосвященному Иннокентію Херсонскому, члену Святѣйшаго Синода: „Если бы предложили мнѣ вопросъ: что нужнѣе всего для пользы дѣлъ православія въ Лифляндіи?—то я сказалъ бы: самая пер-

---

*) „Церк. Вѣд.“ за 1900 г., стр. 433.
**) О трудахъ его упоминалось раньше.
***) „Церк. Вѣд.“ № 11 за 1900 г., стр. 434.

вая необходимость—открыть отдѣльную епархію. Мое дѣло по отношенію къ этому пункту—сторона, но я говорю по совѣсти и по убѣжденію, основанному на точномъ знаніи положенія дѣлъ, мыслей и людей. Открытіе епархіи повлечетъ за собою самыя благодѣтельныя послѣдствія для спокойствія дѣлъ мѣстной православной церкви. Интриги псковскія прекратятся, замыслы на уничтоженіе каѳедры тоже; порывы стѣснять мѣстныхъ лицъ командовать православіемъ—ограничатся; отношенія самихъ помѣщиковъ къ православію значительно улучшатся. Высокопреосвященный владыко, заставьте несчастный край, тысячи православныхъ, сотни духовныхъ лицъ—молить за васъ Господа, содѣйствуйте, сколько будетъ въ силахъ вашихъ, возможно скорѣйшему открытію епархіи Лифляндской! Истинно будете радоваться и за гробомъ за совершеніе этого подвига“ *).

Второй викарій Рижскій преосвященный Филаретъ скончался 9 августа 1866 г. на пути своемъ въ Конотопъ.

Третьимъ епископомъ Рижскимъ и первымъ самостоятельнымъ епископомъ этой каѳедры былъ преосвященный Платонъ, съ 6 ноября 1848 г. и по 9 марта 1867 г., когда онъ былъ назначенъ на Донскую каѳедру. Болѣе 18 лѣтъ трудился преосвященный Платонъ для дѣла православія въ Прибалтійскомъ краѣ **). „Заботливость архіепископа Платона о Рижской паствѣ, его удивительная стойкость въ отстаиваніи интересовъ православія стяжали архипастырю любовь пасомыхъ и уваженіе; но, все-таки, преосвященный Платонъ былъ переведенъ изъ Риги по настоянію высшей гражданской власти ***).

Скончался высокопреосвященный Платонъ въ санѣ митрополита Кіевскаго, 1 октября 1891 г.

*) „Церк. Вѣд.“ за 1900 г., стр. 432.
**) О трудахъ его упоминалось раньше.
***) „Церк. Вѣд.“ за 1900 г., стр. 435

Четвертымъ епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ былъ назначенъ со 2 марта 1870 г. преосвященный Веніаминъ. Служеніе преосвященнаго Веніамина, благостнаго и добраго архипастыря, было продолженіемъ дѣятельности его предшественника и посвящено было устроенію быта новыхъ чадъ православной церкви, духовно-нравственному преуспѣянію и просвѣщенію пасомыхъ, всевозможному удовлетворенію ихъ духовныхъ нуждъ (построеніе новыхъ храмовъ, открытіе приходовъ, устройство школъ, учрежденіе братствъ и проч.), но служеніе это было непродолжительно: 21 августа 1874 г. преосвященный Веніаминъ скончался въ Ригѣ и погребенъ въ Петропавлевскомъ соборѣ *).

Со 2 октября 1874 г. и по 8 декабря 1877 г. святительствовалъ въ Ригѣ преосвященный Серафимъ. Онъ былъ пятымъ епископомъ Рижскимъ. Внѣшне онъ какъ будто былъ суровъ и строгъ, но на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ справедливый, добрый, сердечный, отзывчивый на всякое доброе дѣло; въ обращеніи съ другими онъ обнаруживалъ всегда черты врожденнаго благородства, деликатности и нравственнаго изящества. Эти послѣднія отличительныя черты характера преосвященнаго Серафима, безъ сомнѣнія, и были одной изъ побудительныхъ причинъ назначенія его въ Ригу, служеніе въ которой требовало особеннаго умѣнья обходиться съ людьми **).

Умеръ преосвященный Серафимъ 11 января 1891 г. въ Самарѣ.

Шестымъ епископомъ Рижскимъ былъ преосвященный Филаретъ (Филаретовъ), съ 8 декабря 1877 г. по 23 февраля 1882 г. На рижской каѳедрѣ особенное вниманіе преосвященнаго Филарета было обращено на благоустройство духовной семинаріи, на нравственное

---

*) „Церк. Вѣд." за 1900 г., стр. 436.
**) Тамъ-же.

и матеріальное возвышеніе духовенства и особенно на устраненіе различныхъ стѣсненій и ограниченій, какія терпѣли православные въ Остзейскомъ краѣ со стороны господствующаго тамъ нѣмецкаго протестантскаго элемента. Ревностныя заботы преосвященнаго Филарета о духовенствѣ и о ввѣренной ему паствѣ, одушевленныя его горячею любовью къ дѣлу православія, встрѣчали сочувствіе мѣстнаго духовенства и поддержку въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, но, къ сожалѣнію, вызывали противодѣйствіе нѣмецкой партіи. Борьба съ послѣднею причинила преосвященному Филарету не мало огорченій и непріятностей и, можетъ быть, сдѣлалась даже причиною преждевременной кончины этого іерарха. Послѣ четырехъ съ небольшимъ лѣтъ управленія рижскою епархіею преосвященный Филаретъ скоропостижно скончался 23 февраля 1882 г. и погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ *).

Время святительства седьмого Рижскаго епископа преосвященнаго Доната также было непродолжительно: съ 6 марта 1882 г. по 28 марта 1887 г. Но какъ памятны годы управленія преосвященнымъ Донатомъ Рижскою епархіею! По благости Божіей, при немъ „началось новое (по счету третье) массовое движеніе эстовъ и латышей къ соединенію съ православною церковью. Открылось это движеніе въ 1883 г. въ дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и, ослабѣвъ нѣсколько въ 1884 г., приняло затѣмъ очень значительные размѣры, такъ что за пятилѣтній періодъ управленія преосвященнаго Доната епархіею, благодаря такту, уму и добротѣ этого архипастыря, число всѣхъ туземцевъ, принявшихъ православіе, было свыше пятнадцати съ половиною тысячъ“ **). Во время епископства преосвященнаго Доната, по соизволенію Государя Императора Александра III,

*) «Церковныя Вѣдомости» 1900 г., стр. 437.
**) Тамъ-же.

вездѣ стоявшаго на стражѣ интересовъ православія и народности, въ 1885 г., въ видахъ огражденія православія, подтвержденъ законъ о предбрачныхъ подпискахъ касательно крещенія и воспитанія дѣтей въ православной вѣрѣ, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ *).

Мы видѣли, какой ущербъ православію въ Прибалтійскомъ краѣ причинило распоряженіе 1865 г. объ отмѣнѣ „предбрачныхъ подписокъ“: какъ благодѣтельно поэтому для православія было возстановленіе прежняго закона! Но этимъ не ограничились милости Императора Александра III для Прибалтійскаго края. Обращено было вниманіе на нужды православныхъ церквей и школъ, и съ 1886 года Высочайше повелѣно было въ теченіе трехъ лѣтъ отпускать изъ Государственнаго Казначейства по 100 тысячъ рублей на устройство церквей, причтовыхъ и школьныхъ помѣщеній въ Прибалтійскомъ краѣ **). Не оставленъ былъ безъ вниманія и укоренившійся было обычай дѣлать сборы съ православныхъ эстовъ и латышей на содержаніе протестантскихъ учрежденій и духовенства: въ 1886 г. воспрещено дѣлать сборы и взысканія съ лицъ православныхъ въ пользу протестантскихъ церквей, духовенства и учрежденій ***).

Скончался пр. Донатъ, этотъ выдающійся дѣятель на пользу православія въ Прибалтійскомъ краѣ, на покоѣ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, въ 18 верстахъ отъ Москвы, 16 апрѣля 1896 г.

Преемникомъ преосвященнаго Доната и восьмымъ епископомъ Рижскимъ, съ 28 марта 1887 г. и по 4 октября 1897 г., былъ преосвященный Арсеній, нынѣ архіепископъ Казанскій. Слишкомъ десять лѣтъ преосвященный Арсеній, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, ревностно и успѣшно трудился въ Остзейскомъ

---

*) «Церковныя Вѣдомости» 1900 г., стр. 438.
**) «Церковныя Вѣдомости», за 1900 г., стр. 438.
***) Тамъ-же.

краѣ надъ утвержденіемъ и распространеніемъ православія, дѣятельно продолжая многоплодное служеніе своихъ предшественниковъ. Православная паства при преосвященномъ Арсеніи продолжала ежегодно увеличиваться (среднимъ числомъ около 1,000 человѣкъ въ годъ) новыми чадами изъ обращающихся къ православію эстовъ и латышей. Заботами преосвященнаго Арсенія возстановлена память одного изъ древнихъ насадителей православія въ Лифляндіи священномученика Исидора и сопострадавшихъ съ нимъ *). Въ особенности-же нужно отмѣтить основаніе при преосвященномъ Арсеніи, замѣчательнаго по своей дѣятельности Пюхтицкаго женскаго монастыря (въ 1892 г.). Эта обитель является оплотомъ и разсадникомъ православія въ Эстскомъ краѣ и извѣстна своими благотворительными учрежденіями, каковы больница, община сестеръ милосердія, богадѣльня, пріютъ и училище. Полезная дѣятельность преосвященнаго Арсенія въ Рижской епархіи обратила на него вниманіе высшей власти и ему 15 мая 1893 г. былъ пожалованъ санъ архіепископа, а 4 октября 1897 г. архіепископъ Арсеній былъ переведенъ въ Казань, гдѣ и святительствуетъ донынѣ. Прощаясь съ Рижскою паствою, преосвященный Арсеній принесъ 25 тысячъ рублей въ пользу епархіальнаго попечительства о вдовахъ и сиротахъ духовенства **).

Въ настоящее время, съ 4 октября 1897 г., на Рижской каѳедрѣ святительствуетъ девятый Рижскій епископъ преосвященный Агаѳангелъ, по примѣру своихъ предшественниковъ прилагающій всѣ заботы къ утвержденію православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

---

*) 29-го ноября 1898 г. въ Петербургѣ при церкви Михаила Архангела, что въ Малой Коломнѣ, открыто братство во имя священномученика Исидора. См. «Церковныя Вѣдомости» за 1900 г. № 13, стр. 546—547.

**) «Церковныя Вѣдомости» за 1900 г., стр. 438—9.

Заканчивая свое повѣствованіе о „судьбахъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ“, приведемъ нѣкоторыя данныя изъ „всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1896 и 1897 гг.“.

Въ рижской епархіи, обнимающей собою весь Прибалтійскій край, православныхъ числится до 250,522 человѣкъ обоего пола, изъ коихъ русскихъ только незначительная часть, большинство-же латыши и эсты, есть также ливы (въ Курляндской губерніи) и шведы (на островѣ Вормсѣ).

Православные усердно посѣщаютъ богослуженія и исполняютъ святыя таинства, почитаютъ праздники, соблюдаютъ посты и истинно православно-русскіе обычаи: служатъ молебны по разнымъ случаямъ, возжигаютъ свѣчи предъ иконами, поминаютъ своихъ усопшихъ, истово совершаютъ крестное знаменіе.

Къ прискорбію, существуютъ обстоятельства и условія, препятствующія въ извѣстной степени развитію религіознаго усердія и благочестія въ народѣ. Къ нимъ относятся: 1) разбросанность православнаго населенія на обширномъ пространствѣ и отдаленность жительства прихожанъ отъ церкви; 2) безземельность и бѣдность большинства православныхъ въ матеріальномъ отношеніи, зависящихъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ; 3) окружающая иновѣрная среда: не только селенія, но даже семьи часто состоятъ изъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій—православныхъ и лютеранъ.

Лютеранскіе пасторы держатъ себя по отношенію къ православнымъ,—въ особенности къ священникамъ,—гордо и смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ своихъ, внушая такой-же взглядъ и прихожанамъ своимъ.

Вполнѣ обезпеченные съ матеріальной стороны, пользуясь мощной поддержкой мѣстнаго дворянства и состоя между собою въ тѣсной связи и сношеніяхъ, пасторы во многихъ мѣстахъ пользуются преобладающимъ

вліяніемъ на населеніе. Въ отчетныхъ годахъ, вслѣдствіе донесеній мѣстныхъ священниковъ и на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 21 іюня 1894 г., Рижскимъ епархіальнымъ начальствомъ было сообщено Лифляндскому губернатору о незаконныхъ дѣйствіяхъ 33 пасторовъ въ принятіи на конфирмацію и для совершенія брачныхъ и иныхъ требъ людей, числящихся православными или рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ.

Подверженные вліянію лютеранской среды, православные Рижской епархіи требуютъ особенной заботливости со стороны православнаго духовенства, въ цѣляхъ огражденія ихъ отъ иновѣрныхъ вліяній и религіознаго просвѣщенія ихъ въ духѣ православной вѣры.

Всѣхъ церквей Рижской епархіи къ 1 января 1898 г. состояло 236 и сверхъ того 5 молитвенныхъ домовъ и 31 часовня.

Большую поддержку дѣлу учрежденія и распространенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ оказываютъ существующіе здѣсь Комитетъ по переводу книгъ на латышскій и эстонскій языки, церковныя братства, монастыри и попечительства приходскія.

Братствъ въ Рижской епархіи къ концу 1897 г. было десять: 1) Прибалтійское Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери; 2) Рижское Петропавловское; 3) Вендепское Спасо-Преображенское; 4) Таккеропгское Успенское; 5) Эзельское Свято-Николаевское; 7) Туккомо-Тальсепское; 7) Кальцепадское Іоанно-Богословское; 9) Маріенбургское Свято-Троицкое и 10) Юргепсбургское Свято-Николаевское. Сверхъ того, имѣется 10 отдѣленій Прибалтійскаго братства*).

Монастырей въ Рижской епархіи три: одинъ мужской въ г. Ригѣ и два женскихъ (одинъ въ Курляндской, другой въ Эстляндской губерніяхъ) и 178 церковно-приходскихъ попечительствъ *).

---

*) «Церковныя Вѣдомости» за 1899 г., № 49, стр. 373—375.

Пройдя мысленно исторію судебъ православія въ Прибалтійскомъ краѣ, нельзя не удивляться тому, какъ изъ тѣхъ сѣмянъ православной вѣры, которыя нѣкогда насаждены были древними безвѣстными проповѣдниками въ Ливоніи, нынѣ, благодатію Божіею, выросла Прибалтійская православная русская церковь. Да будутъ-же памятны уроки прошлаго! Будущее—въ рукахъ Божіихъ, а за прошлое—слава Богу!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Одна изъ окраинъ Русскаго государства.—Прибалтійскій край или древняя Ливонія.—Латыши, ихъ отношеніе къ литовцамъ и къ сосѣдямъ—славянскимъ народамъ. 5

II. Латышскій языкъ.—Языческія религіозныя вѣрованія литовцевъ и латышей. 9

III. Сношенія русскихъ славянъ съ латышами.—Латышскіе народцы, данники полоцкихъ князей. . 14

IV. Распространеніе православія среди латышей. — Случаи перехода православныхъ латышей въ католичество. 18

V. Краткій очеркъ историческихъ судебъ Ливоніи. . 22

VI. Мейнардъ, первый латинскій миссіонеръ въ Ливоніи.—Кто былъ князь Владиміръ, позволившій латинскому миссіонеру проповѣдывать въ Ливоніи? 27

VII. Вѣдствія Мейнарда. — Разрѣшеніе папою крестоваго похода въ Ливонію. — Ливы въ водахъ Двины смываютъ съ себя крещеніе и христіанство.—Основаніе Риги. — Учрежденіе рыцарскаго ордена. . . . 34

VIII. Характеръ и способы распространенія католичества и нѣмецкаго владычества въ Ливоніи. . . . 43

IX. Туземные народы и племена Ливоніи—католики.—Порабощенные туземцы постепенно превращаются въ крѣпостныхъ крестьянъ высшихъ классовъ. . 47

X. Состояніе просвѣщенія въ Ливоніи.—Обстоятельства, содѣйствовавшія успѣху лютеранства.—Постепенный переходъ Ливоніи подъ власть Польши, Швеціи и Россіи. 54

XI. Русскій православный священникъ Исидоръ и его дѣятельность въ г. Дерптѣ. —Судъ надъ Исидоромъ и его мученическая кончина.—Основаніе Печерской обители 60

XII. Религіозное вліяніе Россіи на Ливонію. — Первыя русскія церкви въ Прибалтійскомъ краѣ. — Отношеніе латышей къ нѣмцамъ, къ католичеству и протестантству. 70

XIII. Латыши убѣждаются въ превосходствѣ православія надъ другими религіями. — Вліяніе православнаго духовенства. 74

XIV. Латыши и протестантизмъ.—Случаи перехода въ православіе.—Отношеніе гернгутерства къ православію. 79

XV. Преобразованіе конторы духовныхъ дѣлъ въ Рижское духовное правленіе. — Уменьшеніе и возра-

1429

стр.

станіе православной паствы въ Прибалтійскомъ краѣ. — Противодѣйствіе православію со стороны раскола. 85

XVI. Учрежденіе епископской каѳедры въ Ригѣ.—Прибытіе преосвященнаго Иринарха 88

XVII. Голодъ въ Лифляндіи. — Движеніе латышей въ пользу православія.—Мѣры для прекращенія этого движенія. 92

XVIII. Удаленіе преосвященнаго Иринарха изъ Риги.—Прекращеніе движенія среди латышей.—Преосвященный Филаретъ.—Новое движеніе среди латышей въ пользу православія 99

XIX. Обвиненіе православнаго духовенства въ происках и подговорахъ латышей къ движенію въ пользу православія.—Страдальцы за православіе въ Прибалтійскомъ краѣ. 109

XX. Рижская духовная семинарія, значеніе ея для Прибалтійскаго края.—Преобразованіе Рижскаго викаріатства въ самостоятельную епархію. — Учрежденіе школъ 119

XXI. Положеніе латышей, принявшихъ православіе.—Сборы съ православныхъ латышей въ пользу лютеранскаго духовенства. 125

XXII. Распоряженіе 1865 г. объ отмѣнѣ подписокъ, даваемыхъ лицами лютеранскаго вѣроисповѣданія, вступающими въ бракъ съ православными.—Пропаганда лютеранства. 128

XXIII. Князь Суворовъ и его отношеніе къ православію въ Прибалтійскомъ краѣ. — Кощунства лютеранъ.—Мѣры со стороны хозяевъ лютеранъ къ устраненію дѣтей православныхъ латышей отъ школъ. . . . 133

XXIV. Графъ Бобринскій и его ревизія въ Прибалтійскомъ краѣ. — Обозрѣніе Рижской епархіи преосвященнымъ Платономъ. 140

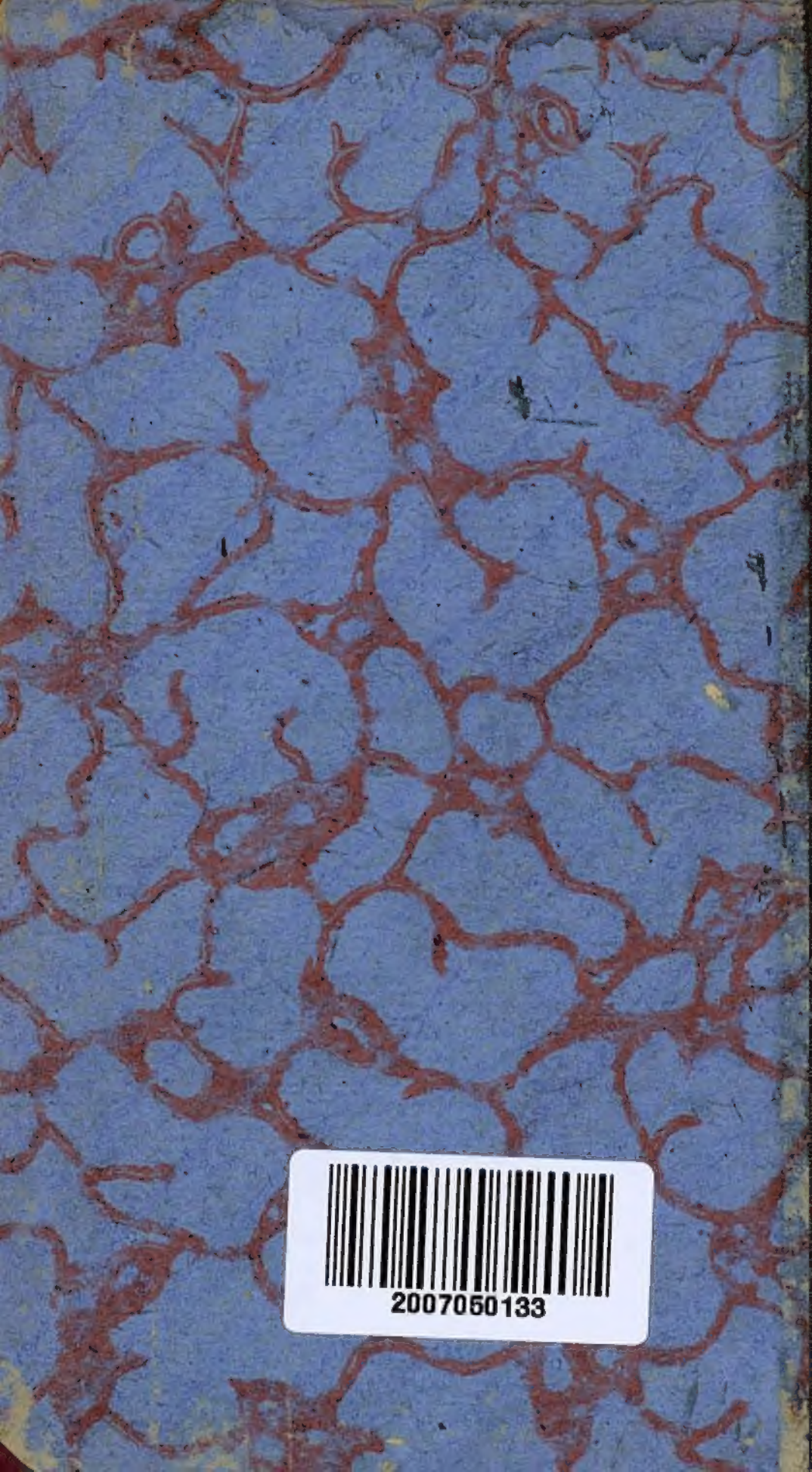
XXV. Уставъ Рижскаго Петропавловскаго братства. — Перемѣщеніе архіепископа Платона изъ Рижской въ Донскую епархію. 149

XXVI. Наказанія Божіи, постигшія отступниковъ и враговъ православія 155

XXVII. 50-лѣтіе Рижской епископской каѳедры и близость 35-лѣтія Петропавловскаго братства.—Дѣятельность Петропавловскаго братства. 160

XXVIII. Заботы братства о школахъ. — Братскій домъ, библіотека. — Изданіе проповѣдей. — Самаринскій капиталъ.—Патріотическій характеръ дѣятельности братства. 166

XXIX. Дѣятельность архипастырей въ Прибалтійскомъ краѣ. 173


2007050133